

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА №2 2018 г.**

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Главный редактор:

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Заместитель главного редактора:

Лунарев Е.Б., доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, КубГУ.

Ответственный секретарь:

Латынцева В.А. КубГУ

Члены редакционного совета:

Авакян С.А., доктор юридических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Адыгезалова Г.Э., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Боннер И.Т., доктор юридических наук, профессор МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Гладышева О.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Горазд М., доктор права, профессор, Мариборский университет (Республика Словения)

Гусев А.В. доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Дзидзоев Р.М., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Жинкин С.А., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Камышанский В.П. доктор юридических наук, профессор, КубГАУ им. И.Т. Трубилина

Киреева Е.Ю., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ

Коняхин В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Костенко Р.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Лозовский Д. Н. доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Нгуэн К.Х., доктор права, доцент, Юридический университет г. Хо Ши Мин (Социалистическая Республика Вьетнам)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ

Прапиестис И. доктор права, профессор, Вильнюсский университет (Литовская Республика)

Прохоров Л.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Прохорова М.Л., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Пизикс А., доктор права, профессор, Белостокский университет (Республика Польша)

Попова Ю.А. доктор юридических наук, профессор, РГУП

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Семенцов В.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Слесарев В.Л., доктор юридических наук, профессор, МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Срето Н., доктор права, профессор (Республика Сербия)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет

Щенникова Л.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Шмейкал В., доктор права, профессор, Университет «Шкода авто» (Чешская Республика)

Издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836

Адрес редакции:

350000 г. Краснодар, ул. Раппопортская, 43, Тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 05.09.2018

Усл.печ.л. 4,7

Тираж 100 экз. Заказ №

Входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2018

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ КУБГУ:
СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ (2013 – 2018 ГГ.)

Коняхин В.П., заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова
Кубанского государственного университета (г. Краснодар),
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Ключевые слова: кафедра уголовного права и криминологии КубГУ, современный период, развитие, перспектива, оптимизация.

Аннотация: Статья посвящена образовательной, научно-исследовательской и общественной деятельности кафедры уголовного права и криминологии КубГУ в текущий период ее развития. В ней также нашли отражение основные направления оптимизации деятельности кафедры на ближайшую (5-летнюю) перспективу.

Keywords: Chair of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, modern time, development, perspective, optimization.

The summary: The article is devoted to the educational, research and public activities of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University in the current period of its development. It also reflects the main areas of optimization of the department for the nearest (5-year) perspective.

Кафедра уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета образована в 1972 г.

После создания кафедры на ней в разные годы работали: в качестве заведующих – доктор юридических наук, доцент *Г.В. Тимейко* и доктор юридических наук, профессор *С.И. Дементьев*; в качестве ее членов – доктора юридических наук, профессора *Р.Р. Галиакбаров*, *О.В. Старков*, *Г.И. Чечель*; кандидаты юридических наук, профессора *А.П. Чугаев* и *Т.М. Дроздов*; кандидаты юридических наук, доценты *К.К. Сперанский*, *Г.И. Забрянский*, *Т.И. Грекова*, *И.М. Цокуева*, *Дзиконская С.Г.*, *А.А. Жинкин* и др.

В настоящее время в составе кафедры работают 19 преподавателей, в том числе 6 – докторов и 12 – кандидатов юридических наук. Из них, 6 имеют ученое звание профессора и 4 – доцента.

1. Коняхин Владимир Павлович – заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист РФ, вице-президент Российского конгресса уголовного права, член Экспертного совета по праву

ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право», «Международное уголовное право», «Применение международного уголовного права», «Актуальные проблемы уголовного права», «Современные проблемы международного уголовного права».

Автор свыше 220 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Подготовил 1 доктора и 25 кандидатов юридических наук.

Сфера научных интересов – теоретические основы построения уголовного права РФ; половые преступления; международное уголовное право; уголовное право славянских государств Юго-Восточной Европы.

2. Прохоров Леонид Александрович – профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ и Кубани, заслуженный работник высшей школы РФ, председатель комиссии по вопросам помилования на территории Краснодарского края, полковник милиции в

отставке.

Преподаваемые дисциплины:
«Уголовное право»; «Амнистия и

помилование»; «Основные школы в науке уголовного права».

Автор свыше 180 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Подготовил 3 докторов и 39 кандидатов юридических юридических наук.

Сфера научных интересов: назначение наказания (законодательный и правоприменительный аспекты)

3. Прохорова Марина Леонидовна – профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор, председатель учебно-методической комиссии юридического факультета КубГУ.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право»; «История уголовно-правовой науки»; «Преступления против общественной безопасности»; «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»; «Противодействие наркотизму»; «Эволюция институтов уголовного права»

Автор свыше 150 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Подготовила 23 кандидата юридических наук.

Сфера научных интересов: уголовная политика противодействия преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

4. Грошев Александр Васильевич – профессор кафедры по совместительству, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Преподаваемые дисциплины: «Квалификация преступлений»; «Методология уголовно-правовой науки»; «Профессиональная и организованная преступность».

Автор свыше 150 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Подготовил 11 кандидатов юридических наук.

Сфера научных интересов: уголовный закон и правосознание; соучастие в преступлении; ответственность за должностные преступления.

5. Сапрунов Александр Георгиевич – профессор кафедры по совместительству, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник МВД СССР и РСФСР, генерал-лейтенант милиции в отставке.

Преподаваемые дисциплины: «Актуальные проблемы уголовного права».

Автор свыше 40 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Подготовил 6 кандидатов юридических наук.

Сфера научных интересов: предупреждение преступности несовершеннолетних.

6. Ильяшенко Алексей Николаевич – профессор кафедры по совместительству, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, почетный сотрудник МВД России, полковник полиции в отставке.

Преподаваемые дисциплины: «Экономические и служебные преступления».

Автор свыше 150 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Подготовил 26 кандидатов юридических наук.

Сфера научных интересов: противодействие насильственной, экономической, женской преступности и преступности несовершеннолетних.

7. Огородникова Нина Владимировна – профессор кафедры, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист Кубани.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право», «Зарубежное уголовное право»; «Современные проблемы зарубежного уголовного права»; «Уголовная политика», «Уголовная политика в сфере противо-

действия коррупции», «Квалификация преступлений», «Преступления против собственности».

Автор свыше 100 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Подготовила 4 кандидатов юридических наук.

Сфера научных интересов: институт привилегированных составов преступлений; преступления против собственности; зарубежное уголовное право; квалификация преступлений.

8. Греков Михаил Леонидович – доцент кафедры по совместительству, кандидат юридических наук, доцент.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовно-исполнительное право», «Тюремное устройство», «Проблемы исполнения уголовных наказаний».

Автор свыше 70 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: институт наказания в виде лишения свободы.

9. Петровский Антон Владимирович – доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент.

Преподаваемые дисциплины: «Криминология», «Предупреждение преступлений», «Предупреждение государственных преступлений», «Правовая статистика», «Зарубежное уголовное право»,

Автор свыше 50 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: криминологическое законодательство, современная зарубежная криминология.

10. Ключев Андрей Александрович – доцент кафедры по совместительству, кандидат юридических наук, доцент.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право», «Квалификация преступлений».

Автор свыше 70 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: понятие преступления; соучастие в преступлении; обстоятельства, исключающие преступность деяния.

11. Куфлева Валентина Николаевна – доцент кафедры, кандидат юридических наук.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право» и «Преступления против личности».

Автор свыше 70 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: соучастие в преступлении; квалификация преступлений против личности.

12. Сильченко Елена Владимировна – доцент кафедры, кандидат юридических наук.

Преподаваемые учебные дисциплины: «Уголовное право», «Международное уголовное право», «Зарубежное уголовное право», «Квалификация преступлений», «Квалификация контрабанды специальных предметов», «Экономические и служебные преступления», «Террористические преступления», «Уголовная политика в сфере противодействия коррупции», «Государственные преступления».

Автор свыше 80 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: уголовная политика в сфере противодействия наркотизму, организованной преступности и преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

13. Князькина Анастасия Константиновна – доцент кафедры, кандидат юридических наук, адвокат.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право», «Международное уголовное право», «Террористические преступления»

Автор свыше 70 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: международное уголовное право, проблемы взаимодействия международного и национального уголовного права.

14. Елец Елена Анатольевна – доцент кафедры, кандидат юридических наук, адвокат.

Преподаваемые дисциплины: «Криминология», «Виктимология», «Предупреждение преступлений».

Автор свыше 30 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: криминологическая характеристика коррупционной преступности.

15. Полтавец Валерия Владимировна – доцент кафедры, кандидат юридических наук.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право», «Уголовно-исполнительное право», «Назначение наказания», «Противодействие наркотизму».

Автор свыше 30 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: назначение наказания.

16. Асланян Руслан Георгиевич – доцент кафедры, кандидат юридических наук.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право».

Автор 13 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: преступления в сфере экономической деятельности.

17. Гигинейшвили Мария Теймуразовна – старший преподаватель кафедры по совместительству, кандидат юридических наук.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право» и «Международное уголовное право».

Автор свыше 30 опубликованных научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: международные преступления, деятельность *ad hoc* трибуналов и Международного уголовного суда.

18. Дербок Заира Гиссовна – старший преподаватель кафедры, кандидат юридических наук.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право», «Криминология», «Предупреждение преступлений», «Предупреждение коррупционных преступлений».

Автор 10 научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: оптимизация уголовного законодательства об ответственности за преступления против общественной безопасности и общественного порядка.

19. Жинкина Татьяна Юрьевна – преподаватель кафедры.

Преподаваемые дисциплины: «Уголовное право», «Квалификация преступлений», «Уголовно-исполнительное право» и спецкурсы «Террористические преступления», «Экономические и служебные преступления», «Государственные

преступления».

Автор 24 опубликованных научных работ.

Сфера научных интересов: межотраслевые связи уголовного права

Организационно – техническую работу на кафедре выполняют старший лаборант *Назаров Антон Андреевич*, а также лаборанты *Некрасова Анастасия Андреевна* и *Ниязов*

Александр Шакирович, которые параллельно обучаются на юридическом факультете им. А.А. Хмырова КубГУ.

Кафедра осуществляет разнообразную по содержанию и большую по объему образовательную деятельность, реализуя выполнение всех видов учебных поручений по направлению подготовки юриспруденция: 40.03.01 (*бакалавриат*); 40.04.01 (*магистратура*); 40.06.01 (*аспирантура*) и специальностям: 40.05.01 «*Правовое обеспечение национальной безопасности*»; 40.05.02 «*Правоохранительная деятельность*». Кроме того, кафедра участвует в учебном процессе на экономическом факультете по специальности 38.05.01 «*Экономическая безопасность*» и на факультете педагогики, психологии и коммуникативистики по специальности 44.05.01 «*Педагогика и психология девиантного поведения*», а также в институте начального и среднего профессионального образования (ИНСПО) КубГУ по специальности 40.02.02 «*Правоохранительная деятельность*».

Подготовка магистров под руководством профессора Коняхина В.П. реализуется по программе «*Уголовно-правовая политика и противодействие преступности*», аспирантов и докторантов - по специальности 12.00.08 «*Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право*».

В целом кафедра осуществляет преподавание 23 учебных дисциплин и 25 спецкурсов, учебно-методическое обеспечение которых полностью модернизировано с учетом современных требований федерального государственного стандарта. Достаточно сказать, что по всем профилям и направлениям преподавателями кафедры подготовлено 245 рабочих программ.

В течение 2013-2018 гг. все преподаватели кафедры прошли плановое повышение квалификации в установленном порядке и в соответствии с предъявляемыми требованиями, в том числе по программам оказания первой медицинской помощи и охраны труда в образовательных организациях.

В учебный процесс постоянно внедряются компьютерные технологии (в частности, программы тестирования, мультимедийные курсы лекций, электронные версии учебников). В 2018 г. все 4 закрепленные за кафедрой аудитории (02, 304, 305, 306) были дополнительно оборудованы 46 наглядными учебными пособиями.

За период с 2013-2018 г. с участием преподавателей кафедры было издано 23 учебника,

11 учебных пособий и 4 комментария к Уголовному Кодексу РФ. В 2014 г. и 2015 г. коллектив кафедры впервые в своей истории под редакцией профессоров В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой выпустил в свет с грифом УМО по юридическому образованию вузов РФ учебники по Общей и Особенной частям российского уголовного права, на которые поступили 3 положительных отзыва, опубликованные в центральных федеральных журналах «*Уголовное право*» и «*Российский криминологический взгляд*». Авторы названных учебников дважды (в 2014 г. и 2016 г.) становились лауреатами Всероссийского конкурса на «Лучшую научную книгу». В 2018 г. Академический курс уголовного права в 10 томах (под редакцией профессора Н.А. Лопашенко), в написании которого принимал участие профессор Коняхин В.П., был удостоен Национальной премии по литературе в области права.

Общеканфедральная тема научно-исследовательской деятельности – «*Уголовная политика в сфере противодействия преступности: пути оптимизации*».

В контексте данной темы на кафедре сложился целый ряд научных школ и направлений, основными из которых являются: «*Теоретические основы построения уголовного права РФ*» (профессор Коняхин В.П.); «*Назначение наказания: законодательный и правоприменительный аспекты*» (профессор Прохоров Л.А.); «*Уголовная политика в сфере противодействия наркотизму*» (профессор Прохорова М.Л.). В рамках указанных научных школ (направлений) за последние 5 лет на кафедре были подготовлены и успешно защищены 2 докторские диссертации М.С. Жука (научный консультант - профессор Коняхин В. П.) и А.М. Максимова (научный консультант - профессор Прохоров Л.А.), а также 17 кандидатских диссертаций. Кроме того, были опубликованы: 11 монографий и свыше 500 научных статей, из которых 3 – в изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, 154 - в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

В период с 2013 г. по 2018 г. преподаватели кафедры приняли участие в 25 всероссийских и 175 международных научно - практических конференциях и семинарах, 11 из которых с очным участием профессора В.П. Коняхина проводились за рубежом (Беларусь, Болгария, Бразилия, Индия, Казахстан, Китай, Литва, Македония, Сербия, Словения, Швейцария).

Помимо этого, кафедра сама выступала в качестве организатора международной научно-

практической конференции «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение» (г. Геленджик, 2-3 октября 2015г.), а также 2 международных круглых столов – «Проблемы формирования Криминологического кодекса РФ» (г. Геленджик, 2-3 июня 2017г.) и «Предупреждение преступлений: зарубежный опыт и региональный аспект» (г. Геленджик, 26-27 апреля 2018г.)

В течение прошедших 5 лет преподаватели кафедры участвовали в 3 грантах РГНФ по темам: «Взаимосвязь российского и международного уголовного права: современное состояние и перспективы оптимизации» (профессор *Коняхин В.П.* и доцент кафедры *Князькина А.К.*); «Предпосылки и перспективы криминализации апартеида в уголовном законодательстве РФ» (профессор *Прохорова М.Л.*, доцент *Греков М.Л.*, старший преподаватель *Гигинейшвили М.Т.*); «Компаративистское исследование преступных сообществ» (доцент кафедры *Куфлева В.Н.*).

В рамках 2016 – 2018 гг. преподаватели кафедры успешно выполнили хозяйственные работы на общую сумму 430.000 руб. (профессор *Коняхин В.П.* – 180.000 руб.; профессор *Прохорова Л.А.* – 100.000 руб.; профессор *Прохорова М.Л.* – 100.000 руб.; доцент *Греков М.Л.* – 50.000 руб.).

Профессор *Коняхин В.П.* 5 раз (2013г., 2014г., 2015г., 2016г. и 2017г.) и профессор *Прохорова М.Л.* трижды (2014г., 2015г. и 2017г.) становились лауреатами конкурса «100 лучших ученых КубГУ» по гуманитарному направлению, а доценты кафедры *Куфлева В.Н.* (2014г., 2015г. и 2017г.) и *Князькина А.К.* (2014г., 2015г.) дважды - конкурса «100 лучших молодых ученых».

За период с 2013г. по 2018г. кафедра 13 раз выступала в качестве ведущей организации по кандидатским диссертациям, подготовила свыше 15 отзывов на авторефераты докторских и свыше 40 отзывов на авторефераты кандидатских диссертаций. Кроме того, преподаватели кафедры регулярно участвовали в качестве официальных оппонентов на защитах докторских и кандидатских диссертаций. Например, профессор *Коняхин В.П.* выступал в таком качестве на защитах 2 докторских и 4 кандидатских диссертаций; профессор *Прохорова Л.А.* – 1 докторской и 3 кандидатских диссертаций; профессор *Прохорова М.Л.* – 3 кандидатских диссертаций.

Профессор *Прохорова Л.А.* принимал участие в работе диссертационного совета на базе КубГУ Д212.101.02 (2013-2017 гг.), профессора

Коняхин В.П., *Грошев В.П.*, *Ильяшенко А.Н.* и *Сапрунов А.Г.* - диссертационного совета на базе КубГАУ ДМ 220.038.11 (2013г. - по настоящее время).

В поле пристального внимания кафедры находилась научная работа со студентами. На постоянной основе успешно функционировали 2 научных кружка: по уголовному праву (руководители – доценты кафедры *Клюев А.А.* и *Сильченко Е.В.*) и криминологии (руководитель – доцент кафедры *Петровский А.В.*). Под руководством преподавателей кафедры целый ряд студентов становились победителями либо призерами различных региональных, межрегиональных и федеральных конкурсов и олимпиад. Например, в 2015г. студентка *Сапожонкова А.Н.* завоевала 1 место в межрегиональной олимпиаде по уголовному праву (руководители – профессор *Коняхин В.П.* и профессор кафедры *Огородникова Н.В.*), а студентка *Сokol Ю.В.* по итогам окружного тура III Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов «Актуальные вопросы науки и практики» получила за свой научный доклад диплом 1 степени (руководитель - доцент *Дзиковская С.Г.*). В 2016г. с таким же результатом, но уже в рамках IV Всероссийской научно - практической конференции, выступил студент *Горенко М.Г.* (руководитель – профессор *Прохорова М.Л.*). В 2017 г. студенты *Мельник Е.Р.* и *Горенко М.Г.* стали победителями Конкурса Оксфордского научного фонда (научные руководители – профессора *Прохоров Л.А.* и *Прохорова М.Л.*). В 2018 г. студент *Горенко М.Г.* завоевал 1 место по итогам работы секции «Уголовное право» Международного молодежного научного форума «Ломоносов» (научный руководитель – профессор *Прохорова М.Л.*).

Преподаватели кафедры принимают активное участие в общественной деятельности на уровне Краснодарского края и Российской Федерации в целом.

Профессор *Коняхин В.П.* – член Экспертного совета по праву ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Профессор *Прохорова Л.А.* – председатель комиссии по вопросам помилования на территории Краснодарского края.

Профессор *Коняхин В.П.* работает в качестве заместителя председателя секции уголовного права и криминологии Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 (Юриспруденция), является вице-президентом Российского конгресса

уголовного права, членом Международной ассоциации уголовного права и членом Союза криминалистов и криминологов РФ.

Профессор *Коняхин В.П.* (2002-2016 гг.) и профессор *Прохоров Л. А.* (2013-2016 гг.) входили в состав квалификационной коллегии судей Краснодарского края.

Профессор *Сапрунов А.Г.* – председатель попечительских советов Краснодарской краевой детско-юношеской общественной организации инвалидов детства «Инва-Академия» и Краснодарского регионального отделения Международной полицейской ассоциации, а также член президиума Краснодарской общественной организации «Клуб генералов Кубани» и совета Краснодарской общественной организации «Ветераны комсомола Кубани».

Профессор *Коняхин В.П.* является членом редколлегии ряда отечественных («Российский криминологический взгляд», «Юридический вестник Кубанского государственного университета», «Вестник Ярославского государственного университета», «Кубанское агентство судебной информации») и зарубежных журналов («Наука и жизнь Казахстана», «Вестник Евразийского университета им. Л.Н. Гумилева», «Научные труды факультета права Вильнюсского университета»). Кроме того, профессор *Коняхин В.П.* входит в состав редколлегии серии «Вопросы теории и практики уголовного права и уголовного процесса» издательства Р. Асланова «Юридический центр - Пресс» (г. Санкт-Петербург).

Профессор *Прохорова М.Л.* – член редколлегии журналов «Российский криминологический взгляд», «Теория и практика общественного развития» и «Общество: политика, экономика, право», входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК Министерства высшего образования и науки РФ.

Профессор *Ильяшенко А.Н.* - член Совета Краснодарского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; член Президиума Союза криминалистов и криминологов, руководитель регионального отделения Союза криминалистов и криминологов в Южном федеральном округе. Кроме того, является членом редколлегии 5 журналов, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: «Российский следователь», «Научный портал МВД России», «Юристь – правовед», «Юридическая наука и правоохранительная практика», «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Доцент кафедры *Куфлева В.Н.* является членом редколлегии международного журнала «Наука и жизнь Казахстана».

Доцент кафедры *Елец Е.А.* – эксперт по вопросам государственной гражданской службы в Департаменте по архитектуре и строительству и в Департаменте социальной защиты населения Краснодарского края.

Доцент кафедры *Асланян Р.Г.* является членом Общественной палаты Краснодарского края и членом ревизионной комиссии Краснодарского регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию».

За активную плодотворную педагогическую, научную и общественную деятельность преподаватели кафедры неоднократно награждались как на региональном, так и на федеральном уровнях.

В частности, профессора *Грошев А.В.* (2014 г.) и *Дроздов Т.М.* (2016 г.) получили почетное звание «Заслуженный юрист Кубани».

Указом Президента РФ профессор *Прохоров Л.А.* (2015 г.) удостоен почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Профессору *Коняхину В.П.* (2017 г.) присуждено почетное звание «Академик Сербской Королевской Академии наук и искусств».

Подводя итог, важно подчеркнуть, что отметив в 2017г. своё 45-летие, кафедра планирует в перспективе (2018-2023гг.):

- защиту 3 докторских и 15 кандидатских диссертаций;
- издание учебника по международному уголовному праву;
- подготовку учебных пособий по зарубежному уголовному праву и квалификации преступлений;
- опубликование 5 монографий, 20 научных статей в изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus, 150 научных статей в изданиях, входящих в перечень ВАК;
- организацию и проведение международной научно-практической конференции «Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития», посвященной 50-летию кафедры.

При этом главная концептуальная задача кафедры – постоянная оптимизация содержания ее учебных дисциплин и спецкурсов с учетом требований современных международных стандартов, новейших изменений в уголовном и уголовно - исполнительном законодательстве, последних достижений наук криминального цикла, а также насущных потребностей правоприменительной практики.

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Коняхин В.П.,
*заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (г. Краснодар),
доктор юридических наук, профессор*

Петровский А.В.,
*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (г. Краснодар),
кандидат юридических наук, доцент*

Куфлева В.Н.,
*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (г. Краснодар),
кандидат юридических наук*

Ключевые слова: международный круглый стол, предупреждение преступлений, уголовное законодательство, зарубежный опыт, региональные особенности.

Аннотация: Статья посвящена итогам работы международного круглого стола, который состоялся в городе-курорте Геленджик 26-27 апреля 2018 г. и на котором обсуждался широкий комплекс вопросов, связанных с предупреждением преступлений в контексте новелл в российском уголовном законодательстве, зарубежного опыта и региональных особенностей правоприменительной практики.

Keywords: crime prevention, international experience, regional peculiarities, criminal legislation, international round-table conference.

The summary: The article is concerned with international round-table conference, what was at resort town Gelendjik at 26-27 April 2018. On this conference discussed wide range questions, which were connected with crime prevention problems in the light of criminal legislative changes, international and local experience, legislative and regulatory compliance practices.

26-27 апреля 2018 г. в г. Геленджике кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета был организован и проведен международный круглый стол на тему «Предупреждение преступлений: зарубежный опыт и региональный аспект», посвященный 60-летию юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета. В качестве председателя Оргкомитета непосредственное руководство подготовкой и работой круглого стола осуществлял заведующий указанной кафедры, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российского конгресса уголовного права, заслуженный юрист РФ *В.П. Коняхин* при активном участии сопредседателей Оргкомитета – директора филиала КубГУ в г. Геленджике, заслуженного учителя РФ *Р.С. Масловой* и начальника отдела МВД России по г. Геленджику, полковника полиции *В.Н. Чикина*, заместителей председателя Оргкомитета – доцента кафедры уголовного права и криминологии, кандидата юридических наук, доцента *А.В. Петровского* и заместителя директора филиала, кандидата социологических наук *Т.А. Резуненко*, а также члена Оргкомитета – координатора круглого стола, доцента кафедры уголовного права и криминологии, кандидата юридических наук *В.Н. Куфлевой*.

В работе международного круглого стола в очно-заочной форме приняли участие свыше 50 человек, представляющих США и различные регионы РФ: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Саратов, Ставрополь, Краснодар, Новороссийск, Геленджик. Это профессор школы уголовной юстиции Мичиганского государственного университета (г. Ист Лансинг, США) *Макеш Налла*; известные отечественные ученые-юристы: заведующий кафедрой уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор *С.У. Дикаев*; профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор *С.Ф. Милюков*; заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор *А.И. Бойко*; главный научный сотрудник отдела уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *М.М. Бабаев*; заведующий отделом уголовно-правовых исследований

Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор *Ю.Е. Пудовочкин*; заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *И.Я. Козаченко*; профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской гос. Академии, доктор юридических наук, профессор *Н.А. Лопашенко*; заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор *К.В. Ображиев*; заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского Федерального университета, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор *А.Г. Кибальник* и др.

Участники международного круглого стола перед началом пленарного заседания, (первый ряд слева направо: Р.Г. Асланян, Д.В. Тимошенко, Р.С. Маслова, С.У. Дикаев, С.Ф. Милюков, В.П. Коняхин, Д.В. Дремлюга, второй ряд слева направо: С.А. Солнцев, А.Л. Гуринская, Махеш Налла, А.К. Князькина, В.Н. Куфлева, А.В. Петровский)

Кафедра уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета помимо ее заведующего, профессора *В.П. Коняхина* была представлена доктором юридических наук, профессором *М.Л. Прохоровой*; профессором кафедры, кандидатом юридических наук, доцентом *Огородниковой Н.В.*, кандидатом юридических наук, доцентом *А.В. Петровским*, кандидатами юридических наук *В.Н. Куфлевой*, *А.К. Князькиной*, *В.В. Полтавец* и *Р.Г. Асланяном*.

Практическую направленность работе конференции придали представители правоохранительных и судебных органов, в частности, заместитель руководителя Следственного Управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю, полковник юстиции,

заслуженный юрист Кубани *С.А. Солнцев*, руководитель следственного отдела по г. Геленджику СУ Следственного Комитета РФ по Краснодарскому краю, полковник юстиции *Д.В. Дремлюга*, председатель Геленджикского городского суда *А.И. Леценко*; прокурор г. Геленджика *Д.В. Тимошенко*.

Президиум пленарного заседания международного круглого стола (слева направо: А.И. Леценко, Д.В. Тимошенко, В.П. Коняхин, Махеш Налла, С.А. Солнцев, Р.С. Маслова)

Уникальная возможность стать слушателями выступлений (своего рода мастер-классов) участников международного круглого стола представилась присутствовавшим на ее заседаниях студентам филиала Кубанского государственного университета в г. Новороссийске.

Пленарное заседание круглого стола проходило 26 апреля 2018 г. в актовом зале филиала Кубанского государственного университета в г. Геленджике. С момента регистрации участников круглого стола велась трансляция всей его работы по местному телевидению «Юг-ТВ». В частности, еще до начала его пленарного заседания тележурналистами были проинтервьюированы председатель Оргкомитета, профессор *В.П. Коняхин*, заместитель руководителя Следственного Управления Следственного Комитета РФ по Краснодарскому краю, полковник юстиции, заслуженный юрист Кубани *С.А. Солнцев*; председатель Геленджикского городского суда *А.И. Леценко*.

В 10 часов председатель Оргкомитета, профессор *В.П. Коняхин* и сопредседатель Оргкомитета *Р.С. Маслова* объявили об открытии пленарного заседания. Для участников и гостей международного круглого стола был продемонстрирован короткометражный кинофильм, посвященный городу-курорту Геленджику и его достопримечательностям.

Далее со словами приветствия выступили члены почетного Президиума пленарного заседания: заместитель руководителя Следственного Управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю *С.А. Солнцев*; председатель Геленджикского городского суда *А.И. Леценко*; прокурор г. Геленджика *Д.В. Тимошенко*.

Затем председатель Оргкомитета круглого стола, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии КубГУ, профессор *В.П. Коняхин* в своем вступительном слове рассказал о научных достижениях и перспективах развития кафедры. Кроме того, он акцентировал внимание слушателей на новейших изменениях в уголовном законодательстве РФ и современной уголовно-правовой политике государства в контексте их влияния на предупреждение региональной преступности.

Во время пленарного заседания Д.В. Тимошенко (слева), В.П. Коняхин (справа)

После этого, первым с докладом «Тупиковые пути российской уголовно-правовой политики и возможные пути выхода из них» выступил профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор *С.Ф. Милюков*.

Выступление С.Ф. Милюкова

Вторым докладчиком на тему «Страх перед преступностью и стратегии профилактики преступлений: значение опыта предшествующей виктимизации, взаимодействия с полицией и доверия к ней» был представитель США, профессор школы уголовной юстиции Мичиганского государственного университета (г. Ист Лансинг, США) *Макеш Налла*. Синхронный перевод его выступления-презентации с английского на русский язык осуществляла доцент кафедры уголовного права Российского государственного педагогического государственного университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент *А.Л. Гуринская*.

Выступление Макеш Наллы, (справа: А.Л. Гуринская)

Завершил первую часть пленарного заседания заведующий кафедрой уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД РФ, доктор юридических наук, профессор *С.У. Дикаев* с докладом-презентацией на тему «Криминологические проблемы реализации права народа на самоопределение: региональные аспекты».

Выступление С.У.Дикаева

После кофе-брейка и фотографирования к участникам и гостям круглого стола в режиме он-лайн с приветственным словом и

кратким изложением своего доклада на тему «Криминологический портрет территории как матрица для управления правоохранительной деятельностью» обратился заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор *А.И. Бойко*.

Далее слово для доклада-презентации на тему: «Региональное криминологическое законодательство и мониторинг в сфере профилактики правонарушений» было предоставлено доценту кафедры уголовного права и криминологии КубГУ, кандидату юридических наук, доценту *А.В. Петровскому*.

Выступление А.В. Петровского

В качестве следующего докладчика с презентацией на тему «Наказание как превентивный инструмент: обзор интегративных подходов криминологической теории сдерживания» стала доцент кафедры уголовного права Российского государственного педагогического государственного университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент *А.Л. Гуринская*.

Выступление А.Л. Гуринской

Затем собравшимся был представлен доклад-презентация заведующей кафедрой гума-

нитарных дисциплин Новороссийского филиала КубГУ, кандидата юридических наук, доцента *Е.В. Грузинской* на тему «К вопросу о противодействии преступлениям через призму их наказуемости».

Выступление Е.И. Грузинской

Все доклады вызвали большой интерес у слушателей, породили настоящую научную дискуссию, о чем свидетельствовали многочисленные вопросы и реплики как со стороны присутствующих ученых-юристов, так и практических работников.

С.Ф. Милюков (слева) и С.У. Дикаев (справа) во время дискуссии в ходе пленарного заседания международного круглого стола

Выступление С.А. Солнцева

Подводя итоги первого дня работы международного круглого стола и резюмируя заслушанные доклады, председатель Оргкомитета профессор *В.П. Коняхин* высоко оценил их качество и поблагодарил за это их авторов, обратив особое внимание на чрезвычайную актуальность и огромную значимость всех обсуждаемых вопросов, не только для научного сообщества, но и для региональных органов исполнительной и судебной власти. Профессор *Коняхин В.П.* солидаризировался также с мнением участников круглого стола по поводу целесообразности более регулярного проведения подобного рода научных мероприятий и расширения их формата.

Участники и гости международного круглого стола во время проведения пленарного заседания.

Во второй половине дня для участников международного круглого стола в рамках культурной программы была организована экскурсия в Абрау-Дюрсо.

Участники международного круглого стола во время экскурсии в Абрау-Дюрсо (первый ряд слева направо: А.К. Князькина, В.Н. Куфлева, А.Л. Гуринская, Макеш Налла; второй ряд слева направо: С.У. Дикаев, А.В. Петровский, С.Ф. Милуков, С.А. Солнцев, Р.Г. Асланян)

На следующий день работы круглого стола (27 апреля 2018 г.) состоялось его выездное заседание, которое было проведено на борту яхты «Виктория». Это позволило ее участникам не только в неформальной обстановке обменяться впечатлениями от пленарного заседания, задать дополнительные вопросы выступавшим на них коллегам, но и полюбоваться незабываемыми природными пейзажами города-курорта Геленджика, искупаться в открытом море, половить на удочку черноморскую ставриду.

Участники международного круглого стола перед началом его выездного заседания (первый ряд слева направо: В.Н. Куфлева, А.К. Князькина; второй ряд слева направо Д.В. Дремлюга, А.В. Петровский, В.П. Коняхин, С.А. Солнцев)

В.П. Коняхин на борту яхты «Виктория»

Участники международного круглого стола во время выездного заседания на борту яхты «Виктория»; (слева направо: С.Ф. Милуков, А.Л. Гуринская, С.У. Дикаев, Макеш Налла)

Вечером все участники круглого стола были приглашены на прощальный ужин, который прошел в теплой и непринужденной обстановке. Председатель Оргкомитета профессор Коняхин В.П. вручил в дар отечественным и зарубежным гостям-участникам кафедральный учебник «Российское уголовное право. Особенная часть» (под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015), а также книгу «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: концептуальные основы и историческое значение» (к 170-летию со дня принятия): материалы международной научно-практической конференции, г. Геленджик, 2-3 октября 2015 г. (отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова, Краснодар, 2016).

В.П. Коняхин во время вручения памятного подарка Д.В. Дремлюге (слева)

Было озвучено решение Оргкомитета о том, что в ближайшей перспективе планируется издание специального выпуска журнала «Вестник юридического факультета Кубанского государственного университета», посвященного итогам работы международного круглого стола.

Итак, международный круглый стол завершил свою работу, его участники разъехались по домам, но сохранились те новые оригинальные идеи, которые будут положены в

основу будущих творческих встреч. Хочется верить, что воспоминания о международном круглом столе, организованном и проведенном кафедрой уголовного права и криминологии КубГУ, навсегда останутся в сердцах и памяти каждого, кто принял в нем участие.

Участники международного круглого стола после окончания его пленарного заседания

(первый ряд слева направо: Р.Г. Асланян, С.А. Солнцев, В.П. Коняхин В.П., Т.А. Резуненко, Р.С. Маслова, А.К. Князькина, А.В. Логвинова; второй ряд слева направо: Д.В. Дремлюга, В.Н. Куфлева, А.В. Петровский, А.Л. Гуринская, Макеш Налла, Д.В. Тимошенко; третий ряд слева направо: С.Ф. Милуков, С.У. Дикаев)

ТУПИКОВЫЕ ПУТИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ВЫХОДЫ ИЗ НИХ.

Миллюков С.Ф.,

*профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
доктор юридических наук, профессор*

Ключевые слова: изменение уголовного законодательства, уголовно-правовая политика, предупреждение преступлений, внутренние и внешние угрозы.

Аннотация: Статья о проблемах современной российской уголовной политики, которая не учитывает предполагаемые внутренние и внешние угрозы для государства и общества. Автор, определяя наиболее проблемные сферы социальных отношений, предлагает соответствующие меры уголовно-правового воздействия для предупреждения возможных криминальных угроз.

Keywords Criminal Law Changings, Criminal Policy, Crime Prevention, Internal and External Threat.

The summary: These article, is about problem with Russian modern criminal policy, which isn't leave out a probability of internal and external threat to state and society. Author, define a most problem social relation spheres, proposes appropriate measures of penal impacts for prevention potential threat.

Уголовно-правовое воздействие на общественные отношения, конечно, не следует возводить в абсолют. Однако весьма опрометчиво и недооценивать его, особенно в периоды усиления внутренних и внешних угроз, ставящих под сомнение само сохранение России, как суверенной державы мирового уровня. А именно такой период, по нашему убеждению, переживает наша страна с конца 80-х гг. прошлого века¹.

Названное воздействие должно осуществляться прежде всего процессуальным (судебным) путем, хотя нельзя сбрасывать со счетов и внесудебную (внепроцессуальную) репрессию².

Многолетнее бессистемное вмешательство в уголовно-правовую ткань серьезно осложнило возможности эффективного противодействия на преступность, прежде всего, в ее организованных (как гангстерском, бандитском, так и беловоротничковом, экономикокоррупционном) сегментах. Образовались своего рода тупики, из которых законодательная власть по разным причинам не хочет или не может выбраться. Обозначим три таких тупика³.

Во-первых, это практически полная демобилизация российского уголовного права в условиях перманентного нарастания угрозы но-

вой широкомасштабной войны на потенциальных европейском, кавказском и среднеазиатском ее театрах.

Речь идет о том, что в Российской Федерации до сих пор не реализовано законодательное установление (ч. 3 ст. 331 УК РФ) о создании военно-уголовного законодательства вне рамок Уголовного кодекса, что, кстати, прямо противоречит основополагающей норме того же Кодекса, отнюдь не случайно закрепленной в самом его начале (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Надо отметить, что мы возражали против совершенно сознательного создания этой коллизии как на стадии обсуждения проектов ныне действующего УК⁴, так и после вступления его в силу⁵.

Ясно, что такой неблагоприятный маневр законодателя был вызван его стремлением чисто механически сократить в Особенной части УК количество санкций, содержащих смертную казнь как высшую меру наказания. А ведь в составах сдачи или оставления противнику средств ведения войны, самовольного оставления поля сражения или отказа действовать оружием, добровольной сдачи в плен, мародерства и т. п. (см. ст. ст. 261, 263, 264, 266 УК РСФСР 1960 г.) без нее никак не обойтись.

Чтобы выйти из этого тупика, придется не только отказаться от пресловутого «моратория» на смертную казнь⁶, но и соответствующим образом изменить редакцию части 2 ст. 20

«ельцинской» Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., продавленной на волне государственного переворота в октябре того же года. Способна ли власть на столь кардинальные шаги, покажет ближайшее время.

Вторым тупиковым «ходом» отечественной уголовной политики является почти неприкрытый сословный (классовый) подход к воздействию на некоторые категории преступников (прежде всего это экономические хищники, а также бизнес-преступники и должностные правонарушители). Нам уже приходилось указывать на недопустимость такого подхода в своих публикациях⁷. Однако Президент России в своем послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. вновь заявил о том, что «уголовный кодекс должен перестать быть инструментом решения хозяйственных конфликтов между юридическими лицами» и что для этого надо «как можно скорее» подготовить конкретные предложения рабочей группе «по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства». Далее В.В. Путин сказал буквально следующее: «Нужно сделать так, чтобы появление контролеров на предприятиях стало исключением. Это оправдано только на объектах с повышенным риском. В остальных случаях должны использоваться дистанционные методы контроля».

Однако не ясным остается вопрос, является ли объектом с повышенным риском, скажем, молочный или мясокомбинат, аптека, магазины «Пятерочка», «Магнит», «Перекресток» или, наконец, пресловутые торгово-развлекательные центры, покрывшие словно сыпь тела крупных (и не очень) городов и их окрестностей. По формальным нормативным показателям навряд ли.

Но, как показала трагедия ТРЦ «Зимняя вишня», отсутствие реального контроля за безопасностью беспечно ведущих себя граждан чревато их массовой гибелью. Для предотвращения социального бунта пришлось срочно производить показательные «посадки» распустившихся бизнесменов. В Госдуме лихорадочно готовятся предложения по переводу кинотеатров и детских аттракционов на первые этажи ТРЦ и усилении ответственности за обман потребителей (характерно, что на фоне безудержного казуистического процесса усложнения Особенной части УК РФ, из нее еще 15 лет назад была исключена специализированная статья 200, что, на наш взгляд, было совершенно криминологически не обосновано ни тогда, ни, тем более, сейчас)⁸.

Магистральный путь в этом направлении — усиление, а не ослабление контроля за бизнесом, как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества⁹. Нужно действительно срочно и *резко* усилить уголовную ответственность за многомиллионные хищения и взяточничество¹⁰.

К этому подталкивает резкая актуализация внешних политических, экономических, военных угроз делает необходимым всемерную защиту тыла российского государства, поскольку, как показала Великая Отечественная война 1941–1945 гг., только при наличии мощной индустриальной, аграрной и финансовой базы можно устоять перед натиском объединенных сил Запада.

В настоящее время такой базой, по нашему убеждению, Россия не располагает. Ведущие отрасли промышленности (нефте- и газодобыча, электроэнергетика, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и др.), не говоря уже о финансовых активах, оказались под полным контролем небольшой группы сверхбогатых персон, так называемых «олигархов».

Дело не только в том, что они используют эти богатства в целях безмерного обогащения, отправляя в госбюджет лишь небольшую долю прибыли. Хуже то, что эти бизнесмены имеют ярко выраженную компрадорскую ориентацию на США и возглавляемый ими конгломерат европейских держав вместе с подчиненной им Японией¹¹.

Проиллюстрируем сказанное конкретным примером, почерпнутым из публикации известного российского экономиста, публициста и политика М.Г. Делягина, получившего, заметим попутно, ученую степень доктора экономических наук еще в 30-летнем возрасте¹².

Он анализирует последствия недавней покупки финской компанией Fortum 47,12% акций немецкой Uniper. В результате на российском рынке тепла и электроэнергии возник супермонстр, контролирующий отрасли жизнеобеспечения сразу нескольких регионов.

Так, Fortum владеет пятью теплоэлектростанциями в Челябинской области, тремя — в Тюменской области (в том числе Няганской ГРЭС, одной из самых крупных и современных в России), а также тремя солнечными электростанциями. С превращением крупнейшего акционера Uniper это хозяйство прирастает Сургутской ГРЭС-2, Березовской, Шатурской, Смоленской и Яйвинской ГРЭС.

Умело проведенная приватизация энергетического комплекса привела к переходу описанных активов под контроль... государства. Только не российского, а финляндского – ибо Fortum является государственной компанией: более половины ее акций принадлежат правительству Финляндии, которое, несмотря на нейтральный статус, последовательно заявляет о том, что не отказывается от вступления в НАТО¹³.

О значении, которое придает этому концерну финское руководство, и о возможности направленности его деятельности свидетельствует то, что председателем совета директоров Fortum является, по данным СМИ, не министр экономики и даже не премьер, а министр обороны Финляндии. Членом этого же совета является представитель финской политической полиции.

Вице-президент Fortum, руководитель его дивизиона «Россия» и гендиректор ОАО «Фортум» Александр Чуваев хорошо известен рынку. С его приходом к руководству компанией, как неоднократно писали СМИ, «Фортум» стал источником многих скандалов, связанных с баснословным завышением тарифов и стоимости подключения к сетям, навязыванием городским властям заведомо невыгодных схем организации тепло- и электроснабжения и разнообразными злоупотреблениями (некоторые публикации свидетельствовали даже о выводе сотен миллионов рублей из бизнеса и подкупе судей).

В свете этого рассчитывать на модернизацию генерирующих мощностей и сетей за счет иностранных инвестиций не приходится: активность «инострannого «инвестора» направлена на совершенно иные цели. Так, иностранные участники не озвучивают никаких внятных планов по модернизации отрасли, четко видна лишь одна цель: сбор денег с контролируемых активов и обширных территорий.

И это вполне логично, если вспомнить, что Чуваев не только долгое время работал в крупнейших американских корпорациях, но и имеет двойное гражданство (США и России), как пишут журналисты. При возникновении конфликта интересов (например, столкновения между этими странами, которое в свете ракетного обстрела Сирии в ночь с 13 на 14 апреля 2018 г. становится вполне очевидным) ему вполне естественно принимать сторону не страны, в которой он родился, а государства, на верность которому он приносил клятву (предусматривающую в том числе торжественный отказ от служения кому бы то ни было, кроме США, – то есть числе и от служения России)¹⁴.

Для энерго- и теплообеспечения ряда ключевых регионов России такая позиция может иметь фатальное значение. Не стоит забывать, что структуры «Фортума», как писали СМИ, еще до развязывания против России «холодной войны» пытались оставить без тепла (выставив откровенно безумную плату за подключение к сети и отказавшись ее снижать даже после решения областного министерства тарифного регулирования и энергетики) даже челябинское ФСБ¹⁵. В прессе проходила информация, что, например, в Тюмени требование «Фортума» заплатить ему сумму, сравнимую с годовым городским бюджетом, или резко задрать тарифы без всякого учета платежеспособности горожан едва не вызвало полноценный политический кризис. Как верно заключает экономист «Расширение столь явно выраженной американской деловой культуры финского государственного концерна на новые регионы России создает реальные угрозы нашей безопасности – и далеко не только энергетической».

Думается, что словам М. Делягина можно доверять: он знает о создании продуманного механизма расхищения отечественных материальных и финансовых ресурсов, что называется, не по наслышке: в 1994–1996 гг. он был главным аналитиком Аналитического центра при Президенте РФ (руководители небезызвестные Е. Ясин, М. Урнов), в 1997–1998 гг. – советником первого председателя Правительства РФ Б. Немцова, в 2002–2003 гг. – советником председателя Правительства М. Касьянова.

Наконец, третьим тупиком современной уголовной политики в целом и ее нормативного ядра в частности является ее полная несостоятельность в противодействии подростковой преступности. Навязываемая Западом «ювенальная» юстиция абсолютно не пригодна для нашей страны (как впрочем, и для зарубежья – ближнего и дальнего, что ярко показывают систематические и массовые расстрелы учащихся и педагогов в США)¹⁶.

Дело в том, что «ювенальный» вектор уголовной политики на практике выливается в уход государственного аппарата из соответствующей сферы общественных отношений, что, в свою очередь, провоцирует разнузданное поведение подростков в школах, на улицах и в местах развлечений.

Статистически это выглядит следующим образом. В течении 10 лет (с 2004 по 2013 гг.) удельный вес преступности несовершеннолетних в общем объеме преступного множества сократился с 12,3 % до 4 %¹⁷. В 2017 году этот показатель практически не изменился (4,1%),

однако всего за год количество преступлений совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, упало сразу на 15,7%, составив в абсолютном значении несуразно малую величину в 45288 единиц. За два первых месяца текущего 2018 года отмечена положительная динамика последнего из названных индикаторов (рост на 6,5%), которая уже в марте замедлилась до 1,8%, что лишний раз подтверждает искусственный характер показателей снижения преступной активности подростков.

Пока трудно надеяться на то, чтобы государство всерьез и надолго пересмотрело близорукое отношение к этому сегменту противоправной активности. Далеко не изжит стереотип отрицания большой опасности для общества и государства посягательств со стороны несовершеннолетних и наличия в их среде злостных, привычных типов преступных деятелей. Если в позднесоветский период т.н. «застоя» (т.е. внутренней и внешней стабильной обстановки) это заблуждение имело определенное объективное основание, то начиная в 80-х гг. никаких реальных предпосылок для свертывания должного реагирования на преступность лиц, не достигших 18 лет, нет вовсе¹⁸.

Симптоматичным в этой связи является набирающее силу движение чайлд-хейт (от англ. child-hate – «ненависть к детям»). Характерно, что помимо взрослых в этом движении участвуют и подростки.

Вот как поясняет свою позицию активный член сообщества чайлд-хейтеров, именующий себя Полина-Сволочь (авторская орфография публикаторами сохранена, нецензурные выражения удалены):

«Ненавижу подростков за осознанную жестокость, подлость, коварство и безответственность !!! Они, мелкие выродки, все пре-

красно понимают и осознают! И я все понимала, когда в возрасте лет 5-6 собрала толпу таких же выродков, дабы посмотреть как летит беременная кошечка с 5 этажа... И пыталась задушить кота своими руками тоже чисто ради эксперимента, заранее подумав, что сказать родителям, когда они увидят мертвого кота... И местную шизофреничку вместе с ее забитым сыном мы травили целенаправленно, прекрасно понимая, что такое хорошо и что такое плохо... плели интрижки, строили подставы, пакостили — ВСЕ ЭТО МЫ, ДЕТИ, ДЕЛАЛИ СПЕЦИАЛЬНО, ЗНАЯ ЧТО НАМ ВСЕ РАВНО НИЧЕГО НЕ БУДЕТ!.. Дети мне ненавистны и омерзительны... Меня тошнит от всех этих ми-ми-ми!»¹⁹.

Вместо однобокого смягчения уголовной репрессии в отношении подростков нужна разветвленная дифференциация таковой за счет снижения начального возраста уголовной ответственности за наиболее опасные преступления (убийства, террористические акты, распространение наркотиков и некоторые другие), повышение предельного срока лишения свободы за них до 15 лет (хотя бы для осужденных, совершивших преступления в возрасте 16-17 лет)²⁰.

Мы не отказываемся и от ранее обнародованной нами идеи введения в систему наказаний таковой меры, как запрет пользоваться компьютером и мобильными средствами связи, что весьма чувствительно прежде всего для несовершеннолетних и молодых правонарушителей²¹.

К сожалению, обозначенные тупиковые пути отечественной уголовно-правовой политики не сводятся к выше обрисованным, но они не могут быть освещены в рамках одной научной статьи.

¹ О понятии и содержании такового воздействия см.: Лопашенко Н.А. Уголовно-правовое воздействие: понятие и механизм (в порядке инициирования дискуссии) // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения). Саратов: изд-во СГЮА, 2016. С. 9-27.

² Корецкий Д., Милуков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. №1. С. 112-114; Милуков С.Ф. Внесудебная репрессия как способ противодействия особо опасным посягательствам на экономическую систему // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. №1. С. 126-127.

³ Милуков С.Ф. Бессистемность как неотъемлемое свойство отечественной уголовно-правовой политики // Системность в уголовном праве / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Изд-во Проспект, 2007. С. 271-273.

⁴ Милуков С.Ф. Проблемы военно-уголовного права в т. н. «согласованном» проекте УК России // 50 лет Великой Победы в жизни и исторической судьбе России. Матер. докл. межд. научн.-практич. конф. (9-10 февраля 1995 г.), часть V. СПб.: СПб ин-т, внутр. войск МВД РФ, 1995. С. 100-104.

⁵ Милуков С.Ф. Отечественное военно-уголовное право и современные криминологические ре-

алии // Уголовное право и криминология: современное состояние и перспективы развития. Вып. 2. Воронеж: изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2006. С. 218–227.

⁶ Милюков С.Ф. Кожухова И.В. Смертная казнь: современные тенденции развития // Вестник Орловского гос. ун-та. 2012. №5 (25). С. 29–35.

⁷ Милюков С.Ф. Усиление сословного (классового) начала в современной уголовно-правовой политике // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях. СПб., 2011, С. 81–87; Корецкий Д., Милюков С. Экономические преступники — друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. №3. С. 86–90; Милюков С. Отзыв о дисс. «Реализация принципа равенства граждан независимо от их должностного (служебного) положения», представленной В. П. Сорокиным на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук // Уголовное право. 2015. № 4. С. 131–135.

⁸ Милюков С.Ф. Ревизия российского уголовного законодательства: криминологическая обоснованность и уголовно-политические последствия // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимодействия / Под. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 120.

⁹ Милюков С.Ф. О лжедемократизме российской уголовно-правовой политики // Демократизация право-творчества: доктрина, практика, техника / Юридическая техника. №8. Н.Новгород, 2014. С. 274–282.

¹⁰ Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Неиспользованные возможности Уголовного кодекса России в противодействии коррупции // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Рязань, 2016. С. 121–129; Милюков С.Ф. Пути борьбы с экономическим хищничеством: истинные и ложные // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2017. С. 642–652.

¹¹ Ввиду того, что значение этого слова уже стало забываться, напомним, что компрадорами называли туземных купцов, посредничавших между иностранным капиталом и местным рынком на Филиппинских островах и в других колониальных и зависимых странах. Как указывалось в советское время, «компрадоры играют реакционную роль, способствуя проникновению иностранного капитала на рынки этих стран и удушению их промышленности, что ведет к усилению гнета и эксплуатации трудящихся» (Краткий словарь иностранных слов. 6-е перераб. и доп. изд. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. С. 192). Характерно, что в обширнейшей 35-томной Большой российской энциклопедии уже не нашлось места для толкования данного термина (см. БСЭ. Том 14. М., 2014. С. 705).

¹² Делягин М. Когда гости становятся хозяевами // Российская газета. 2018. 11 апр.

¹³ Милюков С.Ф. Будут ли Финляндия и Россия втянуты в новую геополитическую катастрофу? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. №2 (41). С. 51–53.

¹⁴ Милюков С.Ф. Сирийский путь для России: можно ли с него сойти? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. №1 (32). С. 120–121.

¹⁵ Об аналогичных агрессивных действиях энергетических монополистов против населения и органов власти см.: Милюков С.Ф. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Уголовная ответственность за лишение потребителя источников жизнеобеспечения», представленную Е.В. Хромовым на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2016. № 1(2). С. 54–58.

¹⁶ Милюков С.Ф. Отзыв официального оппонента о докторской диссертации В.Н. Ткачева «Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. №2(4). С. 134–141.

¹⁷ Киселева Е.С. Альтернативные лишению свободы меры уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних // Вестник Саратовской гос. юрид. академии. 2016. №1. С. 172.

¹⁸ Милюков С.Ф., Труфанов В.В. Рецензия на монографию: теоретические проблемы предупреждения правонарушений несовершеннолетних (Киев, 1977) // Правоведение. 1980. №1. С. 94–96.

¹⁹ Голубицкая Ж. Крестовый поход против детей // Московский комсомолец. РРЕ. 2018. 9–16 мая.

²⁰ Гилинский Я.И., Милюков С.Ф. С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности? Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. №1. С. 121–125.

²¹ Милюков С.Ф. Затяжной кризис российской системы наказаний и некоторые пути его преодоления // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2014. С. 156.

СТРАХ ПЕРЕД ПРЕСТУПНОСТЬЮ И СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ВИКТИМИЗАЦИИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПОЛИЦИЕЙ И ДОВЕРИЯ К НЕЙ

Налла Махеш Кумар
профессор школы уголовной юстиции
Мичиганского государственного университета
(г. Ист Лансинг, США),
Доктор наук, PhD

Гури́нская А.Л.
доцент кафедры уголовного права Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
кандидат юридических наук, доцент

Ключевые слова: криминология, страх перед преступностью, полиция, легитимность, процедурная справедливость, виктимизация, антиобщественное поведение.

Аннотация: Тема страха перед преступностью представляет существенный интерес для криминологов со всего мира. Ее значимость также широко признаётся служащими полиции и политическими деятелями. Однако в российской криминологии практически отсутствуют систематические исследования о взаимосвязи страха перед преступностью и таких факторов, как опыт предыдущей виктимизации, воспринимаемый уровень преступности в микрорайонах и доверие к полиции. В настоящей работе обобщается обширная криминологическая литература, посвященная изучению факторов, которые формируют страх граждан перед преступностью и воздействуют на их чувство безопасности. Проводится также обзор литературы о взаимоотношении между страхами и опытом предыдущей виктимизации, уверенностью в эффективности полиции, доверием и удовлетворением деятельностью полиции, анти-социальным поведением в районах. Данная обзорная работа может быть использована для подготовки и проведения исследований, в которых страх перед преступностью будет рассматриваться как важный аспект, требующий учета при разработке мер по предотвращению преступлений. Основываясь на литературном обзоре, мы подчеркиваем важность развития отношений между гражданами и полицией путем формирования позитивного образа полиции и создания программ, способствующих активизации участия граждан в стратегиях по профилактике преступности.

Keywords: criminology, fear of crime, police, legitimacy, procedural justice, victimization, anti-social behavior.

The summary: The topic of fear of crime has received considerable interest from criminologists from many parts of the world. Its importance is well recognized by police bureaucrats and politicians alike. However, this issue has not received much attention in Russian criminology; very little systematic research is available on the relationship of fear of crime in relation to prior victimization, perceived neighborhood crime and confidence in police. In this paper, we examine vast criminological literature that analyzes factors that shape citizens' attitudes toward fear of crime and their sense of safety. We further explore literature that examines the relationship between prior crime victimization experiences, confidence in police effectiveness, trust and satisfaction in police, and neighborhood incivilities to explain risk perceptions and fear of crime. These findings have implications for research that takes into account fear of crime as an important dimension for crime prevention efforts. Further, based on the literature review we draw attention to importance of enhancing citizens-police relations through creation of the positive image of police as well as through designing programs that engage citizens in crime prevention strategies..

Введение

Страх перед преступностью и проблема восприятия риска виктимизации активно изучается в течение последних шести десятилетий в странах Европы и Северной Америки. К концу 1990-х страху было посвящено более 200 статей и монографий¹, но эта проблематика приобрела даже большую актуальность после событий 11 сентября 2001 г.². Данный вопрос занимает одно из центральных мест в публичных дискуссиях, так как он связан с безопасностью и эмоциональным и физическим благополучием общества. В поп-культуре и средствах массовой информации распространяются изображения и истории, связанные с преступлениями, преступностью и их предотвращением. Политики и полицейские также осознают важность проблемы. История показывает, что зачастую даже выбор граждан главы государства часто обусловлен тем способом, с помощью которого они предлагают бороться со страхом перед преступностью.

Хотя страх перед преступностью и необязательно приводит к виктимизации³, тем не менее, восприятие рисков имеет важное значение для людей, существующих и строящих свою жизнь в атмосфере потенциальных угроз виктимизации. В данной работе рассматриваются факторы, которые формируют отношение граждан к страху перед преступностью, чувству безопасности, и сопутствующим стратегиям по снижению риска, предпринимаемым ими. Целью данной работы является обзор литературы с целью выявления взаимоотношений между страхом перед преступностью и восприятием рисков и таким факторами, как опыт предыдущей виктимизации, уверенность в эффективности полиции, доверие и удовлетворение относительно деятельности полиции и отсутствие общественного порядка на локальном уровне.

Восприятие рисков, страх перед преступностью и предупреждение преступности

В данной статье термины страх перед преступностью (СПП) и чувство безопасности (ЧБ) используются взаимозаменяемо. Начиная с 1960-х гг., СПП становится популярным предметом обсуждения как для криминологов, так и для аналитиков государственной политики⁴. СПП принято характеризовать как «эмоциональную реакцию, вызывающую чувство опасности и беспокойства»⁵. Общеизвестно, что СПП является социальным явлением, которое стало более распространенным с 1960-х годов⁶ и напрямую влияет на качество жизни людей как физически, так и эмоционально.⁷ СПП подрывает доверие граждан к сообществам и учреждениям социального контроля.⁸ Некоторые исследователи утверждают, что растущее чувство страха провоцирует рост уровня преступности, поскольку стратегии предотвращения виктимизации, влекущие за собой снижение количества людей в общественных местах⁹, тем самым уменьшают возможности естественного надзора граждан за поведением друг друга в публичных пространствах.¹⁰ СПП может обладать такими характеристиками, как функциональность и адаптивность, равно как и продвигать стратегии управления рисками для нейтрализации преступности.¹¹

С начала 1970-х годов реакция граждан на страх перед преступностью и повышение уровня преступности непосредственно привели к появлению стратегий, призывающих к росту численности полицейского персонала и эффективности полиции¹² для снижения обеспокоенности граждан. Однако, в действительности, присутствие полиции практически не повлияло на гражданское ЧБ и не имеет прямого отношения к СПП.¹³ С другой стороны, Дж. Гарофало в своей работе в 1981 г. отмечает, что большое количество людей сообщают о том, что они предпринимают альтернативные меры для борьбы с СПП. Они варьируются от избегания

(принятия мер по уменьшению риска криминальной виктимизации), защитного поведения, такого, как охрана дома, и изменения последствий виктимизации. Это соответствует теоретическому подходу о ситуационной профилактике преступности (SCP) изложенному Р. Кларком в 1983 г. Данная точка зрения, базирующаяся на ситуационном подходе, предполагает, что манипулирование окружающей средой с целью увеличения рисков и устранения потенциальной выгоды для правонарушителей обладает значительным потенциалом по сокращению преступности.

Корреляты страха перед преступностью

Пол: Пол является одним из наиболее значимых коррелятов СПП. Результаты исследований показывают, что, по сравнению с мужчинами, женщины больше боятся преступлений, хотя вероятность их виктимизации значительно меньше.¹⁴ Это гендерное различие в страхе перед преступностью принято объяснять фактором «уязвимости»; то есть их более высокая подверженность преступлениям или их более низкая способность защищать себя или восполнять потери привели к распространенному мнению о том, что женщины больше боятся преступлений, чем мужчины.¹⁵

В более разнообразных по этническому составу обществах страх перед преступностью выше среди женщин и цветного населения; «боязливые» респонденты чаще встречаются среди тех, кто имеет начальное образование, людей более старшего возраста, а также тех, кто относится к группам населения с низкими доходами.¹⁶ Пол был признан самым сильным предиктором страха. У женщин гораздо больше страха перед преступностью, чем у мужчин¹⁷, но они в целом реже становятся жертвами, чем мужчины¹⁸. Что касается страха женщин в отношении сексуальной преступности, то он главным образом исходит из-за их уязвимости перед сексуальной агрессией: женщины в десять раз чаще подвергаются сексуальному насилию, чем мужчины¹⁹. Таким образом, страх сексуального домогательства и изнасилования переносится и на другие виды преступлений²⁰. Женщины не просто однажды осознают этот страх, как и не рождаются вместе с ним; женщины приходят к мысли, что они уязвимы для нападения, если, например, выходят из дома одни ночью, в процессе социализации. Родители, сверстники и средства массовой информации акцентируют и усиливают этот страх, и женщины ожидаемо начинают ему поддаваться.

Были высказаны и другие предложения относительно того, почему женщины более подвержены страху. К ним относятся: иррациональность; нехватка навыков, чтобы справиться с состоянием жертвы; серьезная обеспокоенность за своих детей, родителей, братьев и сестер²¹ и меньший контроль обстановки в общественных и частных местах, чем у мужчин²². Соответственно, не существует одной отдельной причины, объясняющей, почему женщины более боязливы, чем мужчины; вероятнее всего, что в данном случае одновременно играют роль многочисленные факторы.

Возраст: Возраст является мощным предиктором СПП, но, в отличие от пола, с возрастом страх варьируется от одного типа преступления к другому. Принято считать, что у пожилых людей наблюдается более высокий СПП, особенно относительно таких преступлений, как грабеж и кража со взломом. Напротив, в отношении таких преступлений, как изнасилования, сексуальные домогательства и нападения со стороны незнакомых лиц, по результатам исследований, более подвержена страхам молодежь²³. СПП и уязвимость пожилого гражданина связаны с физическими и социальными ограничениями, которые не позволяют ему защитить себя или искать поддержки и помощи²⁴. Пожилые люди не являются конкретными объектами посягательств в случае большинства преступлений, но, тем не менее, уровень их страха превышает их риск виктимизации²⁵.

Предыдущая виктимизация: предшествующий опыт столкновений с преступностью и криминальной виктимизацией является еще одним коррелятом СПП. Проводилось много исследований, анализирующих, влияет ли прошлый личный опыт негативного контакта с преступностью и преступниками на уровень страха в человеке, однако выявленные результаты были неоднозначными. Например, некоторые исследования не выявили реальных различий между жертвами преступлений и «не жертвами», но в других исследованиях разница была зафиксирована. Страх проистекает из личного опыта²⁶. В частности, предполагаемый риск того, что может произойти криминальная виктимизация, потенциальная серьезность преступлений или конкретные преступления, наносящие вред, - все они вносят свой вклад в СПП²⁷. Однако число тех, кто боится преступлений, намного больше, чем число тех, кто фактически стал их жертвой²⁸. Тем не менее, некоторые исследования по виктимизации показывают, что

страх перед преступностью увеличился с ростом виктимизации, в особенности относительно тех людей, кто не были жертвами²⁹.

Некоторые преступления вызывают больше беспокойства относительно жертв, чем другие, что приводит к различным последствиям для страха. Жертвы преступлений, направленных в том числе и против личности, таких как разбой, обладают более высоким уровнем СПП, поскольку в них содержатся элементы, вызывающие больший страх у жертв. Сценарий разбоя обычно включает в себя незнакомца, оружие, физическое нападение и утрату крупной суммы денег или товаров³⁰. Хищение с проникновением в жилище, из-за его вторжения в частную жизнь и значительной суммы потери, тоже порождает высокий уровень страха³¹. Наивысший уровень страха среди жертв и «не жертв» был зафиксирован в случаях, когда взлом и проникновение происходили в то время, когда жертва находилась в доме³². Аналогичным образом, исследование страха перед насильственными преступлениями привело к выводу, что «даже жертвы насилия не следует воспринимать как однородную группу»³³. Авторы утверждают, что чем выше был страх перед преступностью (среди жертв и респондентов «не жертв»), тем они были более карательно настроены по отношению к правонарушителям. Изучая влияние преступности на студентов колледжа, Р. Далл и А. Уинт в 1997 г. обнаружили, что те ученики, которые были однажды жертвами преступлений, меньше боялись преступления против личности, но больше боялись преступления против имущества, чем те, кто жертвой преступлений не становился³⁴.

Соседская сплоченность, непристойное поведение и СПП: Предполагаемая обстановка в районе относится к числу факторов, которые исследователи связывают с объяснением СПП. В более ранних исследованиях было антисоциальное поведение³⁵, влияющее на восприятие риска виктимизации. Основным предположением исследователей в этой области является то, что наличие признаков антисоциального поведения (проституция, бродяжничество, граффити, разбитые окна и т. д.) указывает жителям на повышенный риск виктимизации и потенциально приводит к более высокому уровню преступности, что, в свою очередь, приводит к усиленному чувству страха³⁶. Тезис о разбитых окнах свидетельствует о том, что ухудшение состояния городской окружающей среды и осознание участвовавших случаев антисоциального поведения способствуют усилению чувства страха перед преступностью среди граждан³⁷.

Самые серьезные опасения связаны с ухудшением условий жизни в городской среде³⁸, включая заброшенные здания, мусор, отбросы, шум, поскольку эти факторы влияют на восприятие локальной ситуации как тревожной; «восприятие риска зависит как от концентрации риска во времени и пространстве, так и от наличия ранних признаков опасности»³⁹. Таким образом, в исследованиях были сделаны выводы о том, что структурные особенности среды, такие как антисоциальное поведение, плохая социальная интеграция, сегрегация, концентрация населения и уровень преступности повышают уровень страха среди жителей⁴⁰.

Доверие полиции и страх перед преступностью: Во многих исследованиях изучалась взаимосвязь между доверием полиции и уровнем СПП граждан. Население рассматривает на полицию как основного субъекта, который борется с преступностью и защищает общество. Существование полиции тесно связано с ее позитивным влиянием на уменьшение СПП⁴¹. Более того, если страх перед преступностью растет, то мнение граждан о деятельности полиции и судов становится более негативным⁴². Другими словами, уверенность граждан в способности полиции защищать их порождает чувство безопасности и повышает легитимность полиции. Эта уверенность может быть связана с эффективностью полицейской работы, вежливостью сотрудников при их личном взаимодействии с населением и удовлетворенностью жителей работой полицейских служб⁴³. Определенно, что легитимность и процедурная справедливость оказывают сильное влияние на готовность граждан сотрудничать с полицией⁴⁴, смягчая СПП⁴⁵. Было выявлено, что охрана общественного порядка способствует снижению страха перед преступностью, в тех случаях, когда ориентированная на решение определенных проблем полицейская деятельность демонстрировала успехи в снижении уровня преступности⁴⁶.

СПП и меры по предупреждению преступности: В настоящее время проводятся значительные исследования, посвященные изучению активного внедрения стратегий предупреждения преступности, предлагаемых такими теоретическими подходами, как предупреждение преступности посредством дизайна окружающей среды (CPTED) и ситуационный подход (SCP). Идеи CPTED, первоначально разработанные С.Р. Джеффри в 1969 г. и эволюционировавшие из теории защищаемого пространства, сформулированной в 1972 г., О. Ньюемом, были реализованы в Чикаго в контексте

попытки перепроектирования города с целью усиления естественного надзора граждан друг за другом, чтобы одновременно помочь свести к минимуму как страх перед преступностью, так и фактическую преступность. Эти идеи оказали глубокое влияние на многие более поздние теории, такие как тезис «разбитых окон» Дж. Уилсона и Дж. Келлинга, разработанный в 1982 г., а также описанный Кларком в 1983, 1995 гг. ситуационный подход к предупреждению преступлений. Более конкретно, SCP предлагает рассматривать всех индивидов, включая преступников, как рациональных субъектов, которые совершают правонарушение только в том случае, если они удостоверились, что объект не защищен или не охраняется. То есть, преступление происходит тогда, когда требуется наименьшее усилие для участия в этом поведении - так называемый принцип наименьших усилий. Идеи SCP связаны с манипулированием непосредственной окружающей средой с целью сокращения возможностей для совершения преступлений - например, это практики, направленные на осложнение доступа к потенциальной жертве (замки, глазок в дверях, освещение и т. д.), - но также и увеличение рисков для потенциальных правонарушителей, затрудняющих совершение ими преступлений (система надзора, группы общественного наблюдения и т. д.)⁴⁷.

По своей сути второй подход, CPTED, представляет собой идею о том, что надлежащий дизайн застроенного пространства, как внутри, так и в его окрестностях, повышает степень надзора и способствует уменьшению страха перед преступностью и снижению уровня преступности как такового, а также улучшению качества жизни⁴⁸. Эти идеи являются естественным итогом исследований, которые показывают, что страх перед преступностью обыкновенно высок в тех местах, где для правонарушителей существует больше возможностей скрыться от преследования⁴⁹. Также существует масштабное исследование, показывающее, что стратегии механического надзора, такие как установка систем видеонаблюдения (CCTV), улучшенное освещение, активное использование уличной пешеходной зоны и самоконтроль резидента, приводят к растущему ЧБ и снижению уровня преступности⁵⁰.

Помимо этого, были реализованы две другие стратегии, которые, как предполагается, способны снизить уровень преступности и увеличить ЧБ и качество жизни. Первая связана с имидж-менеджментом. Она включает в себя

поддержание порядка в среде застройки и использование неких символов, показывающих, что за помещениями ведется наблюдение⁵¹. На этом, в частности, построена теория «разбитых окон»⁵², которая предполагает, что кажущиеся заброшенными кварталы привлекают злоумышленников и создают условия для роста преступности в районе, а также посылают сигналы тревоги гражданам и свидетельствуют о плохом состоянии микрорайона. Вторая же стратегия относится к практикам по усложнению доступа к потенциальной жертве. Иными словами, это усилия, направленные на создание препятствий для преступников при совершении преступлений, - таких, как модернизация замков, повышение безопасности в пунктах входа в здания и помещения (дополнительные задвижки, установка болтов на дверях, укрепление окон и т. д.), установление систем электронной сигнализации. Существует множество доказательств, свидетельствующих об увеличении индивидуальных усилий по усилению мер безопасности, а практика усложнения доступа правонарушителя к потенциальной цели привела к сокращению уровня многих видов преступлений⁵³.

Заключение

В данной работе была рассмотрена природа страха перед преступностью и чувство безопасности. Мы осуществили обзор основных научных выводов о влиянии демографических характеристик, а именно пола, возраста, семейного статуса и дохода на страх перед преступностью. Кроме того, мы обобщили литературу, посвященную иным факторам, обуславливающим СПП и уровень воспринимаемого риска - такие, как предыдущая виктимизация, доверие к полиции, ответственное отношение к обеспечению собственной безопасности. Наш обзор показывает следующее:

Женщины, по сравнению с мужчинами, в большей степени испытывают страх перед преступностью.

Те, кто состоит в браке или в отношениях, боятся преступности больше, чем одинокие люди.

Те, у кого был положительный (в противовес отрицательному) опыт контактов с полицией, испытывают меньший страх перед преступностью.

Предыдущая виктимизация (либо в виде имущественного, либо сексуального преступления) является существенным предиктором страха перед преступностью.

Те, кто осознает увеличение преступности в районе, испытывают больше страха перед преступностью.

Те, кто считает, что положение с соблюдением законности и правопорядка улучшилось, чувствуют себя в большей безопасности.

Те, кто меньше доверяет полиции, больше боятся преступлений.

И, наконец, те, кто самостоятельно принимает усилия по обеспечению собственной безопасности, ощущают себя в большей безопасности и в меньшей мере испытывают страх перед преступностью.

Эти выводы имеют серьезное значение для разработки государственной политики по противодействию преступности, ведь они указывают на важность доверия к полиции и уверенности в ее эффективности со стороны граждан. Легитимность полиции вызывает существенный интерес исследователей по всему миру. Там, где граждане доверяют правоохранительным органам, они более охотно подчиняются закону, а также сотрудничают с государством в деятельности по предупреждению пре-

ступности. Второй вывод, который можно использовать при разработке государственной политики, связан с подготовкой и повышением уровня профессионализма полиции. Восприятие гражданами деятельности полиции формируется под воздействием разных источников, в том числе средств массовой информации, а также под влиянием массовой культуры, в том числе анекдотов и карикатур. Соответственно, программы подготовки полицейских можно бы изменить таким образом, чтобы они учитывали меняющийся характер реакции граждан на контакты с полицией и продумать стратегии по распространению положительного образа полицейской деятельности. Данные многочисленных исследований явно показывают, что позитивный контакт с полицией положительно влияет на мнение населения о преступности и безопасности. В конечном счете, позитивный опыт взаимодействия с полицией играет решающую роль в укреплении легитимности полиции, уменьшении страха перед преступностью и обеспечении более тесного сотрудничества между населением и полицией.

* Авторы выражают благодарность А. Баклушиной за перевод данной статьи с английского языка.

¹ Hale C. Fear of crime: A review of the literature // *International review of Victimology*. 1996. Vol. 4. № 2. P. 80.

² Simon J. After the culture of fear: fear of crime in the United States half a century on // Lee M., Mythen G. (ed.). *The Routledge International Handbook on Fear of Crime*. Routledge, 2017. P. 102-112.

³ Rountree P., Land K. Perceived risk versus fear of crime: Empirical evidence of conceptually distinct reactions in survey data // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1996. Vol. 33. № 2. P. 147-180.

⁴ LaGrange R. L., Ferraro K. F. Assessing age and gender differences in perceived risk and fear of crime // *Criminology*. 1987. Vol. 27. № 4. Pp. 697-720; Farrall S., Bannister J., Ditton J., Gilchrist E. Social psychology and the "fear of crime": Re-examining a speculative model // *British Journal of Criminology*. 2000. Vol. 40. Pp. 399-413; Ditton J., Farrell, S. The British Crime Survey and fear of crime. // *Survey in crime in the 21st century* / Ed by M. Hough, M. Maxfield. Monsey, NY: Criminal Justice Press. 2007. Pp. 223-243.

⁵ Garofalo J. The fear of crime: Causes and consequences // *The Journal of Criminal Law and Criminology* (1973-). 1981. Vol. 72. № 2. P. 840

⁶ Baklin S. Victimization rates, safety and fear of crime // *Social Problems*. 1978. Vol. 26. P. 343.

⁷ Jackson J., Stafford M. Public health and fear of crime: A prospective cohort study // *The British Journal of Criminology*. 2009. Vol. 49. № 6. Pp. 832-847.

⁸ Ferraro K. F., Grange R. L. The measurement of fear of crime // *Sociological inquiry*. 1987; Criminal victimisation in seventeen industrialized countries: Key findings from the 2000 International Crime Victims Survey / Ed. By Van Kesteren J., Mayhew P., Nieuwbeerta P. *Onderzoek en beleid* 187. The Hague: WODC/NSCR, 2000; Vanderveen G. *Interpreting fear, crime, risk and unsafety*. Cullompton, England: Willan Publishing, 2007.

⁹ Garofalo J. Op. cit.; Krahn H., Kennedy L. W. Producing personal safety // *Criminology*. 1985. Vol. 3. Pp. 697-710.

¹⁰ Goodstein L., Shotland R. L. The crime causes crime model: A critical review of the relationships between fear of crime, bystander surveillance, and changes in the crime rate // *Victimology*. 1980. Vo. 5. № 2-4. Pp. 133-151.

¹¹ Garofalo J. Op. cit.; Jackson J., Gray E. Functional fear and public insecurities about crime // *British Journal of Criminology*. 2010. Vol. 50. Pp. 1-22.

¹² Marvell T. B., Moody C. E. Specification problems, police levels, and crime rates // *Criminology*. 1996. Vol. 34. № 4. Pp. 609-646.

¹³ Scheider M. C., Rowell T., Bezdikian V. The impact of citizen perceptions of community policing on fear of crime: Findings from twelve cities // *Police Quarterly*. 2003. Vol. 6. № 4. Pp. 363-386.

¹⁴ Ferraro K. F. Women's fear of victimization: Shadow of sexual assault? // *Social Forces*. 1996. Vol.

5. № 2. Pp. 667–669; Ferraro K. F., Grange R. L. Op. cit.; Hale C. Op. cit.; Hindelang M. J. Public opinion regarding crime, criminal justice, and related topics // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1974. Vol. 11. № 2. Pp. 101–116; Thompson C., Bankston W., St. Pierre R. Parity and disparity among three measures of fear of crime: A research note // *Deviant Behavior*. 1992. Vol. 13. Pp. 373–389; Criminal victimisation in seventeen industrialized countries: Key findings from the 2000 International Crime Victims Survey. Op. cit.; Warr M. Fear of victimization: Why are women and the elderly more afraid? // *Social Science Quarterly*. 1984. Vol. 65. Pp. 681–702; Criminal victimization in the developing world / Ed. by Zvekic U., Alvazzi del Frate A. Rome: UNCRI Publication No. 55, 1995.

¹⁵ Hale C. Op. cit.; Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization / Ed. by Hindelang M., Gottfredson M., Garofalo J. Cambridge, MA: Ballinger, 1978; Carvalho I., Lewis D. Beyond community: Reactions to crime and disorder among inner-city residents // *Criminology*. 2003. Vol. 41. № 3. P. 781; Covington J., Taylor R. Fear of crime in urban residential neighborhoods: Implications of between and within-neighborhood sources for current models // *Sociological Quarterly*. 1991. Vol. 32. Pp. 231–249; Killias M. Vulnerability: Towards a better understanding of a key variable in the genesis of fear of crime // *Violence and Victims*. 1990. Vol. 5. Pp. 275–295; Coping with crime: Individual and neighborhood reactions / Ed. by Skogan W., Maxfield M. Beverley Hills, CA: Sage, 1981; Taylor R., Gottfredson S., Brower S. Block crime and fear: Defensible space, local social ties, and territorial functioning // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1984. Vol. 21. Pp. 303–331; Will J., McGrath J. Crime, neighborhood perceptions, and the underclass: The relationship between fear of crime and class position // *Journal of Criminal Justice*. 1995. Vol. 23. Pp. 163–176.

¹⁶ Toseland R. W. Fear of crime: Who is most vulnerable? // *Journal of Criminal Justice*. 1982. Vol. 10. № 3. Pp. 199–209.

¹⁷ Lee M. R., Earnest T. L. Perceived community cohesion and perceived risk of victimization: A cross-national analysis // *Justice Quarterly*. 2003. Vol. 20. № 1. Pp. 131–157.

¹⁸ Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization Op. cit.

¹⁹ Understanding violence against women/ Ed. by Crowell N. A., Burgess A. W. Washington, DC: National Academy Press, 1996.

²⁰ Ferraro K. F. Op. cit.

²¹ Snedker K. A. Altruistic and vicarious fear of crime: Fear for others and gendered social roles // *Sociological Forum*. 2006. Vol. 21. № 2. Pp. 163–195.

²² Gilchrist E., Bannister J., Ditton J., Farrall S. Women and the “fear of crime”: Challenging the accepted stereotype // *The British Journal of Criminology*. 1998. Vol. 38. № 2. Pp. 283–298.

²³ Evans D. J. Crime and policing: Spatial approaches. Brookfield, VT: Avebury, 1995.

²⁴ LaGrange R. L., Ferraro K. F. Op. cit.

²⁵ Yin P. P. Fear of crime among the elderly: Some issues and suggestions // *Social Problems*. 1980. Vol. 27. № 4. Pp. 492–504.

²⁶ Coping with crime: Individual and neighborhood reactions. Op. cit.

²⁷ Carvalho I., Lewis D. Op. cit. P. 779; The female fear / Ed. by Gordon M., Riger S. New York: The Free Press, 1989; Warr M. Op. cit.; Warr M., Stafford M. Fear of victimization: A look at the proximate causes // *Social Forces*. 1983. Vol. 61. Pp. 1033–1043.

²⁸ Experiences of crime across the world: Key findings from the 1989 International Crime Survey / Ed. By Van Dijk J., Mayhew P., Killias M. 2nd ed. Deventer, Netherlands: Kluwer Law and Taxation Publishers, 1991.

²⁹ Coping with crime: Individual and neighborhood reactions. Op. cit.

³⁰ Liska A. E., Lawrence J. J., Sanchirico A. Fear of crime as a social fact // *Social Forces*. 1982. Vol. 60. № 3. Pp. 760–770.

³¹ Maxfield M. G. Explaining fear of crime: Evidence from the 1984 British Crime Survey (vol. 43). London: Home Office, 1987.

³² Sprott J. B., Doob A. Fear, victimization and attitudes to sentencing, the courts, and the police // *Canadian Journal of Criminology*. 1997. Vol. 39. № 3. Pp. 286.

³³ Ibid. Pp. 287.

³⁴ Dull R. T., Wint A. V. N. Criminal victimization and its effect on fear of crime and justice attitudes // *Journal of Interpersonal Violence*. 1997. Vol. 12. № 5. Pp. 748–758.

³⁵ Coping with crime: Individual and neighborhood reactions Op. cit.; Covington J., Taylor R. Op. cit.; LaGrange R. L., Ferraro K. F., Supancic M. Perceived risk and fear of crime: Role of social and physical incivilities // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1992. Vol. 29. № 3. Pp. 311–334.

³⁶ Adu-Mireku, S. Fear of crime among residents of three communities in Accra, Ghana // *International Journal of Comparative Sociology*. 2002. Vol. 43. № 2. P. 155.

³⁷ Wilson J. Q., Kelling G. L. Broken windows // *Atlantic Monthly*. 1982. Vol. 249. № 3. Pp. 29–38; Sampson R. J., Raudenbush S. W. Systematic social observation of public spaces: A new look at disorder in urban neighborhoods // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105. № 3. Pp. 603–651.

³⁸ Hindelang M. J. Op. cit.

³⁹ Crime and punishment: Changing attitudes in America / Ed. by Stinchcombe A. L., Adams R., Heimer C. A., Scheppele K. L., Smith T. W., Taylor D. G. San Francisco: Jossey-Bass, 1980.

⁴⁰ Lewis D., Maxfield M. Fear in the neighborhood: An investigation on the impact of crime // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1980. Vol. 17. Pp. 160–189; Fear of crime: Incivility and the production of a social problem

/ Ed. by Lewis D., Salem G. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1986; Liska A. E., Lawrence J. J., Sanchirico A. Op. cit.; Liska A. E., Warner B. D. Functions of crime: A paradoxical process // American Journal of Sociology. 1991. Vol. 96. № 6. Pp. 1441-1463; Rountree P., Land K. Op. cit.; Coping with crime: Individual and neighborhood reactions. Op. cit.; Taylor R., Gottfredson S., Brower S. Op. cit.

⁴¹ Lewis D., Maxfield M. Op. cit.; Bursik Jr R. J., Grasmick H. G. Economic deprivation and neighborhood crime rates, 1960-1980 // Law & Soc'y Rev. 1993. Vol. 27, P. 263.

⁴² Sprott J. B., Doob A. Op. cit.

⁴³ Bennett T. The effectiveness of a police-initiated fear-reducing strategy // The British Journal of Criminology. 1991. Vol. 31. № 1. Pp. 1-14; Scheider M. C., Rowell T., Bezdikian V. Op. cit.

⁴⁴ Tyler T. R., Fagan J. Legitimacy and cooperation: Why do people help the police fight crime in their communities // Ohio State Journal of Criminal Law. 2008. Vol. 6. Pp. 231-275.

⁴⁵ Renauer B. C. Reducing fear of crime: Citizen, police, or government responsibility? // Police Quarterly. 2007. Vol. 10. № 1. Pp. 41-62.

⁴⁶ Weisburd D., Eck J. E. What can police do to reduce crime, disorder, and fear? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2004. Vol. 593. № 1. Pp. 42-65.

⁴⁷ Clarke R. V. Situational crime prevention: Its theoretical basis and practical scope // Crime and Justice. 1983. Vol. 4. Pp. 225-256.

⁴⁸ Crowe T. D. Crime prevention through environmental design: Applications of architectural design and space management concepts. Boston: Butterworth-Heinemann, 2000.

⁴⁹ Fisher B. S., Nasar J. L. Fear of crime in relation to three exterior site features: Prospect, refuge and escape // Environment and Behavior. 1992. Vol. 24. № 1. Pp. 34-65.

⁵⁰ Cozens P. M., Saville G., Hillier D. Crime prevention through environmental design (CPTED): A review and modern bibliography // Property Management. 2005. Vol. 23. № 5. Pp. 328-356.

⁵¹ Lynch K. The image of the city. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.

⁵² Wilson J. Q., Kelling G. L. Op. cit.

⁵³ Budd T. Burglary of domestic dwellings: Findings from the British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin 4/99. Home Office, London. 1999; Tseloni A., Wittebrood K., Farrell G., Pease K. Burglary victimization in England and Wales, the United States and the Netherlands: A cross-national comparative test of routine activities and lifestyle theories // The British Journal of Criminology. 2004. Vol. 44. № 1. Pp. 66-91.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

*Дикаев С.У.,
начальник кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России
(г. Санкт-Петербург)
доктор юридических наук, профессор*

Ключевые слова: механизм, народ, право, реализация, самоопределение; сопротивление, суверенитет.

Аннотация: Неопределенность механизма реализации права народа на самоопределение рассматривается как причины сепаратистских и экстремистских настроений. Предложен каркас возможного механизма реализации международного принципа – права народа на самоопределение.

Keywords: mechanism; people; right; realization; self-determination; resistance; sovereignty.

The summary: The uncertainty of the mechanism for realizing the people's right to self-determination is considered as the cause of separatist and extremist views. The framework of a possible mechanism for realizing the international principle - the right of the people to self-determination - is offered.

Право народов на самоопределение (наряду с правом на существование, равноправие, самоидентификацию), относится к группе прав, внутренне присущих каждому народу. Сутью этого права является генетическое стремление народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой, в условиях полной свободы, по собственному желанию определять свой внутренний и внешний политический статус, по своему усмотрению осуществлять свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Признание наличия глубинных основ для стремления народов к самоопределению позволило говорить о праве на самоопределение как о естественном праве народа, его закреплению в ряде международных документов и превращению в один из принципов международного права.

Так, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.) признает за всеми народами право на самоопределение; права свободно устанавливать свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие¹.

Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) устанавливает, что все народы для достижения своих целей мо-

гут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования².

К настоящему времени в той или иной степени активности о своем желании воспользоваться правом на самоопределение заявляют: Бавария от Германии; Голландскоязычная Фландрия и франкоязычная Валлония вместе составляют Бельгию; Шотландия от Великобритании; Каталония и Страна Басков от Испании; Гренландия от Дании; Нагорно-Карабахская республика от Азербайджана; Южная Осетия и Абхазия от Грузии; Приднестровская республика от Молдовы; Донецкая и Луганская республики, Закарпатская и Одесская области от Украины и др. Созданию своего государства добивается Курдский народ, компактно проживающий на территории Турции, Ирака, Сирии. В течение 70 лет добивается своей государственности Палестина, народ которой изолирован от внешнего мира, лишен доступа к пресной воде, электричеству, то есть, поставлен на грань физического уничтожения.

Это далеко не полный перечень территорий и народов, стремящихся к самоопределению. Однако в одних случаях право на самоопределение доминанты международных отношений ставят под сомнение (Палестина, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, теперь ещё и Крым, Донецкая и Луганская народные республики, Каталония), заявляя, что это право вступает в противоречие с принципом нерушимости границ и территориальной целостности государства. В других случаях такое право не только признаётся, но и поощряется (государства бывшей Югославии). Соответственно, в зависимости от политических интересов мировых игроков приоритет отдаётся то принципу территориальной целостности, то праву народов на самоопределение.

Ставя право на самоопределение под сомнение, и отказывая в этом праве народу, компактно проживающему на части его территории, государство, стремится сохранить государственную целостность, не допустить изменения государственной границы. Обычно это достигается путем изменения внутреннего законодательства, признавая такие устремления части народа экстремистскими, террористическими, поддерживающими терроризм и прочее (например, Грузия, Украина, Испания и др.). Стремление к сохранению территориальной целостности государства является прагматическим, поскольку отделение от государства какой-либо территории наносит не только политический или экономический ущерб и влечёт нарушение прав тех, кто хочет жить в едином государстве.

Расчленение существующих государств не в интересах и ООН, поскольку дробление и образование новых государств ведёт к нестабильности международных отношений. Это мысль еще в 1992 году была изложена в докладе Генерального секретаря ООН, в котором говорится, что «если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность, экономическое благополучие станут ещё более труднодостижимой целью».³

Для Российской Федерации, где, согласно данным переписи населения 2010 года, в России проживают представители более 180 национальностей (этнических групп), вопрос права народа на самоопределение представляет особую проблему.

У старшего поколения еще свежи в памяти события «лихих» 90-х, когда не только республики и области, но и деревни объявляли о своей независимости. Такого рода движения

основывались на идее, согласно которой: «Всякий раз, когда население какой-либо территории, будь то отдельная деревня, целый район путем свободного плебисцита дает знать, что оно больше не желает находиться в государстве, к которому принадлежит в настоящее время, а хочет либо образовать новое государство, либо присоединиться к какому-либо другому государству, его желание следует уважать и удовлетворять. Это единственно возможный и эффективный способ избежать революций, гражданских и международных войн»⁴.

С чем можно согласиться с такой постановкой вопроса, так это в том, что вопрос права на самоопределение имеет серьезный криминальный потенциал, способный породить не только экстремистские и сепаратистские настроения и действия, но и продолжительные военные столкновения, влекущие большие жертвы и разрушения. Представляется очевидным тот факт, что даже в отдельной деревне найдутся люди, не согласные с принятым большинством решением об отделении, не говоря уже о лицах, замещающих политические должности.

Несмотря на принятые за последние годы серьезные решения по созданию в России единого политико-правового, социально-экономического и культурного пространства, в котором мирно уживаются и развиваются разные народы, сфера межнационального общения нельзя назвать благополучной. Свидетельством этому являются такие резонансные межнациональные конфликты, которые были в г. Кондопоге Республики Карелия в 2006 г., в г. Ростове-на-Дону в 2010 г., в районе Бирюлево г. Москвы в 2013 г., в г. Пугачеве Саратовской области в 2013 г., в г. Твери в 2013 г., в г. Ставрополе и г. Минеральные Воды в 2013, 2014 и 2015 гг. и др.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2015 г. было зафиксировано 1503 проявления этноконфессиональной напряженности, в результате которых из-за национальной и религиозной вражды пострадали 222 человека, из них 30 убиты и 192 ранены. Наиболее проблемными субъектами РФ по числу локальных конфликтов стали Ставропольский край (155), Республика Татарстан (137) и г. Санкт-Петербург (130)⁵.

Если к сказанному добавить то, что право народа на самоопределение в международной политике используется в качестве инструмента дестабилизации политических основ суверенных государств путем поощрения экстремистских и сепаратистских движений, то становится понятным степень уязвимости России. Это от-

ражено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁶, в которой отмечено, что практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственных нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение. Наряду с сохраняющимися очагами напряженности появляются новые «горячие точки»; расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма.

В научных работах авторы тоже выделяют внутренние и внешние угрозы России. При этом, к числу внутренних угроз, наравне с демографией, организованной преступностью, коррупцией, относят протестную активность и экстремистскую деятельность структурных звеньев радикальной оппозиции. А к числу внешних угроз – деятельность координируемых из-за рубежа экстремистских объединений и террористических организаций, направленная на: нарушение территориальной целостности; создание сепаратистских анклавов; формирование этнически и конфессионально однородных регионов; ликвидацию конституционных органов власти правления; дестабилизация социально-политической обстановки в стране⁷.

Поэтому укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности Стратегия рассматривает в числе самых важных национальных интересов на долгосрочную перспективу. Не должно быть никаких сомнений в том, что в случае ослабления федеральной власти и утере ею способности противодействовать внешней поддержке (моральной, материальной) сепаратизма и экстремизма, то право наций на самоопределение будет козырной картой в геополитической игре по развалу России. Проблему усугубляет то, что продекларировав право народа на самоопределение, в международном праве отсутствует механизм его реализации, что приводит как произвольному толкованию этого права, так и произвольному выбору средств его реализации. Из сказанного следует, что выработка надёжного, всеми признаваемого и закреплённого в международном праве, механизма реализации права народа на самоопределение является жизненно необходимым для сохранения внутренней ста-

бильности, целостности и суверенитета государства. Этот механизм должен включать в себя ряд условий, которые обязаны соблюдать стороны при реализации этого права.

Какими бы могли быть эти условия?

Во-первых, волеизъявление компактно проживающего населения, выраженное на референдуме, проведённом с соблюдением всех требований международного права. При этом нужно учитывать возможность противодействия проведению такого референдума со стороны государства (или государств), не заинтересованных в этом. Вероятны провокации, дискредитация, аресты или даже убийства лидеров-инициаторов референдума.

Так, в ходе референдума в Каталонии 1 октября 2017 г. за независимость Каталонии высказались 90 % участников референдума. Постановлением Конституционного суда Испании он был объявлен незаконным. Премьер Испании Мариано Рахой заявил, что никакого референдума не было, а была – «инсценировка».

В столкновениях с полицией пострадали 844 человека в т.ч. ранения получили 12 раненых полицейских. Ответственность за беспорядки и насильственные действия в Каталонии Рахой возложил на правительство автономии. А власти Каталонии обратились к Евросоюзу с призывом вмешаться в ситуацию. Призыв был проигнорирован, что позволило властям Испании было арестовать 8 бывших членов правительства автономии, которых обвинили в мятеже, антиправительственной агитации и растрате госсредств. А позже арестовали и главу Каталонии Карлеса Пучдемона, которому вменяют государственную измену и попытку государственного переворота. В соответствии с испанским законодательством наказанием за эти преступления может быть до 30 лет лишения свободы.

Избежать такого сценария можно, если в механизме реализации права народа на самоопределение предусмотреть возможность подачи заявки в ООН с указанием всех подробностей предполагаемого плебисцита, в том числе с указанием численности населения, его национального, языкового, культурного состава, границ проживания, экономического, ресурсного, природного потенциала, лиц, уполномоченных организовывать референдум и прочее. Эти лица должны получить международную защиту и поддержку, в том числе и финансовую в проведении референдума.

Всякое отделение части территории всегда сопряжено с нарушением производственных циклов, разрывом экономических связей,

поражением социальных, экономических и политических прав части населения, особенно тех, кто не согласен с результатами референдума об отделении.

Например, в Каталонии против отделения от Испании проголосовали 176 тыс. человек; В Черногории против независимости проголосовали 44,5 % жителей; В Шотландии против отделения от Великобритании проголосовали – 55,3 %; в Татарстане в ходе референдума, который состоялся 22 марта 1992 г., против отделения от России проголосовали 38,6 % жителей.

Возникает вопрос, как быть несогласным с результатами плебисцита?

Полагаю, что несогласные жить в новом государстве должны иметь не только право выбора, где жить, но и время, и возможности, в том числе (а может, и прежде всего) материальные, реализовать своё право выбора: оставаться ли им в новом государстве или изменить место жительства.

Решение большинства населения об отделении ещё не означает, что государство может существовать как самостоятельный субъект международного права. Поэтому вторым неперенным условием должно быть установление периода времени, достаточного для цивилизованного решения всех вопросов, которые возникают на пути обретения суверенитета. Представляется, что 20-летний период был бы оптимальным сроком с учётом того, что и детям по мере достижения ими совершеннолетия должно быть предоставлено право самим определиться с гражданством, чтобы они не стали заложниками тех решений, которые за них приняли их родители (опекуны, попечители). Этого времени достаточно и для того, чтобы новое государство апробировало свои возможности не просто существовать как субъект международного права, но и обеспечить достойный уровень жизни населения. За это время и титульная нация будет иметь возможность скорректировать свою политику относительно населения отделяемой территории и предпринять реальные шаги по созданию ему благоприятных условий автономного существования в рамках единого государства.

Например, по результатам плебисцита о независимости Шотландии, который прошёл 18 сентября 2014 года, когда 55,3 % шотландцев при явке 84,5 % проголосовали против выхода страны из состава Великобритании. Власти королевства признали, что процент сторонников независимости тоже большой

(44,7%), и приняло решение серьезно расширить полномочия Шотландии в рамках Великобритании.

Поэтому третьим условием должно быть проведение повторного референдума, спустя 20 лет после первого референдума, с вынесением на голосование уже двух вопросов: о желании отделиться или о желании существовать в едином государстве с политическим статусом автономии. Если на втором референдуме население повторно проголосует за отделение, тогда ООН создает комиссию (или другой орган), которая непосредственно решает вопрос отделения, создания и международного признания нового субъекта международного права.

Надо оговориться, сказав, что возможны случаи, когда нужны немедленные решения по реализации права на самоопределение.

Например, геноцид Руанде 1994 года, когда представители народа хуту совершили геноцид народности тутси. За три месяца (6 апреля по 18 июля 1994 года), по приказу правительства хуту, по разным оценкам, было убито от 500 000 до 1 000 000 человек (20% населения страны), среди которых тутси насчитывали около 70 процентов. Геноцид был спланирован руандийской политической элитой и непосредственно осуществлялся армией, жандармерией, группировками, которые поддерживались властями и гражданскими лицами. При попустительстве ООН, США, Бельгии, и при активной поддержке Францией властей Руанды.

Для подобных случаев механизм должен быть иной. Он должен предполагать возможность немедленного разделения народов и запуск механизма создания самостоятельного государства. Геноцид как основание сецессии (отделение от государства) является наиболее веским основанием для выхода из состава государства, а образование нового независимого государства является важнейшим условием для выживания нации перед угрозой геноцида. Данная аргументация лежала в основе признания Россией республик Абхазия и Южная Осетия после этнических чисток и попыток насильственного удержания или присоединения Грузией данных регионов.

На уровне международного права должны быть признаны абсолютно неприемлемыми любые попытки, как насильственного отделения, так и насильственного удержания в составе единого государства. Любые такие попытки должны быть предметом расследования Международного уголовного суда. Такое же отношение должно быть и к случаям любого вмешательства иностранных государств в процесс

становления нового суверенного государства. Даже помощь с их стороны должна быть санкционирована ООН.

Соблюдение этих условий позволит обеспечить полноту прав и свобод всех людей, проживающих на обеих территориях. Но главное, что наличие международного механизма реали-

зации права на самоопределение народов позволит минимизировать сепаратистские движения и их использование в международных отношениях для ограничения суверенитета. Криминологический портрет территории как матрица для управления правоохранительной деятельностью

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Принята 14.12.1960 Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. N 12.

³ См.: Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклад Генерального секретаря в соответствии с за-

явлением, принятым 31 января 1992 года на заседании Совета Безопасности на высшем уровне. Документы ООН A/47/277; S/24111. П. 17.

⁴ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределения народов // Государство и право. 1993. № 1.

⁵ Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С.506.

⁶ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, (часть II), ст. 212.

⁷ Красинский В.В. Указ. работа. С.78.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ТЕРРИТОРИИ КАК МАТРИЦА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Бойко А.И.,
*заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления
ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ»
(г. Ростов-на-Дону)
доктор юридический наук, профессор*

Ключевые слова: криминологический портрет территории, преступность, криминологические детерминанты, эффективность правоохранительной деятельности.

Аннотация: Статья посвящена криминологическому портрету территории, как средству диагностирования и выявления особенностей преступности в конкретном регионе, муниципальном образовании, которая представляет собой метод согласованной оценки преступности и мер по её противодействию на базе социально-экономических детерминант территории.

Keywords: criminological-territorial profile, crime, criminological determines, efficiency of law enforcement activities.

The summary: The paper is dedicated to criminological-territorial profile as facility for detection and elicitation crime peculiarities in federal subject or municipality, which is represented agreed valuation method of crime and countermeasures analysis in terms of territorial social-economic determinants.

Как известно, преступность – исторически изменчивое социально-правовое явление,

представляющее собой систему преступлений, состоящую из всей их совокупности, совершаемых в тот или иной период времени в государстве (регионе, мире), имеющих количественные (уровень, динамика) и качественные (структура и характер преступности) показатели¹. Уровень преступности, в частности, зримо показывает, насколько уверенно и рационально власть справляется со своими задачами, оправдана ли государственная политика и компетентна ли система правоохранительных органов. От эффективности борьбы с преступностью зависит многое: доверие народа своему правительству, и как следствие, его легитимность, возможность реализовать те или иные государственные программы и проекты, авторитет государства на международном уровне.

К теме количественного и качественного измерения преступности криминологи начали обращаться достаточно давно. Так, еще Х.М. Чарыхов в 1910 году в «Учении о факторах преступности» писал о динамике преступности, о расположении некоторых видов преступлений для одних слоев общества и нехарактерности их для других, прослеживал взаимосвязь между экономическим положением в стране и уровнем преступности, сравнивал показатели разных государств². Подобными вопросами занимались так же Ч. Ломброзо (преступление, этнология преступления), Д.А. Дриль (учение о преступности и мерах борьбы с нею, 1912 г.)³, Х. Там (преступность и уровень жизни, 1979 г.)⁴, Л.В. Кондратюк (криминологическое измерение), обративший особое внимание на так называемую географию преступности⁵, В.В. Лунеев (юридическая статистика)⁶ и другие специалисты.

Однако тема криминологического портрета территории, как средства диагностирования и выявления особенностей преступности в конкретной регионе, области, представлена в науке не так популярно. Покажем возможности данного метода, т.е. согласованной оценки преступности и мер по противодействию ей на базе социально-экономических детерминант территории. Это может быть портрет целой страны, округа, города, района. Данный метод позволит 1) выявить характерные особенности состояния и динамики преступности в конкретных субъектах, 2) определить – какие виды преступлений свойственны, а какие несвойственны в этом регионе, а еще 3) убедительно блокировать традиционные ссылки руководителей субъектов

РФ и территориальных подразделений правоохранительных служб на некие «объективные» трудности именно в проверяемом регионе.

Для Южного и Северо-Кавказского федеральных округов характерна повышенная по сравнению с другими регионами России террористическая активность. Это свидетельствует о стабильных причинах и условиях, которыми могут быть религиозная и этническая вражда, сепаратистские настроения, высокая плотность населения, избыточность трудовых ресурсов, что провоцирует нестабильную социальную обстановку. Принимая во внимание эти детерминанты, криминология посредством портрета территории как средства точной диагностики, в состоянии выделить основные проблемы каждого субъекта РФ и устранить их.

По соображениям политкорректности в данной статье будут представлены и прокомментированы портреты двух субъектов Юга России без их наименования, но с цифровой нумерацией (регионы 1 и 2). *Во-первых*, демографические показатели в субъектах серьезно отличаются, различна и степень плотности населения. Ежегодная убыль постоянного населения в первом регионе в среднем составляет примерно 25 тыс. человек на фоне постоянного прироста населения во втором ежегодно на 20 тыс. человек – такими темпами разница в численности населения в этих субъектах очень скоро нивелируется, а в перспективе население в субъекте с позитивной демографией будет больше, чем в том, где численность пока выше. Это тенденция неизбежным образом отразится и на плотности населения, и на жилищно-бытовых условиях, и на конкуренции в сфере труда, утверждаясь и в качестве криминологического фактора. К тому же такие динамики численности населения следует учитывать при оценке состояния преступности, т.к. эти показатели коррелируют друг с другом.

Во-вторых, во втором регионе преобладает сельское население (57,6 %), в то время как в первом оно составляет лишь 30,1 % от общего числа жителей. Отсюда уже второе десятилетие во втором субъекте сельская преступность опережает городскую и по интенсивности, и по темпам роста. Криминологи связывают это с особенностями миграционных процессов, с недостаточной защищенностью сельских объектов посягательства, неустроенностью и полной отсталостью социальной инфраструктуры⁷. На этом фоне в сельской местности наблюдается увеличение числа насильственных преступлений и хулиганства. Это объясняется более высоким уровнем безработицы в сельской местно-

сти, более болезненно воспринимаемой имущественной дифференциацией, скоплением на селе беженцев и вынужденных переселенцев, малыми миграционными возможностями для селян. А вот распределение насильственных преступлений между городами и сельской местностью в обоих регионах в целом соответствует пропорции численности городского и сельского населения⁸. То есть чрезмерно большая доля сельского населения, вынужденно обретающаяся за пределами городских агломераций, является благоприятной средой для совершения преступлений, и вместе с тем одним из криминологических детерминантов преступности.

В-третьих, во втором субъекте при высоком уровне безработицы и практически полном отсутствии у работодателей потребности в «легальных» тружениках среднестатистические денежные доходы по динамике роста обгоняют показатели первого региона, при этом численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума во втором субъекте составляет всего 9,2 %, что на 7 % меньше, чем в первом регионе. В структуре доходов субъекта № 2 преобладает прибыль от предпринимательской деятельности (за которой статистически очень сложно наблюдать и которая входит в группу «теневых доходов») и иные, незафиксированные доходы. Одновременно в сфере использования денежных доходов во втором регионе наблюдается интенсивный прирост финансовых активов юридических лиц и денег на руках у населения республики, в то время как в первом регионе наблюдаются строго противоположные тенденции. Все это позволяет сделать вывод о том, что во втором субъекте РФ сильно развит теневой сектор экономики, отчего показатели благосостояния населения растут на фоне снижающихся официальных показателей занятости населения и потребностей в рабочих местах. В первом же субъекте тенденции благосостояния населения пропорциональны и соответствуют динамике роста занятости, доходов и т.д.

Развитие теневого сектора экономики является тревожным знаком: помимо того, что он является катализатором и причиной преступности (особенно таких ее видов, как наркобизнес, торговля оружием, людьми и тому подобное), эта тенденция делает совершенно бессмысленными и бесполезными дотации и прочие меры по помощи «нуждающимся» регионам, потому что в конечном итоге все эти финансовые средства уйдут в теневой сектор, отчего государство как бы поддерживает детерминанты преступности в этом регионе.

Преступность как явление, детерминированное состоянием экономики и уровнем жизни, отличающихся в исследуемых субъектах, различна и по своей структуре. Так, доля особо тяжких и тяжких преступлений от общего числа во втором субъекте выше, чем в первом. Если в последнем самым распространенным составом является кража, занимающая до 47 % преступлений от общего их числа, то во втором субъекте РФ на кражи «падает» всего 23 % общего объема преступности; в остальной части заметны преступления террористического характера, совершенные с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств; совершенные с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств; незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; незаконное изготовление оружия; похищение человека и другие.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, во втором субъекте необходимо наладить социально-экономическую ситуацию, стабилизировать положение с безработицей, простимулировать занятость в «законных» отраслях экономики, создать действенную систему учета безработицы и уровня доходов населения, принять жесткие меры по борьбе с теневыми секторами экономики, особенно с ее явно криминальными преступными вариантами. Вся эта и ей подобная информация способствует составлению четких представлений о причинах преступности в каждом отдельно взятом субъекте исследования, ее дальнейшем прогнозе, обеспечению правоохранительных органов необходимой информацией.

В криминологический макет территорий для обоснованности и убедительности управленческих выводов и оценок следует включать и данные о затратах на функционирование и результатах усилий правоохранительной системы. Как макета проектирования и оценки правоохранительной деятельности в разных субъектах Российской Федерации чрезвычайно высока. Предлагаемый метод позволит создать систему оценки работы антикриминальных структур, не зависящую от сторонних факторов, основанную только на объективной статистике и оценке граждан (как дополнительный критерий).

В разрезе заданной проблематики полезно взглянуть на сопоставление результатов работы полиции в США и милиции (ныне, после ребрендинга – тоже полиции) в Российской Федерации. Так, несколько лет назад одна из

федеральных газет опубликовала следующую информацию: «В России живет 150 млн. человек, в США в два раза больше – 300 млн. В 2007 году американская полиция зарегистрировала 11,2 млн. преступлений (1,4 млн. насильственных и 9,8 млн. имущественных). Эти среднегодовые 11 млн. преступлений обеспечивают работой 1 182 149 сотрудников полиции в Америке (по 10 преступлений на каждого), включая 105 тысяч на частичной занятости. На 1000 жителей штатов приходится в среднем 4 полицейских. При этом каждый третий сотрудник полиции – гражданский служащий. Система правосудия в США стоит 597 долларов на каждого жителя в год, в том числе 264 доллара – полиция, 123 доллара – суды и 210 долларов – тюремная система. Всего правоохранительная и судебная система Америке обходится в 180 млрд. долларов в год.

В России эта же картина выглядит так. Полтора миллиона российских полицейских отработывают по 3,6 млн. зарегистрированных преступлений в год (по 2,4 преступления на каждого), то есть производительность труда отечественных силовиков ровно вчетверо ниже американских коллег. При этом на 1000 россиян полицейских в 3 раза больше, чем в Америке. Система правосудия в России стоит 21 млрд. долларов (606 млрд. рублей). На каждого россиянина в год приходится 20 долларов на судебную систему, 58 долларов на органы внутренних дел и внутренние войска, 8 долларов на прокуратуру, 11 долларов на органы юстиции и 25 долларов на тюремную систему. Всего система правосудия России стоит каждому жителю страны 140 долларов в год (разница с США – в 4 раза). При этом среднедушевой доход россиянина – около 5000 долларов в год (в 2007 году), а американца – 45 000. Это означает, что американец тратит на содержание своей полиции 0,6% дохода, а россиянин в два раза больше. Таким образом, в расчете на доход одного человека правосудие в России стоит вдвое дороже (в расчете на средний доход одного человека), милиционеров в 3 раза больше, а работают они в 4 раза хуже⁹.

В последние годы эффективность милиции (ныне полиции) была очень низка, а затраты на ее содержание – высоки. Так как решение подобного вопроса затягивать больше не представлялось возможным, руководство страны приняло волевое решение о том, что с «проблемой милиции нужно что-то делать», в результате этого в начале 2011 года появился закон «О полиции» и многочисленные новшества, вызванные его концепцией. Политическое

руководство делает много на данном направлении, но желаемых (удовлетворяющих потребности российского общества) результатов пока нет. К общественному мнению стали прислушиваться, конечно, но никак не ориентироваться на него. Связано это с многими факторами, уходящими далеко за пределы традиционного спектра уголовной политики и криминологии.

Однако проблему решать нужно, и перед нами стоит выбор – пользоваться существующими методами оценки эффективности работы правоохранительных органов или же выработать иную схему диагностики, слабо зависящую от политических настроений, социальной напряженности и прочих факторов. Такая методика-макет должна основываться на сухих фактах, которые нельзя будет фальсифицировать или скрыть, или хотя бы минимизировать такую возможность. Именно криминологический портрет территории как объективная основа оценивания работы общей администрации и правоохранительных органов нам и представляется такой методикой.

Оценка эффективности антикриминальной деятельности – сложная проблема и процесс во всех странах, даже в тех, в которых латентность не беспокоит специалистов. носит повсеместный характер, в нашей же стране, если брать официальную статистику раскрываемости преступлений за основу оценки, нужно делать очень большую поправку на латентность статистики. По некоторым сложно скрываемым видам преступлений (терроризм, похищение человека) еще можно сделать вывод о том, насколько правоохранительные органы справляются с раскрытием отдельных видов преступлений в конкретном субъекте РФ, но в целом опираться на статистику раскрываемости было бы при действующей палочной системе крайне необдуманно, в лучшем случае мы получим смутное представление об эффективности органов, в худшем – данные, обратные действительности, а на дисциплинарном уровне повлиять на работу органов в результате этого точно не сможем. Кроме того, для адекватной оценки работы силовых структур недостаточно просто цифр о раскрытых преступлениях, необходима информация о точном количестве работающих сотрудников, занимающихся определенными делами, количество раскрытых дел на человека, и т.д. Выходом из сложившейся ситуации могла бы стать минимизация латентности преступности в нашей стране, но это явление носит системный характер и слишком прочно вошло в систему государственного регистрирования данных, а потому в ближайшее время это не

представляется возможным. Альтернативный вариант – создать новые методы оценки эффективности деятельности правоохранительных органов, например, социальные опросы граждан, доверие населения, и прочее, подобными способами уже давно пользуются европейские страны и США, и надо сказать, весьма успешно.

В 1993 году избранный мэром Нью-Йорка Рудольф Джулиани развернул кампанию по борьбе с уличной преступностью с помощью программы CompStat (сокращение от английского «компьютерная статистика» или «сравнительная статистика»). Программа имела в своем функционале такие элементы, как многослойный динамический подход к анализу показателей управления персоналом и ресурсами правоохранительных органов, оценка и улучшение качества жизни, сокращение преступлений, «карта» преступлений по районам города, выявление локальных проблем¹⁰. В рамках этой программы в определенных точках города постоянно отслеживалась уличная криминальная активность, а ответственность за ее пресечение возлагалась на районных полицейских начальников. По замыслу властей, CompStat должна была позволить полиции пресекать тенденции к росту преступности на ранней стадии, не давая им развиться в большие криминальные волны¹¹.

Первым комиссаром полиции Нью-Йорка, которого назначил Джулиани, стал Уильям Браттон. Была провозглашена политика «нулевой терпимости к правонарушениям». Браттон, пообещавший непримиримо бороться с преступниками «за каждую улицу», эффективно использовал компьютерные технологии для выявления зарождающихся очагов потенциальных преступлений, и всего за два года сократил уровень тяжких преступлений более чем на треть, а убийств – почти наполовину¹².

Жизнь в Нью-Йорке, ранее имевшем репутацию самого криминализованного мегаполиса в США, стала намного безопаснее. ФБР признала его самым безопасным из американских больших городов. Программа CompStat в 1996 году удостоилась награды как лучшее нововведение в области государственного управления (Innovations in Government Award), которую присуждает Школа государственного

управления имени Джона Кеннеди при Гарвардском университете. Как CompStat, так и другие нововведения Джулиани на ниве борьбы с преступностью перенимались для использования городскими властями не только в США, но и за пределами страны.

На базе и исходя из разработок CompStat, на пути к созданию криминологического портрета территории можно предложить модель автоматизированной системы учета преступлений (АСУП), основными концептуальными положениями которой служат следующие установки: а) использование в алгоритме программы АСУП данных о социально – экономических показателях, естественной латентности и других криминологических особенностях местности; б) введение автоматизированного учета проблемных участков региона; в) в целях исключения давления (подкуп, угрозы, свойство, манипуляция, круговая порука) сотрудников правоохранительных органов на функционирование АСУП управление ею надлежит передать в Аппарат полномочного представителя Президента РФ в соответствующем округе.

На основе работы программы АСУП представляется возможность создания интерактивной «карты преступлений» с разбивкой по районам города, городам, регионам. Подобную систему карт преступлений можно построить на основе геоинформационных систем (Г.И.С.), которые давно используются в Интернете для целей характеристик местности по географическим, климатическим и социальным признакам. Подобные карты преступлений помогут наглядно увидеть степень криминализации любых территориальных единиц, какие именно преступления характерны для определенной территории, их специфику, динамику, соотношение к численности населения и прочее. По сути, интерактивная карта преступлений, снабженная комментариями эксперта-криминолога, и есть криминологический портрет территории. Пока подобных программ в России не существует. Создание же программы АСУП и интерактивных криминологических портретов (карт) территорий позволит эффективно противодействовать преступности, оперативно реагируя на ее динамические и структурные изменения, вести актуальную наступательную уголовную политику.

¹ Шестаков Д.А. Криминология. – СПб: «Юридический центр Пресс», 2006. С. 40.

² Чарыхов Х.М. Учение о факторах преступности – М.: Типография Управления М.-Курской, Нижегород. и Муромской железной дороги, 1910.

- ³ Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М.: «Инфра-М», 2009.
- ⁴ Там Х. Преступность и уровень жизни – М.: «Прогресс», 1982.
- ⁵ Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение – М.: «Издательство Норма», 2008.
- ⁶ Лунеев В.В. Юридическая статистика – М.: «Юристъ», 2007.
- ⁷ Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение М.: «Издательство Норма», 2008. С. 159.
- ⁸ Криминология: Учебник / Под ред. проф. В.Д. Малкова. М.: «Юстицинформ», 2004. С. 240.
- ⁹ Павел Чиков. Копы против ментов // Новая газета. 2010. 30 апреля.
- ¹⁰ Википедия – свободная энциклопедия, статья: программа COMPSTAT <http://en.wikipedia.org/wiki/CompStat>
- ¹¹ A Biography of Mayor Rudolph W. Giuliani. New York City Web site.
- ¹² Eric Pooley. Mayor of the World. Time, 31.12.2001. Dec. 31, 2001 - Jan. 7, 2002; Philip Sherwell. Critics line up to attack 'America's Mayor'. Telegraph newspaper online, 11.02.2007.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Пудовочкин Ю. Е.,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, (г. Москва)
доктор юридических наук, профессор

Бабаев М. М.,
главный научный сотрудник отдела уголовно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, (г. Москва)
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,

Ключевые слова: преступление, критерии криминализации, правовая неопределенность, общественная опасность, измерение общественной опасности, противоправность, отраслевая принадлежность правонарушения.

Аннотация: Современные исследования в области уголовного права не могут игнорировать новейшие достижения философии науки, в том числе методологические возможности категории неопределенности. С позиций правовой неопределенности в настоящее время должны быть переоценены все основные категории уголовного права. Настоящая публикация раскрывает проблематику неопределенности преступления. Установлено, что неопределенность проявляет себя в нескольких направлениях: при криминализации общественно опасных деяний, оценке параметров общественной опасности преступления, установлении отраслевой принадлежности правонарушения.

Keywords: crime, criteria of criminalization, law indeterminacy, socially dangerous, illegality, sectional delict attachment.

The summary: Modern researches at directions of criminal law can't disregard new achievement of philosophy, including methodological facilities category of indeterminacy. Form the law indeterminacy attitude in the present time must be overrated all criminal law categories. This paper unlocks problem of indeterminacy of crime. It was established that indeterminacy manifested at follow directions: in criminalization of socially dangerous acts, in estimation of social dangerous, in ascertainment of sectional delict attachment.

Преступление не без оснований считается центральной категорией уголовного права. Именно вокруг нее и на основе нее формируется и реализуется весь комплекс нормативных предписаний, составляющих содержание нашей отрасли права. Характеристике понятия преступления, его признаков и специфических особенностей посвящено множество научных публикаций и, тем не менее, сказать определенно, что есть преступление, не представляется возможным. Одна из причин этого, как ни

странно это звучит, заключается в недооценке методологических возможностей категории «неопределенность» в праве. Исследование преступления в контексте неопределенности позволяет обнаружить и по-новому рассмотреть несколько значимых аспектов его правовой природы и юридической конструкции.

Неопределенность исходных начал криминализации. «Отбор» тех или иных деяний, признание их общественно опасными и официальное закрепление в качестве преступлений

(криминализация) составляет, как известно, важнейшее направление уголовной политики государства. При этом, пожалуй, лишь этап официального закрепления деяния в законе лишен явных элементов оценочности (хотя и здесь они не исключаются, например, при выборе тех или иных технических приемов описания признаков состава преступления в уголовно-правовой норме). Два первых этапа работы – выбор и оценка деяния – являют собой яркий пример подчеркнуто оценочной деятельности.

Как и всякая оценка, они не лишены субъективизма, конъюнктурных соображений, а порой и ошибок. В связи с этим особое значение приобретает вопрос об основаниях, критериях, принципах, правилах криминализации.

Конституционный Суд РФ в ряде своих решений сформулировал значимые положения, которые сегодня справедливо рассматривать в качестве определенных правил криминализации¹. Их наличие, а также признаваемая большинством специалистов доктрина криминализации общественно опасных деяний, в сочетании с особой, установленной для федеральных законов, процедурой принятия решений, дают некоторые гарантии того, что криминализация в целом является объективной и адекватно отражает как спектр существующих угроз, так и потребности личности, общества и государства в обеспечении безопасности.

Однако факт того, что границы преступного определяются законодателем «субъективно», дал основание некоторым специалистам утверждать, что «в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis*, *per se*. Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные») – как «договарятся» законодателя, они суть – социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии»².

Признак конвенциональности в характеристике преступления проявляется не только в несовпадении круга преступных деяний в разных странах в одно и то же время, но и в изменении нормативного объема деяний, признаваемых преступными; зависимости законодательных решений о криминализации не только от объективной динамики экономических и социальных отношений, но также от политического режима, идеологических установок власти и многих иных факторов, составляющих сферу политического.

Развивая эту мысль, Д.А. Шестаков не без оснований утверждает, что реальная общественная опасность и формальная закреплённость того или иного деяния в нормах уголовного закона могут находиться в различных соотношениях. В связи с чем автор выделяет:

– криминологическое понятие преступления как виновного деяния, представляющего для общества значительную опасность, безотносительного к признанию его в качестве такового законом;

– узкоюридическое понятие преступления как деяния, преступность и наказуемость которого установлена законом;

– мнимое преступление, как деяние, не обладающее общественной опасностью, но запрещенное уголовным законом под угрозой наказания³.

Такие объективно неизбежные несовпадения в реальной жизни сочетаются еще с одним проявлением оценочного характера общественной опасности. Речь идет об известной относительности, релятивности практически любых социальных оценок.

Современное общество – не есть монолит, скованный религиозными или партийными догмами. Оно переживает ряд фундаментальных трансформаций, отражающихся на его структурной, ценностной, властной и иных характеристиках, которые уже стали предметом детального анализа в работах социологов и футурологов, однако еще не в полной мере проанализированы представителями уголовно-правовой науки. В числе таких трансформаций наиболее значимыми в контексте исследуемой проблематики надо назвать:

– фрагментаризацию общества, его сегментацию на множество малочисленных социальных групп, объединенных на основе все более индивидуализирующихся потребностей;

– разрушение единой, универсальной системы ценностей, становление множества параллельных ценностных иерархий, убыстряющиеся темпы оборота ценностей.

Как известно, любое преступление можно и должно рассматривать в качестве посяательства на те или иные ценности, которые признаются и разделяются большинством общества, создающего уголовное право. Именно этот тезис обеспечивает универсальное восприятие преступления общественным сознанием и оправдывает, легитимизирует государственное насилие в отношении преступника. Если же общество теряет качество монолитности, если множатся мелкие социальные группы исповедуют различные системы ценностей, форми-

рование номенклатуры преступлений значительно усложняется, в первую очередь, по причине отсутствия консенсуса в определении того или иного деяния как общественно опасного.

Не боясь преувеличений, констатировать, что сфера криминализации представляет сегодня обширную область неопределенности, компонентами которой выступают, как минимум:

- неопределенность содержания и иерархии социальных ценностей, которые согласованно требуют защиты уголовно-правовыми средствами,

- неопределенность критериев для оценки тех или иных деяний в качестве общественно опасных,

- неопределенность целей, ради которых деяния признаются общественно опасными и преступными,

- неопределенность круга субъектов, продвигающих и защищающих свои интересы посредством принятия криминализационных решений.

Неопределенность критериев общественной опасности. Общественная опасность, как главный критерий криминализации общественно опасных деяний и их категоризации на виды в структуре уголовного закона, есть категория оценочная, и от того в современных условиях – подчеркнуто неопределенная. Наука и судебная практика ставят своей приоритетной задачей снять эту неопределенность, конкретизировать представления об опасности, сделать эту категорию в большей степени инструментальной для решения задач уголовной политики и уголовного права.

Некоторым итогом этих совместных усилий можно считать ставший традиционным взгляд на оценку общественной опасности через призму двух ее показателей – характера и степени, отраженный в известном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁴.

Казалось бы, все вполне определено. Однако более пристальный взгляд на проблему позволяет выявить некоторые обстоятельства, подрывающие убедительность построений или в любом случае доказывающие, что такая конкретизация сама нуждается в дополнительных разъяснениях.

Не является секретом, что оценка деяния как общественно опасного происходит на двух уровнях: на уровне законодателя при принятии решения о криминализации и на уровне правоприменителя при решении вопроса о выборе

оптимальной формы реализации ответственности субъекта. Промежуточным уровнем (или этапом) оценки можно считать нормативную дифференциацию преступлений по уровню общественной опасности (с ныне предусмотренной возможностью ее судебной корректировки). Соответственно этим уровням, сама оценка общественной опасности происходит на основе несовпадающих критериев.

При оценке общественной опасности деяний на этапе криминализации и субъекты, и параметры, и критерии оценки имеют существенно большую вариативность, нежели отмечено выше. Здесь шире спектр возможностей, больше рисков, в том числе риска неправильных оценок опасности.

Можно утверждать, что на этом этапе происходит не столько собственно оценка общественной опасности, сколько формирование представлений о ее наличии; выражаясь языком постмодернизма, происходит конструирование общественной опасности. И поскольку вывод о наличии опасности здесь только предполагается, он, по логике вещей, не может формироваться на основе критериев самой опасности. Общественная опасность не дана нам «в ощущениях», у нас нет ни эталона, ни модели общественной опасности, с которым можно было бы сравнить поступок, подлежащий криминализации, для того, чтобы сделать умозаключение о необходимости его закрепления в уголовном законе.

Следовательно, критерии оценки деяния как опасного отличаются от оценки деяния признанного опасным. Представляется, что наиболее точное понимание исследуемого аспекта оценки общественной опасности было предложено А.Э. Жалинским. Он писал, что «интегральными, системными показателями общественной опасности являются: а) характер, потенциальная ценность и социальная уязвимость охраняемого правового блага, взятого как обобщенное целое, отраженное в единой модели; б) интенсивность посягательства; в) социальная непереносимость преступления»⁵. Действительно, ценность объекта и терпимость общества в отношении посягательств на него – вот ориентиры для принятия решения о криминализации. Но очевидно также, что сами эти ориентиры весьма неопределенны и сугубо оценочны.

В такой ситуации результат оценки во многом зависит от мировосприятия субъекта принятия решения, а также от его представлений о собственной безопасности. При этом чем «ближе» субъект принятия решения к обще-

ству, к «рядовым гражданам», чем теснее совпадают их оценки происходящего, тем более социально обусловленным будет уголовно-правовой запрет.

Неопределенность критериев оценки опасности проявляется и на уровне категоризации преступлений по степени общественной опасности. Сегодня зримо представлены в ст. 15 УК РФ лишь два критерия градации преступлений: размер санкции и форма вины. Но, во-первых, санкция производна от общественной опасности, а во-вторых, нет никаких правил корреляции между уровнем опасности и санкцией (ее вариативностью, размером). Как следствие, и возможны, и реально проявляют себя на практике (вспомним Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ) ситуации, когда, что называется «росчерком пера» группа самых разных преступлений, за совершение которых установлено одинаковое максимальное наказание, переводится из одной категории в другую, без учета объекта, последствий преступления и других факторов, с которыми собственно и должна быть связана оценка их общественной опасности. Равно как вызванное какими-либо (в том числе эмоциональными) обстоятельствами повышение санкции мгновенно переводит преступление в иную категорию.

Что касается оценки общественной опасности уже криминализированного деяния на уровне конкретного акта правоприменения, то она здесь подчинена иным целям (принятие справедливого решения о мере ответственности конкретного лица) и учитывает иные факторы. Пленум Верховного Суда РФ указал, какие именно. Не будем вступать в дискуссию, относительно того, насколько удачно описаны эти факторы, насколько верно разведены сами показатели характера и степени опасности, насколько, в принципе, целесообразно выделять эти два показателя и т.д. Возьмем за данность, что такой подход отражает согласованное мнение профессионального сообщества о критериях измерения общественной опасности преступления. Но обратим внимание лишь на то, что высшая судебная инстанция указала только сами факторы, но не предложила критериев для их оценки. К примеру, форма вины и виды умысла или неосторожности – это критерии оценки опасности деяния, но каковы критерии оценки самих видов вины? Оправданно ли здесь утверждение, что преступление с прямым умыслом всегда более опасно, нежели преступление, совершенное по легкомыслию? Или такой показатель опасности, как характер последствий и их размер. Чем определяется характер

последствий высшая судебная инстанция умалчивает, это вообще относительно новый и непривычный термин. И каковы критерии оценки размера последствий? Перечень вопросов можно продолжать долго. Факт остается фактом: критерии оценки оценочной категории общественной опасности сами по себе являются оценочными понятиями с неопределенными параметрами оценки (тавтология здесь намеренная).

Каждый такой критерий (а их список в постановлении не может быть признан исчерпывающим, что дополнительно усугубляет проблему), как правило, имеет две крайние точки, задающие своего рода континуум, в рамках которого и надлежит дать ему оценку. Но у нас нет инструментов для оценки этого критерия и нет «шага» для оценки.

Кроме того, есть основания полагать, что при бесконечном диапазоне оценки каждого из критериев имеются все же некоторые границы, преодоление которых, хотя и оказывает формальное влияние на общественную опасность преступления, тем не менее, не оказывает влияния на виды и размеры уголовного наказания. Это связано не только с ограниченностью самого уголовного наказания законодательными рамками, невозможность назначать его в беспредельных масштабах. Это связано еще и с тем, что по достижении некоторой границы опасности деяние перестает восприниматься как выходящее за эту границу. К примеру, убийство трех лиц существенно отличается от убийства одного человека, но различие восприятия убийств 19 и 23 человек вряд ли будут столь заметны; кража миллиона рублей заметно отличается от кражи миллиарда, но различия между кражей 400 и 600 миллионов рублей вряд ли ощутимы. Можно предположить, что наш аппарат восприятия и оценки общественной опасности (по аналогии со слуховым аппаратом) настроен на восприятие некоторого диапазона опасности, причем этот диапазон специфичен для каждого вида преступления. Здесь есть и некий «порог слышимости», за которым деяния не воспринимаются как опасные, и своего рода «болевого порога», преодоление которого уже не влияет на нашу способность дифференцировать оценку опасности для решения уголовно-правовых задач.

Проблема неопределенности видится в том, что мы не знаем ни границ этого диапазона, ни единицы измерения общественной опасности каждого отдельного деяния в рамках этих границ. Представляется, что таковая оценка, по большей части, осуществляется

субъективно и интуитивно, при руководстве трудно поддающихся верификации факторов.

Неопределенность уголовно-правовой сферы. Значимым аспектом неопределенности в толковании преступления выступает тот, что связан с выбором законодателем того или иного отраслевого закона для закрепления признаков общественно опасного деяния. Наиболее ярко проблема такого выбора возникает, когда речь заходит об отнесении деяния к уголовному или административно-деликтному законодательству, причем она многократно усложняется в свете концепции уголовной сферы, разработанной в практике Европейского Суда по правам человека и признанной отечественным Конституционным Судом.

Если поставить традиционный вопрос: на основании каких критериев законодатель относит деяние не к административным проступкам, а именно к преступлениям, на него можно получить стандартный ответ: на основании показателей характера и степени общественной опасности. Но неудовлетворительность такого ответа подтверждается рассмотренным свойством неопределенности самой общественной опасности. Мы не обладаем ни системой измерения общественной опасности, ни математически выверенными представлениями о том, какой уровень опасности достаточен для административно-деликтного права, а какой требует подключения уголовно-правовых мер реагирования и предупреждения.

Практика Европейского Суда по правам человека в части определения критериев уголовной сферы не вносит здесь ясности. С одной стороны, она меняет устоявшиеся представления о разграничении преступлений и проступков. Но, с другой стороны, будучи подчиненной цели обеспечения надлежащих гарантий прав обвиняемого в рамках любого публичного процесса, она в большей степени направлена на выяснение общих признаков преступления и проступка, нежели на их надлежащую дифференциацию.

При отнесении противоправного деяния к уголовной сфере в европейской практике в расчет принимаются: а) характер правонарушения, совершение которого является основанием ответственности (в частности, Суд указывал, что уголовно-правовой запрет, как правило, адресован неопределенному кругу лиц); б) характер и строгость наказания (согласно позиции Суда, уголовное наказание имеет карательную и предупредительную, но не восстановительную цели, причем оно не обязательно связано с лишением свободы⁶. Эти критерии общности преступлений и проступков были разработаны

в качестве определенной системы сдержек и противовесов непрерываемой в принципе свободе усмотрения государства при отнесении тех или иных деяний к числу преступлений или проступков. Злоупотребление этой свободой создавало возможность для государства произвольно менять отраслевую принадлежность опасных деяний и вместе с этим также произвольно устанавливать гарантии защиты об обвинения. Европейский Суд по правам человека поставил заслон на пути таких нарушений.

Используя критерии уголовной сферы, можно обособить некоторую группу деяний, требующих повышенных гарантий при обвинении в их совершении. Но концепция не создает правил разграничения преступлений и проступков, не содержит критериев их дифференциации. Для Европейского Суда по правам человека они не представляют особого интереса, а то и вовсе не имеют значения.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, насколько целесообразна принятая в России градация общественно опасных деяний на преступления и проступки и насколько продуктивен непрекращающийся поиск оснований их разграничения. Принимая обязательства по обеспечению равных гарантий обвиняемым в преступлениях и проступках, мы тем не менее, держимся своего права определять различную отраслевую принадлежность опасных деяний, сохраняя известный очаг неопределенности и субъективного выбора.

Более того, можно утверждать, что мы сознательно эту зону неопределенности множим, когда создаем правовые механизмы, позволяющие применять меры административной ответственности в случае совершения преступлений (известный советскому праву институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности) или напротив, применять меры уголовной ответственности в случае повторного совершения административного проступка. В нашу задачу сейчас не входит анализ и оценка этих правовых конструкций. Нам важнее признать, что они, с одной стороны, порождаются неопределенностью в оценке общественной опасности деяний, а с другой стороны, выступают в качестве своего рода ответа на эту неопределенность, создавая возможность выбора адекватного ситуации вида противоправности деяния. При этом отметим, что сама постановка вопроса о выборе вида противоправности на этапе применения закона нуждается в дополнительной аргументации.

Неопределенность отраслевой противоправности. Оценка законодателем общественной опасности деяния находит свое непосредственное выражение в тексте нормативных актов при описании тех или иных составов правонарушений. От того, насколько точно проведена эта оценка и насколько адекватно ее результат описан в законе зависит решение вопроса об отраслевой принадлежности подлежащей применению правовой нормы. Очевидно также, что и на этапе оценки опасности деяния, и на этапе ее словесного выражения в законе возможны неточности, заблуждения, дефекты и сознательные ошибки, которые вносят неясность в понимание правовой природы этого деяния, что порождает произвольное толкование правовых норм со всеми его негативными спутниками.

На конституционном уровне вопросы определенности правовых норм в свете установления противоправности деяния поднимались и рассматривались неоднократно. Можно выделить несколько проблемных ситуаций.

Первая заключается в том, что описание признаков общественной опасности деяния в законе настолько некачественно в силу своей неопределенности, что позволяет привлекать к ответственности за деяния, лишь формально отвечающие признакам состава, описанного в законе. Как следствие, противоправное деяние устанавливает там, где его в принципе нет. Приведем в подтверждение лишь одно из множества решений Конституционного Суда РФ на этот счет.

Так, обсуждая вопрос о конституционности ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ, Конституционный Суд РФ установил, что неопределенность правового регулирования ориентирует правоприменителя (суд) на сугубо формальный подход при рассмотрении дел, связанных с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений. Суд признал норму не противоречащей Конституции РФ, поскольку она направлена на защиту конституционно значимых ценностей и не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение пуб-

личных мероприятий. Но при этом Суд подчеркнул, что противоправными могут признаваться только публичные действия, целью которых является распространение информации, популяризирующей среди несовершеннолетних или навязывающей им, в том числе исходя из обстоятельств совершения данного деяния, нетрадиционные сексуальные отношения, - не допускает расширительного понимания установленного ею запрета⁷.

Следующая проблемная ситуация заключается в том, что описание признаков общественной опасности таково, что позволяет правоприменителю по своему усмотрению решать вопрос о том, обладает то или иное деяние признаком уголовной противоправности или же предусмотрено нормами иных отраслей.

В частности, при исследовании вопроса о конституционности уголовно-правовой нормы об ответственности за контрабанду (в прежней редакции ст. 188 УК РФ) Конституционный Суд РФ установил такую неопределенность нормы, которая допускает произвольное определение отраслевой принадлежности проступка. Суд отметил: «Введя в правовое регулирование нормативное положение, устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду валюты, которое в силу своей неопределенности не позволяет ограничить преступление от аналогичного ему по объективной стороне административного правонарушения, федеральный законодатель – в нарушение Конституции РФ и международных обязательств РФ – создал возможность произвольного применения этого положения и недопустимой подмены административной ответственности уголовной, что противоречит общепризнанным принципам уголовной ответственности, не согласуется с задачами уголовного законодательства, а также с принципами законности, равенства граждан перед законом и судом, справедливости, гуманизма, и не соответствует предусмотренным им основаниям уголовной ответственности и понятию преступления⁸.

Еще одна проблема связана с неопределенностью вопроса о соотношении уголовного и гражданского права в оценке некоторых актов поведения, прежде всего в экономической сфере (совершение сделок, предпринимательство). Она находит двойное выражение: как в прикрытии преступных деяний гражданско-правовой формой, так и в уголовно-правовом вмешательстве в реальную экономическую деятельность.

В практике Конституционного Суда РФ не было случая, где бы он установил неконституционность предписания уголовного закона

по причине того, что он криминализует допустимое проявление свободы экономической деятельности. Хотя обращения и запросы по этому поводу к нему поступают. В частности, в нескольких своих решениях Конституционный Суд РФ отклонил доводы заявителей о том, что ст. 159 УК РФ (мошенничество) в силу своей неопределенности позволяет привлекать к уголовной ответственности любое лицо, совершившее правомерную гражданско-правовую сделку. Суд подчеркнул, что привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество⁹.

Связана с этим аспектом неопределенности и проблема преюдиционного значения судебного решения по гражданскому делу в рамках разбирательства о совершенном преступлении. Практика противоречащих друг другу судебных актов по гражданскому (арбитражному) и уголовному делу оставила заметны след в отечественной юриспруденции (да и в экономике тоже). Ссылка на наличие вступившего в законную силу решения по гражданскому делу, признающего правомерность сделки, весьма часто выступала средством защиты от уголовного обвинения именно по причине преюдиционного значения судебного акта и требования правовой определенности в ее процессуальном значении. Упорядочению ситуации был призван ряд решений Конституционного Суда РФ, который установил пределы преюдиции. В частности, в

одном из постановлений Суд указал: «В уголовном судопроизводстве результатом межотраслевой преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского судопроизводства, но не его квалификация как противоправного, которая с точки зрения уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу. Так, решение по гражданскому делу, возлагающее гражданско-правовую ответственность на определенное лицо, не может приниматься другим судом по уголовному делу как устанавливающее виновность этого лица в совершении уголовно наказуемого деяния и в этом смысле не имеет для уголовного дела преюдициального значения. Иное являлось бы нарушением конституционных прав гражданина на признание его виновным только по обвинительному приговору суда, а также на рассмотрение его дела тем судом, к компетенции которого оно отнесено законом»; «Признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела не может препятствовать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам»¹⁰.

Любое проявление неопределенности в установлении правовой природы деяния, наличия и вида противоправности чревато значительными рисками нарушения конституционных прав граждан, содержание и последствия которых достаточно хорошо известны.

¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. – 2008. – № 5 (25)

² Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2004. – С. 192.

³ Шестаков Д.А. Криминология: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2006. – С. 147 – 148.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

⁵ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 362.

⁶ Гурин Д.В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 257 – 262.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 4.

⁹ Определения Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 61-О-О и от 25.02.2010 № 252-О-О. Документы официально не опубликованы. [Электронный ресурс]: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 23.08.2017 г.).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 1.

Козаченко И.А.,
заведующий кафедрой уголовного права

Уральского государственного юридического университета.
(г. Екатеринбург)
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Почетный профессор Уральского государственного
юридического университета

Ключевые слова: Мировоззрение, мировоззренческое поле, уголовное мировоззрение, уголовное право, модели уголовного мировоззрения.

Аннотация: В статье выдвигается и отстаивается идея о мировоззренческой природе уголовного права. Автор вполне удачно показывает взаимосвязь мировоззрения с уголовным правом, при этом уголовное право рассматривается как наука, хотя авторские суждения касаются и других функциональных аспектов уголовного права: ценностных, отраслевых, законодательных. В статье приводятся четыре модели мировоззренческого уголовно-правового многообразия.

Keywords: Belief system, ideological field, criminal worldview, criminal law, models of the criminal worldview.

The summary: The idea of the article is the belief system nature of criminal law is put forward and upheld. The author quite successfully shows the interrelation of the outlook with the criminal law, while the criminal law is regarded as a science, although the author's judgments relate to other functional aspects of criminal law: value, branch, legislative. In the article four models of the belief system criminal-legal variety.

Человек, как социальное существо, наделенное природой разумом, на протяжении всего периода своего существования постоянно и непрерывно формирует свою систему взглядов на окружающий его объективный мир. Как исходная и необходимая единица человечества он из века в век пытается найти свое место (свою нишу) в этом мире.

Вполне резонен вопрос, а для чего это ему нужно? Постараемся ответить на этот и другие смежные с ним вопросы. Необходимость в формировании системы взглядов позволяют человеку определиться с его отношением к окружающей его реальной (а, возможно, и виртуальной) действительностью. Это, с одной стороны. С другой же стороны, он выражает социально - нравственные стандарты отношения к самому себе, к жизненной позиции людей, к их убеждениям, идеалам, принципам познания и деятельности, ценностным ориентациям.

Как не парадоксально это будет воспринято, но мировоззрение человека включает в свое содержание и ценностные ориентиры людей с высокой степенью девиации, криминальными: в том числе и с уголовными: мышле-

нием, психологией, сознанием, что в своей основе, так или иначе выступает в качестве объекта интереса и науки уголовного права.

Будет верным в этой связи тезис о том, что уголовное право, прежде всего как наука, неразрывным образом связана с мировоззрением. Более того, само уголовное право можно и нужно рассматривать как своеобразную форму поиска своего предназначения для социума, как определенного вида адаптивного модуля, как способа, позволяющего в круговороте взаимосвязанных и в то же время противоречивых явлений и событий сохранять свою самость.

В соотношении мировоззрения и уголовного права возможны две (а, может быть, и более) модели рассуждений. Что касается первой модели, то она базируется на исходном постулате, что уголовное право и есть один из аспектов мировоззрения, его неотделимая частица. В этом смысле их можно рассматривать не как стороны единого процесса, а как части и целого этого процесса, и в таком случае вопросы о противопоставлении уголовного права и мировоззрения отпадают сами по себе. Вторая модель допускает суждение о том, что уголовное право

и мировоззрение относятся к разным духовно-нравственным ценностям, однако находящимся друг с другом в определенных связях.

Содержание этой связи заключается, на мой взгляд, в том, что уголовное право, наряду с другими правовыми и не с правовыми регуляторами, в той или иной степени формирует у людей мировоззрение. Уголовное право, в силу своих возможностей, насыщает мировоззрение человека мироощущениями позитивного и негативного характера. Естественно, что при сходных реалиях действительности уровень соотношения негативного и позитивного, уголовного и не уголовного у каждого человека строго индивидуален, что позволяет человеку формировать свое идентифицирующее мировоззрение.

Происходит это не в малой степени потому, что индивидуальное мировоззрение формируется в подавляющем большинстве случаев стихийно в процессе своеобразного броуновского общения одних людей с другими людьми. Кроме того, все это происходит на основе исключительно личных ощущений, восприятия и созерцания каждого отдельного человека, независимо от существования великого множества уголовно-правовых точек зрения, направлений, теорий, систем и школ.

Реалии жизни (в том числе и уголовно-правовые) отдельного человека, как равно и любой его общности, побуждают его формировать не только собственное мировоззрение, но и мировоззрение других людей и общества в целом. Очевидно, имеет право на существование тезис о том, что уголовное право, взаимодействуя с мировоззрением, обретает черты не только социальной действительности, но и социальной ценности, что в своем функциональном единстве влияет на состояние уголовно-правовой, общеправовой и социальной культуры социума, повышая или понижая нравственный градус мировоззренческих потоков в обществе.

Очевидно, можно утверждать, что стихийно формирующееся мировоззрение (объективная необходимость), бесспорно, несущее в себе большой нравственный заряд (субъективная восприимчивость), не в малых дозах насыщено негативными компонентами. Обоснован в этой связи разговор о том, что мировоззрение отдельного человека представляет собой прежде всего единство противоречий, нежели противоречивость единства. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что мировоззренческий аспект уголовного права наполнен (а, может быть, неоправданно перенасыщен) императивным началом. И в этой

связи, кого бы не касалось уголовное мировоззрение (обывателя-правопотребителя, правоприменителя, законодателя, интеллектуального творца), оно необходимо сориентировано на уголовно-правовой императив. Императивность уголовного права заложена в самой ее природе. В данном случае важно, чтобы она (эта императивность) не перерастала в слабо регулируемый диктат, который в мировоззренческом аспекте наделяет его обладателя неоправданной убежденности в безгрешности всего того, что его касается.

Не потому ли принимаемые такими людьми решения, совершаемые ими соответствующие действия и творческие рассуждения нередко лишены самооценки и самоконтроля. К тому же им чаще всего присуща нетерпимость, неприятие любой внешней коррекции. Последнее способствует тому, что сложившееся (в том числе и отрицательное) мнение подается и принимается за единственно верное и потому не терпящее никакого вмешательства извне, хотя сами они навязывают другим людям исключительную достоверность собственного суждения, собственных выводов, мало заботясь о их истинности.

Подобное воинствующее уголовное мировоззрение в конечном счете приводит к смешиванию фактов и ценностей, приравнению значимого и существующего. В свою очередь, существующим признается то, во что человек верит, даже если его вера основывается на не совсем правдивых фактах. Как известно, уголовное мировоззрение выверяется уголовными размышлениями, суждениями, выводами и действиями.

При подобном подходе к пониманию мировоззренческой природы уголовного права становится возможным суждение о том, что уголовное право позволяет признать объективный характер уголовного мировоззрения. Иными словами, уголовное право способствует признанию уголовного мировоззрения как данности. Уголовное право тяготеет к умозрительности обыденного уголовного правосознания человека, и одновременно оно стремится к размыванию его личностной идентификации. Трудность заключается в определении оптимально допустимой грани, позволяющей гармонично сочетать оба эти вектора движения: от социально необходимого (в мировоззрении социума) к индивидуально допустимому (в мировоззрении индивида) и обратно.

Однако, самым сложным и трудно разрешимым вопросом был, есть и, пожалуй, еще долго (если не навсегда) будет вопрос о структуре и содержании уголовного мировоззрения.

В философии достаточно долгое время было мнение, что мировоззрение есть однородное, то есть однородное явление и составляет его наше знание (Сократ, Бекон и др.) Э. Кант первым обосновал вывод о том, что мировоззрение гетерогенно (неоднородно). Затем появилось большое количество подходов к разрешению затронутой по существу проблемы.

Думается, что анализируемая проблема в полной мере присуща и мировоззренческому аспекту уголовного права. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что уголовное мировоззрение включает в себя уголовно-правовые знания, уголовно-правовые ценности (антиценности), веру в собственную непогрешимость и правильность выбранной человеком уголовно-правовой концепции, своего жизненного (в том числе и криминального) пути. Названные компоненты уголовного мировоззрения, в своей основе, имеют в нем неоднозначное, неравновеликое представительство, и позволяют создать четыре, на мой взгляд, базовые мировоззренческие модели.

Модель первая. Вполне естественно что, если в уголовном мировоззрении превалируют научные уголовно-правовые знания, то сердцевину уголовного мировоззрения составляет доктринальная картина уголовно-правового мира его обладателя. Именно в таком случае можно говорить о мировоззренческом аспекте уголовного права как научной отрасли. Доктринальная картина уголовно-правового мировоззрения общества в силу своей специфики обладает высокой степенью познавательного (гносеологического) потенциала. Как известно, уголовно-правовое (как равно и любое) мышление понятийно.

Уголовно-правовые (как равно и любые) понятия не лишены относительной самостоятельности, так как в их практическом применении люди отрывают понятия от их носителей. Это обстоятельство открывает возможность абсолютизировать, то есть преувеличивать роль понятия в процессах познания. Уголовные постулаты выкристаллизовываются (вращиваются) в мировоззрении отдельного человека, отдельных людей, общества в целом в виде уголовно-правовых ощущений, восприятий, представлений, понятий, категорий и т.д., которые носят исключительно индивидуальный, неповторимый характер. Сказанное, отнюдь, не означает, что при таком весьма обильном многообразии мировоззренческих моделей, нельзя говорить о некоей мировоззренческой медиане, с помощью которой можно обозначить ощутимые контуры мировоззренческой уголовно-правовой гармонии общества.

В этой связи можно заключить, что основная социально-нравственная миссия уголовного права, как науки и социальной реальности, состоит в определении его места и роли (предназначения) в первую очередь в мировоззренческом пространстве.

Модель вторая. Если в секторе уголовного мировоззрения преобладают ценности, в первую очередь материальные, то такое мировоззрение можно отнести к категории этико-потребительскому. Обладатели такого мировоззрения постоянно и, зачастую бесперспективно ведут бескомпромиссную борьбу между добром и злом. Нечто подобное можно наблюдать при анализе уголовно-правового мировоззрения современных людей, находящихся на противоположных полюсах материально-ценностного достатка. Как известно, резкое и потому неэтичное расслоение населения страны на неоправданно бедных (нищих) и безмерно богатых неизбежно гипертрофирует потребительскую мотивацию как первых, так и вторых. Не удивительно, что подобное материально-ценностное неравенство нередко провоцирует "синдром Робин Гуда". Однако, современные Робины в отличие от своего исторического собрата не прячутся в лесах и не совершают коварные набеги из-за кустов. Они живут среди нас и удовлетворяют свои материально-ценностные потребности, нередко неправомерно и ни от кого не прячась. Потребительская мотивация, органично внедрившись в мировоззренческую материю, нередко прокладывает себе дорогу в экономическую сферу жизни людей и общества в целом, где на ее просторах неиссякаемые финансовые потоки щедро подпитывают экономику теневую. Имущественные преступления в своей массе опасны не только тем, что подрывают основы экономической безопасности, но и тем, что разрушают здоровый сектор потребительского мировоззрения. Самым доступным и распространенным способом и мерой общения людей с порочной потребительской мотивацией выступает обман во всех его проявлениях и масштабах.

Насущной, в первую очередь, нравственной задачей уголовного права в анализируемом аспекте является оздоровление и укрепление мировоззренческого представления отдельного человека и любой его общности о том, что материально-ценностное благополучие людей должно осуществляться исключительно легальным путем. Внедрить в сознание и мировоззрение людей идею о признании труда и его результатов высшим социально-нравственным достижением общества.

Модель третья. Если в мировоззренческом аспекте уголовного права доминирует вера, то в ее основе вера трансформируется в справедливость - своеобразного Бога искренности и доверия. Вера - это центр душевного мироощущения, мировосприятия, мирозидания. Отсутствие веры или ее утрата равносильно физической смерти. Чаще всего она невосполнима. Вот почему вера есть обостренное до предела чувство стыда и совести в мировоззренческом пространстве человека. Оправданным, думаю, следует признать, что все без исключения преступления, посягающие на дух и физическое благополучие человека, мотивированы отсутствием веры в то, что человек есть высшая ценность, созданная Богом, которого мы часто именуем Природой. Без веры нет любви. Это подтверждается хотя бы тем, что все мыслимые преступления против семьи и несовершеннолетних основаны на отсутствии и веры, и любви. Любовь и вера между людьми по восходящей (например, дети и родители) и нисходящей (например, бабушки, дедушки и внуки и внучки) родственным линиям, как равно по горизонтальным родственным линиям: влево и вправо (например, братья и двоюродные братья) фигурально создают контуры креста, который не только символизирует божественный центр человеческой любви и веры, но и указывает на четыре равнозначных и равномерных вектора (направления), движение в соответствии с которыми создает гармонию между людьми. Нет необходимости доказывать, что все преступления, совершаемые людьми, наделенные в той или иной степени служебными, а тем более должностными полномочиями, совершаются на базе безверия, основной формой которой выступает элементарное предательство. Предательство - это не только отсутствие веры кого-то во что-то, это прежде всего обман, но обман одним, кем-то, многих или всех. Мировоззренческое поле предателей всех рангов и мастей - это своеобразное минное поле (в роли мин выступают чиновники), и каждый вошедший в опасную зону этого поля, знает, что погибнет, но не знает от какой мины и в какой точки координат.

Божественная задача уголовного права - способствовать возвращению на мировоззренческое поле любви и веры, однако, предварительно разминировав указанное пространство. Как говорил классик, В.Гюго: "Человек рожден не для того, чтобы влачит жалкое существование, а для того, что, расправив крылья, гордо парить над землей!"

Модель четвертая. Если в мировоззренческом поле человека на передовые позиции выдвигается концепция жизненного (в том

числе и криминального) пути, то центром всего происходящего является сам человек. Подобное житнетворческое мировоззрение чаще всего (если не всегда) присутствует в формуле "Я и все остальные". Все, без каких-либо исключений, насильственные преступления в своей основе развиваются в направлении от "Я" и до "все остальные". Наиболее иллюстративными в этом смысле являются такие преступления, как хулиганство и вандализм. Если совершение хулиганства свидетельствует о том, что хулиган не уважает неопределенное число потерпевших, то вандал яро ненавидит все человечество. "Я и все остальные", как мировоззренческая формула уголовного права, основывается исключительно на насилии, в рамках которого повреждается либо уничтожается физическая (а с ней и духовная) плоть всего живого, и прежде всего человека. Было бы все достаточно просто, по крайней мере для понимания, если бы проблема замыкалась лишь на противопоставлении индивидом самого себя всем остальным. Дело заключается в том, что опасность насильственных преступлений возрастает на ненависти индивида всех остальных. Ненависть - это пороховой заряд, который при самой малейшей межличностной детонации, безжалостно уничтожает (может уничтожить) все живое (и не только), вокруг него находящееся. Из мировоззрения, проповедующего насилие в любой форме, уголовное право всеми доступными ей средствами должно этот насильственный вирус вытеснять.

Безотлагательной задачей уголовного права на сегодня и на дальнейшую перспективу, требующей своего разрешения, является внедрение в мировоззренческую материю нравственного постулата о том, что насилие - это удел слабого.

Каждый из перечисленных видов мировоззренческих моделей, реализуя свой содержательно-функциональный потенциал, в той или иной мере способствует формированию мировоззренческого аспекта уголовного права как науки, как отрасли права, как социальной ценности, как отрасли законодательства. В свою очередь, уголовно-правовое мировоззрение по мере допустимости официальных институтов и по мере своей возможности привносит свою специфику в структуру и содержание мировоззрения в целом. Есть надежда, что уголовное право во всех ее проявлениях совместно с уголовным законодательством, а не только с Уголовным кодексом (что далеко не одно и то же) будет способствовать развитию у сограждан иммуноустойчивое уголовно-правовое мировоззрение.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ О ПОНИМАНИИ ПРИЗНАКА УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ¹

Н.А. Лопашенко

д.ю.н., профессор, профессор Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), г. Саратов

Ключевые слова. Организованная группа, устойчивость организованной группы, характеристики устойчивости, рекомендации Пленума Верховного суда РФ, дифференциация уголовной ответственности.

Аннотация. В статье идет речь о том, как понимается Пленумом Верховного суда Российской Федерации признак устойчивости организованной группы. Отмечается, что, анализируя устойчивость организованной группы, Пленум Верховного суда РФ называет ряд обстоятельств, совокупность всех или большинства из которых и позволяет вменить анализируемый признак. При этом неправильно отдавать предпочтение какому-либо одному признаку, равно, как и считать какой-либо признак главным.

Keywords: an organized group, stability of an organized group, stability characteristic, recommendations of The Plenum of the Supreme Court of Russia Federation, differentiation of criminal responsibility.

The summary: The article is about how the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation understands the sign of stability of an organized group. It is noted that, analyzing the stability of an organized group, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation calls a number of circumstances, the totality of all or most of which allows us to insert the analyzed feature. In this case, it is wrong to give preference to any one characteristic, as well as to consider any characteristic as the main one.

В качестве дифференцирующего уголовную ответственность обстоятельства, отягчающего, и серьезно, уголовное наказание виновного в совершении преступления лица, выступает признак совершения преступления организованной группой. Понятие организованной группы дано в ч.3 ст. 35 УК – «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Таким образом, признаком совершения преступления группой или квалификацию преступлений с учетом этого признака. Но понятие устойчивости организованной группы разъясняется лишь в пяти постановлениях:

от 17.01.1997 № 1 «О практике применения положений Уголовного кодекса Российской Федерации», одним из самостоятельных и важных признаков организованной группы признается ее устойчивость.

Устойчивость - это оценочная категория, свидетельствующая о более высокой, по сравнению с простой группой и группой лиц по предварительному сговору, степени общественной опасности организованной группы. Специфика этой группы, как раз, и заключается, в ее устойчивости, которая очень сложно определяется терминологически. Законодательно этот признак не определен.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны общественного порядка и безопасности граждан» (п. 6);

от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны общественного порядка и безопасности граждан» (п. 6);

¹ В рамках гранта РФФИ «Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: разработка теоретической модели и перспектив ее внедрения в законодательную практику Российской Федерации».

окружающей среды и природопользования» (п. 19).

При этом понятие устойчивости везде без исключения дается путем перечисления конкретных обстоятельств, свидетельствующих о наличии устойчивости, которые не всегда совпадают, хотя многие повторяются.

К таким обстоятельствам высшие судебные инстанции, как следует из выше приведенных постановлений, относят (излагаю в порядке первого упоминания обстоятельства в постановлении):

стабильность состава группы (постановление по бандитизму, 1997 г.);

тесную взаимосвязь между членами группы (постановление по бандитизму, 1997 г.);

согласованность действий членов группы (постановление по бандитизму, 1997 г.);

постоянство форм и методов преступной деятельности (постановление по бандитизму, 1997 г.);

большой временной промежуток существования группы (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – длительность существования группы* (постановление по бандитизму, 1997 г.);

неоднократность совершения преступлений членами группы (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – количество совершенных преступлений* (постановление по бандитизму, 1997 г.);

техническую оснащенность групп (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.);

длительность подготовки даже одного преступления (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – длительность подготовки преступления* (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

наличие заранее разработанного плана совместного совершения преступления (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

наличие организатора (руководителя) (постановления: по уклонению от воинской службы, 2008 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.);

предварительную подготовку (например, изготовление документов, приобретение граж-

данской одежды, определение места пребывания или работы) (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

распределение ролей (постановления: по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – распределение функций между членами группы* (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

иные обстоятельства:

специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей (постановление по краже..., 2002 г.);

специальная подготовка участников организованной группы (постановления: по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.).

Некоторые возражения по указанным признакам у меня есть только в отношении одного из них.

На мой взгляд, использование для характеристики устойчивости такого обстоятельства, как согласованность действий членов группы (постановление по бандитизму, 1997 г.), излишне. Это обстоятельство близко к признаку любого соучастия – совместности действий, то есть совершения действий, составляющих преступное деяние, сообща, с направленностью его на общий результат.

«Наборы» характеристик признака устойчивости организованной группы по разным постановлениям Пленума Верховного суда РФ отличаются количеством обстоятельств – характеристик (их число колеблется от четырех до шести). Самый короткий перечень характеристик организованной группы дан в постановлении от 03.04.2008 № 3 (ред. от 23.12.2010) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», в п. 17 (4 характеристики). По шесть характеристик предусмотрено для специфической организованной группы – банды (постановление от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», п. 4), для организованных групп террористической направленности (постановление от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», п. 6), организованных групп в незаконной рубке (постановление от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О приме-

нении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», п. 19).

Объединяет перечни обстоятельств, свидетельствующих о наличии признака устойчивости, упоминаемых в различных постановлениях Пленума Верховного суда РФ, то, что они являются во всех без исключения случаях открытыми, что, по сути, означает, что возможны и другие обстоятельства для признания группы организованной.

Серьезно меня смущает тот факт, что Пленум Верховного суда РФ, давая открытые перечни обстоятельств, свидетельствующих об устойчивости, нигде не помечает, что в каждом конкретном случае отдельных из указанных им обстоятельств может и не быть. Таким образом, у правоприменителя формируется ложное убеждение в том, что все названные в постановлении обстоятельства должны непременно присутствовать в каждом конкретном деле. Однако закон подобных ограничений не устанавливает.

Одного из приведенных выше и используемых Пленумом Верховного суда РФ обстоятельств для вменения признака устойчивости и всего признака «организованная группа» явно недостаточно. Думаю, что неверно также выделять какое-либо особо приоритетное по сравнению с другими обстоятельство, как это делал, например, Л.Д. Гаухман. Он писал: «...Определяющим признаком организованной группы, характеризующим ее устойчивость, является наличие организатора или руководителя группы»². Выше уже отмечалось, что и понимание организованной группы в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ от 27 декабря

2002 г. и от 27 декабря 2007 г. также подчеркивает обязательность наличия в группе организатора.

На такой же позиции стоит в науке А.И. Бойцов: «...Одним из основных признаков по определению является наличие организатора или руководителя. Именно наличие этих фигур создает феномен управления, при котором воля каждого ее участника согласуется с общей волей»³. Однако организатор или руководитель вполне могут присутствовать и присутствуют и в других разновидностях группы. В то же время отсутствие явного организатора (руководителя, лидера) не есть препятствие для признания группы организованной, на что указывает и сам А.И. Бойцов: «Вместе с тем наличие лидера само по себе не является признаком организованной группы, которая может функционировать и на началах коллективистической самоорганизанности»⁴. И двумя страницами ниже этот же автор делает совершенно правильный и единственно верный, по моему мнению, вывод (хотя и не согласующийся, в полной мере, с тем, что написано им выше): «...Свидетельством устойчивости организованной группы всегда выступает множество факторов, ни один из которых не обладает значением абсолютного критерия»⁵.

В действиях виновных, на мой взгляд, должно быть установлено сразу несколько характеристик организованной группы; именно *их совокупность и дает основания для признания того, что группа была устойчивой*. По одному признаку квалифицировать преступление, как совершенное организованной группой, невозможно⁶.

² См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. – М., 1999. – С. 400. Автор параграфа Л.Д. Гаухман.

³ См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 672.

⁴ См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 673.

⁵ См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 675.

⁶ Р.Р. Галиакбаров предлагает в порядке обсуждения в качестве формализованного критерия для расшифровки показателя устойчивости организованной группы использовать такой признак, как система совершения преступных посягательств. Он указывает: «Систематичность не сводится к повторению (неоднократности) преступления. Она уже предполагает большее число посягательств - три и

более, отражающее антисоциальную направленность действий субъектов, серьезное возрастание уровня опасности объединения. Она фиксирует определенную линию поведения участников преступления, их укоренившиеся опасные наклонности. Вывод о систематичности делается на основе всей совокупной деятельности участников преступления. При этом не имеет значения, однотипные, однородные или разнородные посягательства совершает группа. Систематичность свидетельствует об организованном характере самой группы. Во всяком случае, любой факт совершения объединением трех преступлений или более уже жестко фиксирует его организованный характер, хотя такая группа может еще не стать преступным сообществом». См.: Гали-

акбаров Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой. – Российская юстиция, 2000, № 4. – С. 48. В.В. Векленко справедливо отмечает, что такое предложение неприемлемо уже хотя бы потому, что вступает в явное противоречие с законом, который говорит о возможности создания организованной группы и с целью совершения одного преступления. См.: *Векленко В.В.* Квалификация хищений. - Омск, 2000. – С. 218.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Образцов К. В.,
*заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Москва) доктор юридических наук, профессор*

Ключевые слова: дополнительное уголовное законодательство, источники уголовного права, кодификация уголовно-правовых норм.

Аннотация: Рассматривая зарубежный опыт ряда государств, в которых наряду с кодифицированным уголовным законом существует дополнительное уголовное законодательство, автор приходит к выводу, что включение уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство России нецелесообразно. Существующая система формальных источников российского уголовного права с точки зрения ее элементного состава в основном адекватна потребностям уголовно-правового регулирования.

Keywords: extra criminal law, sources of criminal legislation, codified criminal norms.

The summary: In review of foreign experience, where with codified criminal legislation exists extra criminal law, author made conclusion that implementation criminal proscriptions in Russian legislation is not necessary. Existence system of formal sources of Russian criminal law from the point of view it elementary structure in base is adequately for criminal regulating process.

Система юридических источников российского уголовного права относится к типу динамических систем. Испытывая давление внешней среды, она со временем меняется, а значит, эту систему следует рассматривать не только в статичном, «снятом» виде, но и в динамике ее развития. Причем в современных условиях этот аспект приобретает особую актуальность, поскольку процесс формирования системы юридических источников отечественного уголовного права вряд ли можно считать полностью завершенным.

Следует отметить, что имеющиеся в уголовно-правовой литературе предложения относительно совершенствования рассматриваемой системы в основном сводятся к необходимости ее расширения за счет включения в нее новых элементов. В частности, в теории обсуждается возможность включения уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство. Так, например, Н.И. Пикуров предлагает включить уголовно-правовые санкции в ткань некоторых межотраслевых или моноотраслевых законов, регулирующих специфические общественные

отношения (налоговые, таможенные и т.п.), полностью распространив на них режим Общей части УК РФ¹.

Подобная практика получила распространение в Германии, Нидерландах, Франции, Швеции и некоторых других зарубежных странах. Так, в Германии уголовно-правовые нормы помимо УК ФРГ содержатся более чем в 400 законах – например, в Законе против неразрешенной конкуренции, Законах о налогах, о федеральном банке, о кредитных учреждениях, о торговле ценными бумагами, о бирже, о наркотических веществах, о правилах дорожного движения, о собраниях и демонстрациях, об обращении лекарственных средств, о продуктах питания человека, предметах первой необходимости и корме животных, о защите животных (при этом соответствующие уголовно-правовые запреты действуют во взаимосвязи с предписаниями Общей части УК ФРГ)².

Надо признать, что практика формулирования самостоятельных уголовно-правовых норм в регулятивных законах имеет одно неоспоримое достоинство, связанное с тем, что

концентрация всего законодательного материала по конкретному вопросу в рамках одного нормативного правового акта «дает полную информацию об объеме правового воздействия на соответствующую область отношений»³. В Германии, например, считается, что «уголовно-правовые нормы, непосредственно включенные в механизм правового регулирования отдельных сфер общественной жизни, более жизнеспособны. Действуя в комплексе с нормами других отраслей права, они воздействуют на правопорядок напрямую, подчеркивая, с одной стороны, значимость регулируемой сферы деятельности, а с другой – информируя субъектов соответствующих правоотношений об уголовно-правовых последствиях неисполнения (нарушения) требований специального закона»⁴. Иными словами, включение уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство повышает их превентивный потенциал, так как позволяет лучше ознакомить с ними граждан, являющихся непосредственными участниками соответствующих позитивных общественных отношений (таможенных, налоговых, кредитных, дорожно-транспортных и др.).

Признавая это обстоятельство, тем не менее, отметим, что целесообразность внедрения подобной практики в отечественное уголовное законодательство вызывает серьезные сомнения, так как она имеет весьма существенные недостатки, которые во многом (если не целиком) перечеркивают ее достоинства. Прежде всего, следует иметь в виду, что включение уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство создает реальную опасность рассогласования системы юридических источников уголовного права и нарушения связей между ее элементами. В современных условиях, когда уголовно-правовая политика не имеет четких ориентиров, а законодательный процесс чуть ли не полностью подчинен конъюнктурным соображениям, крайне высока вероятность того, что уголовно-правовые запреты, включенные в регулятивные законы, будут противоречить УК РФ. Причем эти опасения не надуманы; они наглядно подтверждаются практикой, поскольку имеющиеся единичные факты включения уголовно-правовых предписаний в межотраслевые (комплексные) федеральные законы сразу же породили коллизии между ними и УК РФ⁵. Так, например:

- предписания ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» о том, что

«лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступления, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности», не соответствуют УК РФ, который содержит исчерпывающий перечень оснований освобождения от уголовной ответственности;

- предписания ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которые допускают возможность уничтожения воздушного судна при наличии достоверной информации о возможном его использовании для совершения террористического акта или о его захвате, невозможности его посадки, а также существовании реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы, не согласуются со ст. 39 УК РФ;

- противоречат ст. 39 УК РФ и предписания ч. 2 ст. 8 Федерального закона «О противодействии терроризму», позволяющие уничтожить плавательное средство, если оно не подчиняется требованиям об остановке и (или) невозможно принудить его к остановке и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его остановки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы.

Впрочем, озабоченность вызывает не только и даже не столько сам факт возникновения коллизий между УК РФ и регулятивными законами, которые неизбежно возникнут в случае вкрапления в них уголовно-правового материала (ведь, как показывает практика, противоречия между различными формальными источниками уголовного права – это, к сожалению, вполне обыденное явление). Намного опаснее то, что подобные коллизии неразрешимы, так как неуголовные федеральные законы обладают равной юридической силой с УК РФ. А значит, включение уголовно-правовых предписаний в регулятивное законодательство способно разбалансировать систему формальных источников уголовного права, нарушить ее устойчивость и снизить эффективность ее функционирования.

Нельзя также не отметить, что внедрение уголовно-правовых запретов в неуголовные законы способно существенным образом усложнить правоприменительную деятельность. Весьма показательным в этом отношении

можно считать опыт Германии. Поскольку в систему юридических источников уголовного права Германии наряду с УК ФРГ входят многочисленные «дополнительные» уголовные законы, «уголовное законодательство оказывается трудно обозримым, если вообще обозримым», в результате чего «использование (соблюдение, применение) норм уголовного права при наличии дополнительных законов требует особенно основательных знаний»⁶. Неудивительно, что «такая разобщенность уголовно-правовых норм создает немалые трудности для правоприменения»⁷. Пытаясь решить эту проблему, германский законодатель предпринимает активные шаги в направлении кодификации уголовного законодательства, последовательно изымая уголовно-правовые нормы из регулятивных законов: «Все последние годы происходит постепенное включение уголовно-правовых запретов, содержащихся в дополнительных законах, разумеется, в преобразованном виде, в Уголовный кодекс Германии»⁸. Эта тенденция находит поддержку в научном сообществе Германии, представители которого выступают за полную кодификацию уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность. Как отмечает У. Хелльманн, «лучшим гарантом создания необходимых с точки зрения правовой политики и доктринально продуманных уголовных норм было бы внедрение всех составов преступного деяния в Уголовное уложение ФРГ. Такие "классические" составы, как налоговые деликты, деликты, связанные с оружием или наркотиками должны быть перенесены в Уголовное уложение в любом случае»⁹. На этом фоне стремление к расширению системы юридических источников российского уголовного права за счет включения уголовно-правовых норм в регулятивные законы вряд ли можно считать оправданным. Следует согласиться с тем, что «в этом плане российская модель, когда уголовно-правовые предписания в своем абсолютном большинстве сосредоточены в кодифицированном акте, выглядит предпочтительнее. Это важно не только для правоприменителя, но и для адресата уголовно-правового запрета – конкретного гражданина, имеющего дело с одним кодексом, а не с ворохом правовых актов»¹⁰.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов еще одно немаловажное обстоятельство. Формулирование самостоятельных уголовно-правовых запретов в регулятивном законодательстве способно привести к размыванию отраслевых границ, как это, в частности, случилось в уголовном праве Франции. По свидетельству

компаративистов, одной из основных причин, вызвавших необходимость реформы уголовного законодательства Франции и принятия УК 1992 г., явилась эрозия отрасли уголовного права. Принятие большого количества иных, не входивших в УК Франции 1810 г., законов и подзаконных актов в области уголовного права, наличие значительного числа уголовно-правовых норм в нормативных актах, не имеющих в целом уголовно-правового характера, привело к тому, что уголовное право утратило свою системность.¹¹ В случае реализации обсуждаемого предложения эта опасность, безусловно, грозит и российскому уголовному праву.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать, что формирование дополнительного законодательства России посредством включения уголовно-правовых норм в регулятивное законодательство не соответствует потребностям уголовно-правового регулирования. Более того, оно способно снизить функциональные возможности и эффективность системы источников уголовного права, нарушить ее устойчивость. А значит, говорить о «кризисе идеи полной кодификации уголовного законодательства»¹² (точнее, кодификации первичных законодательных уголовно-правовых норм¹³), по крайней мере, преждевременно.

Что же касается достоинств рассматриваемой инициативы, которые, как отмечалось, заключаются в повышении превентивного потенциала соответствующих уголовно-правовых запретов, то аналогичного эффекта можно добиться более простым способом, не связанным с расширением системы формальных источников уголовного права. Достаточно указать в регулятивных законах, что определенные их нарушения влекут уголовную ответственность, как это сделано, в частности, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Так, этот Закон информирует субъектов отношений, возникающих в связи с охраной здоровья, что «незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации» (ч. 8 ст. 56); что «лица, незаконно занимающиеся медицинской деятельностью и фармацевтической деятельностью, несут уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ч. 7 ст. 69). Включение процитированных предписаний в указанный Закон предупреждает медицинских и фармацевтических работников об уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст.

123 УК РФ) и незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ), что повышает превентивный эффект соответствующих уголовно-правовых запретов, но не делает этот За-

кон формальным источником уголовно-правовых норм, не размывает систему источников уголовного права. Поэтому использование этого приема является весьма перспективным.

¹ См.: Пикуров Н.И. Оправдана ли полная кодификация уголовного законодательства в современных условиях? // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 187.

2 См.: Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil: пер. с нем. / Гельмут Фристер. – 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – С. 13; Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С. 71-84; Хелльманн Уве. Критический анализ современного уголовного законодательства ФРГ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. – М.: Проспект, 2011. – С. 573-579.

3 Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 193.

4 Шулепова Л.Ф. Дополнительное уголовное право Федеративной Республики Германии: понятие, система, источники: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 8.

5 Подробнее об этом см.: Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – С. 227; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 22-25.

6 Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С. 72. Однако при этом дополнительные уголовные законы, по свидетельству А.Э. Жалинского, не являются обязательным объектом юридического образования в университетах, что дополнительно затрудняет их применение.

7 Иванчин А.В., Грибов А.С. О германском опыте конструирования составов экономических преступлений // Юридический мир. – 2009. – № 1. – С. 63-67.

8 Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С. 348.

9 Хелльманн Уве. Критический анализ современного уголовного законодательства ФРГ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. – М.: Проспект, 2011. – С. 579.

10 Иванчин А.В., Грибов А.С. О германском опыте конструирования составов экономических преступлений // Юридический мир. – 2009. – № 1. – С. 63-67.

11 См.: Крылова Н. Е. Новый Уголовный кодекс Франции // Государство и право. – 1994. – № 12. – С. 117. Правда, при этом французский законодатель так и не пошел по пути полной кодификации уголовно-правовых норм. Согласно УК Франции 1992 г., уголовный закон определяет только составы преступлений и проступков, тогда как составы нарушений (третьей разновидности преступных деяний) устанавливаются постановлениями (регламентами) органов исполнительной власти (при этом наказания за нарушения определяются с учетом видов и шкалы наказаний, регламентированных в УК Франции) (См.: Крылова Н.Е. Новый уголовный кодекс Франции: основные черты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.).

12 Пикуров Н.И. Оправдана ли полная кодификация уголовного законодательства в современных условиях? // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 187.

13 Это уточнение сделано не случайно, поскольку вторичные (производные) уголовно-правовые предписания вполне могут находиться за рамками УК РФ. Достаточно вспомнить подзаконные уголовно-правовые акты (постановления Правительства Российской Федерации), принятые на основании примечаний к ст. 2261, 228, 2283, 231, 234 УК РФ), которые конкретизируют признаки предмета преступлений, предусмотренных ст. 2261, 228, 2281, 2283, 2284, 229, 2291, 231, 234, 2581 УК РФ.

ПЕРВОЕ РЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОСТАТОЧНОГО МЕХАНИЗМА ДЛЯ УГОЛОВНЫХ ТРИБУНАЛОВ ПО ДЕЛУ ВОИСЛАВА ШЕШЕЛЯ

Кибальник А.Г.
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета,
(г. Ставрополь) доктор юридических наук, профессор

Ключевые слова: Международный трибунал по бывшей Югославии; Международный трибунал по Руанде; международное уголовное право; Устав Международного Остаточного Механизма.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы действия решений международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, в отношении лиц, совершивших военные преступления, преступления против человечности и акты геноцида на территории Руанды и бывшей Югославии, а также исполнения всех прав и обязанностей вышеуказанных трибуналов.

Keywords: The International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia; the International Criminal Tribunals for Rwanda; International Criminal Law, the Statute of the International Residual Mechanism.

The summary: In the article considers any questions of using resolutions of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda, in the case of persons which committed the crimes against humanity and genocide on the territory of the Former Yugoslavia and Rwanda, also execution all rights and responsibilities of foregoing tribunals.

В 2018 год международная уголовная юстиция вошла без действующих уголовных трибуналов *ad hoc*: 31 декабря 2017 г. прекратил деятельность Международный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), а двумя годами ранее – Международный трибунал по Руанде (далее – МТБ). Однако еще 20 декабря 2010 г. резолюцией Совета Безопасности ООН № 1966 был утвержден Устав Международного Остаточного Механизма для уголовных трибуналов¹ (далее – Механизм, МОМ), который, по мнению его создателей, должен довести до логического завершения деятельность указанных трибуналов *ad hoc*.

Действительно, согласно ст. 1 Устава МОМ, Механизм продолжает осуществлять материальную, территориальную, временную и личную юрисдикцию МТБЮ и МТР в отношении лиц, совершивших военные преступления, преступления против человечности и акты геноцида на территории Руанды и бывшей Югославии, а также исполняет все права и обязанности бывших трибуналов (с учетом положений самого Устава).

В силу прямого указания, Механизм имеет «первоочередное» право судебного преследования лиц, обвиненных МТБЮ или МТР и являющихся «старшими руководителями» (*senior leaders*), подозреваемых в совершении перечисленных преступлений против мира и безопасности человечества (человечности), подпадающих под юрисдикцию указанных трибуналов. Правда, сохраняется возможность привлечения к уголовной ответственности не только «старших руководителей» (при соблюдении определенных условий). Кроме того, под уголовную юрисдикцию Механизма подпадают лица, «сознательно и умышленно вмешивающиеся или препятствующие отправлению правосудия Механизмом или Трибуналами» и лже-свидетели.

Принципиально важными (с материально-правовой точки зрения) являются указания Устава МОМ о том, что:

1) Механизм должен продолжать функции МТБЮ и МТР («остаточные функции») «в течение периода его функционирования» (ст. 2);

2) Механизм имеет «приоритет над национальными судами», несмотря на «одновременное осуществление юрисдикции» органами национального правосудия (ст. 5);

3) никто не может быть привлечен к национальному суду, если его дело уже было рассмотрено МТБЮ, МТР или Механизмом; однако Механизм может судить лицо, в отношении которого имеется решение национального суда, если последний признал его виновным в совершении «обычного преступления», либо «национальное судебное разбирательство не было беспристрастным или независимым, предназначалось для защиты обвиняемого от международной уголовной ответственности, или дело не подвергалось пристальному исследованию» (ст. 7).

Относительно решений Механизма следует отметить два принципиальных момента, отраженных в его Уставе:

1) окончательное решение в МОМ остается за Апелляционной палатой, которая может утверждать, отменять или пересматривать решения, принятые Судебной палатой Механизма при наличии ошибки «в вопросе о праве», приведшей к «недействительному решению» либо ошибки в «факте, которая привела к ошибке судебного разбирательства» (ст. 23);

2) основанием пересмотра является «обнаружение нового факта», который не был известен на момент в Судебной или Апелляционной палатах МТБЮ, МТР или самого МОМ – в этом случае ходатайство о пересмотре может подать осужденный или Прокурор, а Апелляционная палата МОМ принимает решение на основании предварительного согласия большинства судей о том, что «новый факт» мог бы «стать решающим фактором при принятии решения» (ст. 24).

Как известно, сам МОМ разделен на два отделения в соответствии с юрисдикцией бывших МТБЮ и МТР. Что касается «югославского» отделения МОМ, то оно функционировало «параллельно» деятельности МТБЮ в 2013–2017 гг., а с 2018 г. осуществляет свою деятельность самостоятельно. Поэтому не могло не привлечь внимания первое вступившее в силу решение «югославского отделения» МОМ, вынесенное в отношении Воислава Шешеля (*Vojislav Šešelj*) в апреле этого года.

В. Шешель, известный сербский политик, основатель и лидер «Сербской радикальной партии» обвинялся МТБЮ в совершении в 1991–1993 гг. трех преступлений против человечности и шести военных преступлений. В частности, ему инкриминировались:

– участие в «широкомасштабных и систематических нападениях на несербское гражданское население в районах Хорватии и Боснии и Герцеговины»²;

– призывы к изгнанию хорватов;

– участие в убийствах несербского мирного населения и жестокое обращение с задержанными пленными;

– разграбление частной собственности сербскими силами;

– участие в «бессмысленном уничтожении или опустошениях, не оправданных военной необходимостью, городов, деревень и домов и преднамеренного уничтожения религиозных и образовательных учреждений»;

– создание «совместного преступного предприятия», занимавшегося совершением военных преступлений и преступлений против человечности³.

Однако 31 марта 2016 г. Судебная палата МТБЮ подавляющим большинством голосов (против был единственный судья Лантацци) оправдала В. Шешеля по всем обвинениям⁴.

29 августа 2016 г. Прокурор подал публичную версию своей апелляционной жалобы в Механизм, в течение 2017 г. проходили судебные процедуры, и, наконец, 11 апреля 2018 г. Апелляционной палатой МОМ было вынесено решение по делу В. Шешеля⁵.

Апелляционная палата МОМ отменила оправдательные приговоры, вынесенные Судебной палатой МТБЮ в отношении В. Шешеля, и признала его виновным в подстрекательстве к депортации, преследованию (насильственному перемещению) несербского населения и другим «бесчеловечным актам», совершенным на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины. В частности, Апелляционная палата МОМ установила, что Судебная палата МТБЮ ошибалась в том, что она не привлекла В. Шешеля к уголовной ответственности за речь в Хртковцах, Воеводина (Сербия) 6 мая 1992 г., в которой он призывал к высылке несербского населения. Кроме того, Апелляционная палата МОМ отменила вывод Судебной палаты МТБЮ о том, что не было широкомасштабного или систематического нападения на несербское гражданское население в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. Наконец, Апелляционная палата МОМ установила, что преступления, совершенные в Хртковцах, Воеводина, были частью более широкой атаки в Хорватии и Боснии и Герцеговине.

В итоге Апелляционная камера МОМ признала В. Шешеля виновным и приговорила его к 10 годам тюремного заключения. Правда,

с учетом его пребывания в предварительном заключении более 11 лет, приговор де-факто был исполнен «в кредит».

Таков итог первого «самостоятельного» решения Апелляционной палаты МОМ, который сам по себе не может не настораживать. Конечно, впоследствии возникнет множество вопросов как социально-политического, так и собственно юридического планов к деятельности МОМ (не может не возникнуть, учитывая правовую неопределенность относительно

того, как и в какой мере деятельность Механизма должна быть связана с ранее вынесенными решениями МТБЮ и МТР⁶). Так или иначе, на поверхность сразу «выплывает» главный из таких вопросов: а существовали ли столь хваленые «высочайшие» стандарты международного правосудия в МТБЮ, если его решения сходу аннулируются Международным Остаточным Механизмом?

¹ http://www.unmict.org/sites/default/files/documents/101222_sc_res1966_statute_en.pdf

² Речь идет, прежде всего, о муниципалитетах Вуковар, Зворник, Мостар, Невезинье и регионе Сараево.

³ По мнению Прокурора, В. Шешель принимал участие во многих военных преступлениях и преступлениях против человечности, самыми «вопиющими» из которых были:

– в муниципалитете Вуковар: убийство, пытки и жестокое обращение, в том числе сексуальное насилие, нанесенное задержанным на складе Велепроме и на ферме Овчара;

– в муниципалитете Зворник: убийство мусульманских мирных жителей во время нападения на Зворник в апреле 1992 года; убийства, пытки и жестокое обращение с задержанными мусульманами на ферме Экономия, задержанных на фабрике Чиглана, задержанных в Дринджачской домашней культуре, задержанных в Каракайской технической школе и задержанных в Доме Культуры Челопек; убийство большого числа несербских задержанных на бойню Геро; пытки и жестокое обращение, нанесенные задержанным на стандартной обувной фабрике; и грабеж частной собственности из домов, принадлежащих жителям Зворника.

– в Сараево: убийство 17 мирных жителей во время нападения в деревне Льешево; пытки и жестокое обращение с задержанными на складе «Искры» в Подлугови и задержанных в доме Плайи; и грабеж

мусульманских домов после нападения на деревню Сврак.

– в муниципалитете Мостар: убийство несербских мирных жителей на свалке в Убораке и в зданиях главного городского морга в Сутине; пытки и жестокое обращение с задержанными в раздевалке футбольного стадиона Врапчици и задержанных в Сутине; грабеж частной собственности из домов, принадлежащих мусульманам в хуторе Топла.

– в муниципалитете Невезинье: убийство жителей деревни в Прешеке; мудрец мусульман в Брезе и на Килавчинской тепловой фабрике; убийство сельских жителей, содержащихся под стражей в школе Землье; пытки и жестокое обращение, нанесенные задержанным на Килавчинской тепловой фабрике, задержанным в школе Зиеджде.

⁴ Prosecutor v. V. Šešelj. Case № IT-03-67. 31 March 2016.

⁵ Prosecutor v. V. Šešelj. Case № MICT-16-99-A. 11 April 2018.

⁶ McIntyre G. The International Residual Mechanism and the Legacy of the International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda // *Gottin-gen Journal of International Law*. 2011. № 3. P. 948–950; Бирюков П.Н., Пронин А.В. Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов: бритва Оккама наоборот // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2014. № 2. С. 11–14.

РЕГИОНАЛЬНОЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И МОНИТОРИНГ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Петровский А.В.,

*доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (Краснодар)
кандидат юридических наук, доцент*

Прохорова М.Л.,

*профессор кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (Краснодар)
доктор юридических наук, профессор*

Ключевые слова: криминологическое законодательство, предупреждение преступлений, мониторинг, правоохранительная деятельность.

Аннотация: В статье рассматривается возможность использования мониторинга в сфере профилактики правонарушений для оценки эффективности уголовного и криминологического законодательства, а также административной и правоохранительной деятельности в области предупреждения преступлений.

Keywords: Criminological legislation, crime prevention, monitoring, law enforcement activities.

The summary: This paper presents feasibility of using monitoring at crime prevention sphere for assessment of efficiency criminal and criminological legislation, administrative and law enforcement activities

Принятие Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ) предполагает начало формирования системы российского криминологического законодательства. Все основания для этого как на федеральном, так и региональном уровне имеются. Реализация этого процесса приведет к созданию различных криминологических практик и технологий, а возможно, и появления новых профессий – специалист-криминолог, криминолог-аналитик, инспектор по организации профилактической работы. При этом параллельно должно происходить закрепление статуса криминологов и регламентирование их профессиональной деятельности в нормативно-правовом порядке.

Одним из определяемых Федеральным законом № 182-ФЗ средств реализации профилактики правонарушений является мониторинг в этой сфере, предполагающий создание системы наблюдения за состоянием профилактической работы, анализ и прогнозирование криминогенных детерминантов, обуславливающих совершение правонарушений, оценку эффективности деятельности субъектов профилактики. О серьезных намерениях относительно развития указанного направления деятельности свидетельствует постановление Правительства РФ от 30.12.2016 г. № 1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – постановление Правительства № 1564). К слову, названное постановление в настоящее время –

единственный управленческий нормативный акт, регламентирующий практическую реализацию положений Федерального закона № 182-ФЗ.

Таким образом, необходима нормативная регламентация не только организации предупредительных мероприятий, детализации объектов предупреждения, прав и обязанностей субъектов, но и легальное закрепление порядка сбора и хранения информации о качественных и количественных характеристиках преступности и особенностях правонарушений, совершаемых в РФ и в регионах, о криминологических признаках личности совершивших преступления, о лицах, ведущих антиобщественный образ жизни и находящихся на профилактическом учете, о жертвах преступлений, о методиках организации и проведения мониторинга криминогенных детерминантов и криминальной обстановки, о признаках и особенностях виктимности.

Формально вопросы мониторинга нашли свое отражение в региональном криминологическом законодательстве и созданных на их основе различных программах субъектов Федерации по обеспечению общественной безопасности и правопорядка. Так, обязанность осуществлять мониторинг и анализировать информацию о причинах и условиях наркопреступлений, экономических правонарушений и нарушений в области безопасности дорожного движения устанавливают закон Санкт-Петербурга от 04.06.2007 г. № 230-42 «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» и закон Республики Крым от 01.09.2014 г. № 60-ЗРК «О профилактике правонарушений в Республике Крым»¹.

К полномочиям органов системы профилактики правонарушений законодательство Кабардино-Балкарской Республики (далее – КБР) относит мониторинг состояния правопорядка и общественной безопасности, возлагая эту обязанность на исполнительные органы государственной власти КБР, координирующие деятельность по профилактике правонарушений².

Криминологическое законодательство Краснодарского края возлагает на органы государственной власти субъекта проводить мониторинг в сфере профилактики правонарушений³. Аналогичные положения изложены в законе Ростовской области от 29.12.2016 г. № 933-ЗС «О профилактике правонарушений на территории Ростовской области»⁴.

Положения, закрепленные в региональных законах, выполняют большей частью декларативные функции. Это обусловлено тем,

что криминологическое исследование (мониторинг) относится к сложнейшим видам деятельности, требующим знаний как юридических наук, так и психологии, социологии, статистики и др. Кроме того, огромный объем информации, подлежащей обработке, предопределяет необходимость наличия у исследователей навыков и умения пользоваться соответствующими информационными технологиями, программами анализа данных правовой статистики, криминологического анализа. Отмеченные обстоятельства позволяют констатировать невозможность объективного мониторинга в сфере профилактики правонарушений вследствие отсутствия необходимых специалистов, знаний и возможностей. Подтверждением тому служит, например, отсутствие в государственной программе Краснодарского края 2016–2021 гг. «Обеспечение безопасности населения» в перечне мероприятий подпрограммы «Укрепление правопорядка, профилактики правонарушений, усиление борьбы с преступностью в Краснодарском крае» финансирования проведения социологических исследований с целью определения эффективности мер, принимаемых по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью (п. 1.1.1). Отсюда следует заключение, что их проведение не предполагается⁵.

Опрос криминологов в высших образовательных учреждениях региона свидетельствует об отсутствии обращений со стороны органов государственной власти Краснодарского края, касающихся оказания содействия в создании исследовательских методик, в разработке программ мониторинга, а также фактов привлечения ученых в качестве экспертов.

Научно организованный мониторинг в сфере профилактики правонарушений может содействовать органам управления в поиске решения криминогенных проблем на муниципальном уровне, в прогнозировании криминальных ситуаций, в обосновании туристической и экономической привлекательности муниципального образования или региона, а также способствовать честной оценке деятельности всех субъектов предупреждения преступлений.

Реальное состояние преступности в Российской Федерации – достаточно дискуссионная тема. При ее оценке складывается мнение, являющееся господствующим, о необъективности данных о регистрируемых преступлениях, а соответственно высокой латентности отдельных видов преступлений, высокой криминальной зараженности отдельных городов и райо-

нов, неспособности правоохранительных органов обеспечить безопасность и защиту прав населения. Если ознакомиться со сведениями о количестве заявлений о преступлениях и происшествиях, приведенных в таблице № 1, сомнения в правдивости уголовно-правового статистического учета возрастают. Количество отмен работниками прокуратуры постановлений

об отказе в возбуждении уголовного дела также не коррелирует с ежегодным количеством последних (постановлений о возбуждении уголовного дела).

Таблица № 1

Сведения о качественных и количественных показателях преступности в Российской Федерации с сайтов мфд.рф и genproc.gov.ru

Год	Кол-во заявлений о преступлениях или происшествиях	Кол-во отмен прокуратурой постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	Кол-во преступлений (уголовных дел)	Коэффициент преступности
2008	21 499 523	—	3 209 862	2292
2009	22 788 829	—	2 994 820	2139
2010	23 903 997	—	2 628 799	1877
2011	24 733 853	2 326 896	2 404 807	1717
2012	26 392 871	2 585 732	2 302 168	1644
2013	28 387 122	2 575 024	2 206 249	1535
2014	29 288 545	2 518 508	2 190 578	1481
2015	—	2 516 501	2 388 476	1605
2016	—	2 494 172	2 160 063	1471
2017	—	2 173 857	2 058 476	1401

Проверить факты можно только эмпирическим путем, что и было осуществлено в июне 2017 г. посредством проведения в городе-курорте Геленджике опроса 354 местных жителей и 355 туристов.

Анализ криминогенной обстановки показывает, что в городе-курорте Геленджике зарегистрировано в 2009 г. 1313 преступлений (коэффициент преступности – 247⁶); 2010 г. – 1425 (коэффициент преступности – 259); 2011 г. – 1405 (коэффициент преступности – 255); 2012 г. – 1658 (коэффициент преступности – 285); 2013 г. – 1811 (коэффициент преступности – 294); 2014 г. – 2622 (коэффициент преступности – 403); 2015 г. – 2294 (коэффициент преступности – 330); 2016 г. – 2344 (коэффициент преступности – 325). Негативную тенденцию демонстрирует соотношение приезжих и местного населения, совершивших преступления в городе-курорте: каждое третье деяние совершается приезжим из других регионов России или иностранцем. Проблемой является интернационализация преступников и рост количества преступлений, совершенных иностранными гражданами.

В структуре преступности доминируют посягательства на собственность, среди кото-

рых наиболее распространены кражи: 1) с проникновением в жилище (29 %), 2) из одежды, сумок или другой ручной клади (18 %), 3) из автомобилей (15 %) и 4) из объектов торговли (11 %). Кражи чаще совершаются в дневное время (10.00 – 14.00 час.) – 65 %, мошенничества – с 12.00 до 22.00 час. – 90 %. Места совершения краж можно разделить на группы: 1) коттеджи и апартаменты (21,2 %), 2) арендуемые частные квартиры (19,6 %) и 3) номера в отелях и санаториях (18,4 %). Следующими по распространенности являются мошенничества и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, что характерно для Краснодарского края, занимающего второе место в России по количеству наркопреступлений в структуре преступности с количеством официально зарегистрированных наркоманов в 40 тыс. человек⁷.

Коррелирует с высоким удельным весом преступлений против собственности и уровень виктимизации. В результате опросов установлено (таблица № 2), что ожидаемая вероятность стать жертвой кражи, в том числе совершаемой

из одежды, сумки или другой ручной клади, находящейся при потерпевшем, свойственна 44,5% и 42,5% опрошенных, дорожно-транспортного происшествия – 37%, хулиганских действий – 34,4%. Наименьший страх у нерезидентов вызывает вероятность стать жертвой

убийства – 3,8% респондентов. Примерно 15% туристов женского пола опасаются стать жертвой изнасилования либо сексуального домогательства.

Таблица № 2

Риск стать жертвой преступления по мнению туристов в городе-курорте Геленджик (355 опрошенных, 2017 г.)

	краж	карманной кражи	грабежа	причинения вред здоровью	угона автомобиля	хулиганства	похищения человека	изнасилования	сексуальных домогательств	убийства	террористического акта	стать жертвой ДТП
Все время (%)	10,1	6,2	4,5	3,1	1,4	5,4	3,4	2,3	3,1	4,2	4,2	9,7
Иногда (%)	34,4	36,3	24,5	19,4	18,9	29,0	16,6	12,7	11,3	9,6	16,3	27,3
Никогда (%)	54,6	56,6	69,9	76,3	78,3	64,8	79,2	84,2	84,8	85,4	78,6	62,3

Жители города-курорта Геленджика были опрошены на предмет выявления латентных тенденций преступности и установления высокой частоты повторяемости отдельных видов преступлений. Анализ ответов показал, что криминогенный уровень в населенном пункте достаточно низок, 22% населения за 6 мес. 2017 г. чаще всего соприкасалось со словесными конфликтами с применением насилия, 18,1% сталкивались с кражей имущества из автомобиля, 17,5% – с уничтожением или повреждением имущества. Наиболее распространено в

городе совершение пограничных административных деликтов, способных перерасти в преступления против личности либо общественного порядка. Так, жители города наиболее часто видят, когда пьяные люди шумят на улице или в общественных местах – 62,7% опрошенных были свидетелями такого поведения, а 38,4% видели, как люди мочились в общественных местах.

Таблица № 3

Криминальные события, произошедшие с жителем города-курорта Геленджика либо с его соседями, в течение января – июня 2017 г.

	словесный конфликт с применением насилия	драка с использованием оружия	разбой или уличное ограбление	кража с проникновением в дом/овладение	похищение имущества из автомобиля	уничтожение или повреждение имущества	пьяный шум на улице или в общественных местах	сексуальные домогательства	отправление естественных потребностей в общественных местах
Часто, %	4,5	3,7	2,8	3,1	4,0	3,4	26,3	4,8	8,2

Иногда, %	17,5	5,4	7,1	8,2	14,1	14,1	36,4	8,5	30,2
Редко, %	24,6	5,9	13,0	21,5	20,1	27,1	18,1	10,2	24,6
Никогда, %	53,4	85,0	77,1	67,2	61,9	55,4	19,2	76,6	37,0

Доверие полиции – это криминологическая категория, позволяющая определить позитивную динамику в потребности подчиниться авторитету правоохранительных органов, в одобрительном восприятии права на принуждение, и главное, – оценить справедливость и моральную сторону деятельности субъектов профилактики. Судя по результатам, изложенным в таблице № 4, вера в продуктивную деятельность полиции присуща в среднем 65% опрошенных туристов и местных жителей. Данный результат серьезно отличается от предыдущих

исследований, согласно которым доверие полиции не превышало 40%, и этот показатель определялся как причина негативных тенденций российской преступности⁸. Опрос подтверждает способность полиции города-курорта Геленджика обеспечить охрану общественного порядка и общественную безопасность на уровне, необходимом для спокойствия граждан.

Таблица № 4

Мнение населения о деятельности полиции (%)

	Полностью согласен		согласен		Не согласен		Полностью не согласен	
	местный	турист	местный	турист	Местный	турист	местный	турист
У полиции всегда найдется время выслушать население	13,0	28,9	52,8	44,7	29,4	26,3	4,8	0
Полиция хорошо выполняет работу по контролю над преступностью	12,4	15,8	50,0	50,0	32,5	28,9	5,1	5,3
Полиция хорошо выполняет работу по поддержанию общественного порядка	20,3	23,7	51,1	44,7	23,4	26,3	5,1	5,3
Полиция хорошо предупреждает преступления	13,8	15,8	46,0	50,0	34,5	21,1	5,6	13,2
Полиция в этом городе заслуживает доверия	15,8	10,5	46,9	44,7	30,5	34,2	6,8	10,5

Доверие к полиции порождает у населения желание оказывать ей содействие в противодействии и предупреждении преступлений. Данные мониторинга свидетельствуют, что уровень правосознания у жителей Геленджика и у приезжих идентичен. Соответственно, сообщит о преступлении, свидетелем которого стал,

92,1% жителей и 94,8% туристов; сообщат о подозрительных лицах 85,2% местных жителей и 84,2% нерезидентов; готовы сотрудничать с участковым инспектором полиции 72,6% опрошенных горожан и 55,3% туристов.

Таблица № 5

Мнение населения о готовности оказать содействие полиции (%)

	очень возможно		возможно		невозможно		вообще невозможно	
	местный	турист	местный	турист	местный	турист	местный	турист

Позвонить в полицию и сообщить о преступлении, свидетелем которого Вы стали	41,8	63,2	50,3	31,6	5,4	5,3	2,5	0
Позвонить в полицию и сообщить о подозрительных действиях (поведении) Ваших соседей	31,5	28,9	53,7	55,3	12,1	15,8	2,8	0
Позвонить в полицию с сообщением о происшествии, случайным очевидцем которого Вы стали	29,7	28,9	56,2	47,4	11,3	18,4	2,8	5,3
Готовы сообщать информацию полиции о подозрительных лицах	28,0	15,8	50,6	55,3	16,9	21,1	4,5	7,9
Готовы сотрудничать с участковым инспектором полиции Вашего района	25,1	13,2	47,5	42,1	17,8	15,8	9,6	28,9

Криминология представляет собой не только систему знаний о преступности, но и систему познания преступности. Практическая значимость криминологии заключается в разработке программ и стратегий противодействия преступности на государственном и региональном уровнях, разработке рекомендаций, направленных на предупреждение преступлений, мер по нейтрализации криминогенных факторов, усилению влияния на преступность анткриминогенных явлений⁹, оценке социальной обусловленности и результативности эффективности законодательства о противодействии преступности¹⁰. Оптимальная превентивная деятельность может быть основана, прежде всего, на объективной, полной и всесторонней информации о преступности и ее закономерностях. Существенной проблемой, влияющей на дискурс о всесторонней криминологической информации, является отсутствие единой «терминологической конвенции»¹, а также признание научным сообществом результатов эмпирических исследований и данных правовой статистики. В связи с отсутствием на межрегиональном и федеральном уровнях объемных криминологических исследований вопросов

виктимности, доверия правоохранительной системе, страха перед преступностью, проводимых университетами либо научно-исследовательскими институтами, в иностранной научной печати можно встретить касающиеся России криминологические данные, вызывающие сомнения в их достоверности. Должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления и российское научное сообщество не воспринимает серьезно результаты исследований эффективности профилактической работы, анализы криминогенных детерминантов и криминологические прогнозы, оценки эффективности деятельности субъектов. Решение данной проблемы видится в создании единого банка данных результатов криминологических исследований с местом хранения информации на сервере Российской криминологической ассоциации. Результаты региональных и муниципальных криминологических мониторингов могут храниться на сервере региональных управлений или департаментов, к компетенции которых относится обеспечение общественной безопасности и взаимодействие с правоохранительными органами.

Отсутствие четкого определения конкретных министерств, ведомств, агентств как субъектов профилактики в Федеральном законе № 182-ФЗ наносит вред системе предупреждения правонарушений и преступлений. В зарубежной криминологии и в управленческой деятельности перечень таких организаций давно определен – это правоохранительные органы. Основная нагрузка профилактической работы ложится на полицию, федеральную службу безопасности, федеральную службу исполнения наказаний, национальную гвардию и военную полицию. Эти ведомства и должны создать основной координационный орган – Совет по предупреждению преступлений, руководителем которого должен быть представитель министерства внутренних дел. При названном Совете и должна создаваться структура, которая будет осуществлять мониторинг в сфере профилактики правонарушений.

Обобщая изложенное, можно заключить, что термин «мониторинг в сфере профилактики правонарушений» введен в действие как федеральным, так и региональным законодательством и существует в качестве криминологического института с 2016 г. Вместе с тем до настоящего времени не получили легального закрепления на федеральном и региональном уровнях порядок и основания его проведения, не определены субъекты, на которых должна быть возложена функция непосредственного выполнения исследований, их права, полномочия, а также ответственность. Данную проблему предлагается решить посредством формирования регионального и муниципального законодательства. Согласно Конституции РФ обеспечение правопорядка и общественной безопасности, а соответственно, изучение криминогенных детерминантов, криминологический анализ и учет относятся к ведению Российской Федерации и субъектов. Вне пределов ведения и полномочий по предметам совместного ведения РФ и субъектов российские регионы обладают всей полнотой государственной власти и имеют полное право на создание всей системы криминологического законодательства. Это, собственно говоря, и произошло. Криминологическое законодательство начало формироваться на региональном уровне раньше, чем на федеральном. Органы местного самоуправления должны осуществлять охрану обществен-

ного порядка, и для этого они могут быть наделены соответствующими государственными полномочиями (ст. 132). Следовательно, муниципалитеты могут регулировать нормативными актами общественные отношения в сфере криминологического мониторинга.

Результаты мониторинга виктимности и доверия полиции показывает, что у населения сформировались правые установки, направленные на активное их участие в противодействии правонарушениям и преступлениям. Вместе с тем считать участие представителей казачьих общественных организаций Краснодарского края в охране общественного порядка представительством всего населения в профилактике правонарушений не совсем верно. Кроме того, немало нареканий вызывают права и полномочия представителей казачьих обществ в сфере охраны общественного порядка. Назрела необходимость, изучив зарубежный опыт – «Community Policy», «Police Assistant», вспомнив советский – деятельность добровольных народных дружин, институт внештатного сотрудника милиции, на региональном уровне разработать и принять закон «Об участии граждан в охране правопорядка и профилактике правонарушений». В данном нормативном акте следует детально регламентировать права, обязанности, полномочия граждан, участвующих в охране правопорядка и в профилактической деятельности, систему поощрений для них. Предлагается передать часть полицейских полномочий таким гражданам. В частности, по проверке лиц, находящихся под административным надзором, либо лиц, состоящих на профилактическом учете за совершение правонарушений.

Мониторинг в сфере профилактики правонарушений не является очередной помехой в осуществлении административной и полицейской деятельности. При его правильном и регулярном проведении органы государственной и муниципальной власти, полиция получают объективные знания о причинах и условиях преступлений на определенной территории, вследствие политической или служебной заинтересованности укрываемые от руководства. Эти знания помогут принять грамотные управленческие решения, которые при минимальных финансовых затратах позволят устранять причины серьезных и резонансных преступлений или происшествий, улучшат туристическую и экономическую привлекательность региона.

¹ Закона Санкт-Петербурга от 04.06.2007 г. № 230-42 (ред. от 28.12.2016 г.) «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге»: опубликован на официальном интернет-портале правовой информации – URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Закон Республики Крым от 01.09.2014 г. № 60-ЗПК «О профилактике правонарушений в Республике Крым» // Ведомости Государственного совета Республики Крым. 2014. № 3. Часть 1.

² Закон Кабардино-Балкарской Республики от 25.02.2010 г. № 14-РЗ (ред. от 17.03.2014 г.) «О системе профилактики правонарушений в Кабардино-Балкарской Республике» // Официальная Кабардино-Балкария. 2010. № 9.

³ Закон Краснодарского края от 01.11.2013 г. № 2824-КЗ (ред. от 03.03.2017 г.) «О профилактике правонарушений в Краснодарском крае» // Официальный сайт администрации Краснодарского края – URL: <http://admkrasnodar.ru>.

⁴ Областной закон Ростовской области от 29.12.2016 г. № 933-ЗС «О профилактике правонарушений на территории Ростовской области» // Официальный портал правовой информации Ростовской области – URL: <http://pravo.donland.ru>.

⁵ Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.11.2015 г. № 1039 (ред. от 09.02.2017 г.) «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения» // URL: <http://base.garant.ru/36909498/>.

⁶ Коэффициент преступности определялся на 10 тыс. населения в связи с тем, что население Геленджикского района Краснодарского края не превышает 100 тыс.

⁷ Прохорова М.Л. Наркотики: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; она же. Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму: миф или реальность? // Российский следователь. 2012. № 23. С. 30–31.

⁸ Ильченко В.А. Общественное мнение о полиции: к проблеме формирования общественного доверия к полиции в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 133–136; Дук Ю.И. Полиция и общество – пути восстановления доверия // Социология. 2015. № 1. С. 75–78; Mike Hough and Stefano Maffei Trust in Justice: Thinking about Legitimacy // Newsletter of the European Society of Criminology: Criminology in Europe. 2012. 2 (vol. 12). Pp. 4–10.

⁹ Криминология: учебник для студентов вузов / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили / под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 28.

¹⁰ Клейменов М.П., Клейменов И.М. Криминология в современном мире // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 1. С. 5-13.

¹¹ Щедрин Н.В. О необходимости терминологической конвенции (на примере общей теории предупреждения преступлений) // Российский криминологический взгляд. 2014. № 1. С. 280-284.

НАКАЗАНИЕ КАК ПРЕВЕНТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ: ОБЗОР ИНТЕГРАТИВНЫХ ПОДХОДОВ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СДЕРЖИВАНИЯ

Гурина А.Л.

*доцент кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург) кандидат юридических наук, доцент*

Ключевые слова: наказание, теория сдерживания, теория рационального выбора, поведенческая экономика, ситуационное предупреждение преступлений, теория самоконтроля

Аннотация: В работе на основе анализа криминологической литературы рассматриваются основные направления, по которым происходит интеграция теории сдерживания с иными теориями. Из начальной задачей теории сдерживания являлась оценка общепревентивной функции наказания. В последние годы в наибольшей степени концептуальное единство было достигнуто с криминологической теорией рационального выбора. В статье демонстрируется, что обе теории отталкиваются от модели индивида как рационального субъекта, способного подсчитать выгоды и убытки от своего поведения и принимающего решение о совершении преступления на основании этих подсчетов. Вместе с тем, мы показываем, что, благодаря интеграции с поведенческой экономикой (теорией перспектив и теорией двух систем мышления), теория сдерживания обогатилась представлениями о том, что индивид не всегда абсолютно рационален; его поведение может быть обусловлено предпочтениями в отношении риска и неопределенности, а также особенностями когнитивных процессов. Далее в статье рассматривается, как интеграция с теорией самоконтроля обращает интерес к особенностям личности правонарушителя и позволяет более полно изучить механизм индивидуального преступного поведения. Выводы, сформулированные в заключении, основываются на проведенном обзоре теоретических источников и работ эмпирического характера.

Keywords: punishment, deterrence theory, rational choice theory, behavioral economics, situational crime prevention, self-control theory.

The summary: The article reviews literature that addresses the question of integration of deterrence theory with other criminological and non-criminological theories. Deterrence theory was originally formulated to test the deterrent potential of punishment. However, we demonstrate that recently it became integrated with rational choice theory. Both theories view individual as a rational subject that is capable of estimating costs and benefits of his/her behavior and deciding to commit crime based on these estimations. We also address the issue of integration with behavioral economics (prospect theory and dual system theory) that contributed to the new vision of individual as being non-necessarily rational; individual's behavior is determined by his/her attitudes towards risk and uncertainty as well as cognitive processes. The article also summarizes recent research projects that test proposition grounded in deterrence as well as self-control theory. This integration allows to provide a more complex analysis of the mechanism of individual criminal behavior. Conclusions are grounded in the review of theoretical as well as empirical articles.

Теория сдерживания относится к тому типу криминологических теорий, которые основаны на идее о том, что правонарушители не отличаются от законопослушных граждан, а преступление является результатом реализации благоприятной возможности¹. Это исследовательское направление отталкивается от идей

классической школой криминологии, в частности, работ Ч. Беккариа и Дж. Бентама. Кроме того, роль в возрождении научного интереса к этой теории играли представители экономической науки - специалисты в области экономического анализа права². В последние десятилетия теория сдерживания активно интегрируется с

другими теоретическими подходами: теорией рационального выбора, ситуационного предупреждения преступлений, поведенческой экономики, общей теорией преступности (теорией само-контроля). В центре интегративных теоретических представлений находится не только наказание, а в целом ситуация совершения преступления, а также личностные особенности правонарушителя. Сдерживание с помощью угрозы наказания является лишь одним из аспектов новых теорий. Из простого предположения о том, что уголовному закону и наказанию должна принадлежать существенная роль в удержании людей от совершения преступлений, теория сдерживания на современном этапе превратилась в сложную конструкцию, детальным образом объясняющую механизм действия общей превенции через процесс субъективного восприятия санкций и оперирующую большим количеством теоретических понятий.

Из основных предпосылок новых интегративных теорий следует, что предупреждение преступлений должно строиться прежде всего на основе воздействия на ситуацию совершения преступлений. Задачей превентивных стратегий должно стать повышение усилий, требующихся для совершения преступления, степени воспринимаемых преступником рисков, а также снижение уровня воспринимаемых выгод. Целью настоящей работы является рассмотрение того, каким образом происходила интеграции теории сдерживания и других криминологических, психологических и экономических подходов. В связи с этим мы ставим задачи по освещению основных теоретических положений, свойственных новым интегративным подходам и изложению выводов некоторых эмпирических исследований.

Теория сдерживания и теория рационального выбора. Теория сдерживания и теория рационального выбора появились в последней трети 20 века в качестве относительно самостоятельных наборов предположений о факторах, предопределяющих выбор преступного поведения. Но в последние десятилетия одни сливаются в единое исследовательское направление. Считается, что теория рационального выбора была импортирована в криминологию не из классической криминологии, а из экономической теории³. Экономист Г. Беккер ставит задачу разработать максимально оптимальные с экономической точки зрения меры борьбы с преступностью и утверждает, что криминологическая наука, если она хочет быть полезна для правоприменительной практики, должна применить к криминологической проблематике

традиционный экономический анализ, изучающий, каким образом индивиды осуществляют выбор своего поведения⁴. Р. Познер, другой знаменитый пионер в области экономического анализа права и преступности, полагал, что преступлением является любое поведение, которое идет в обход рыночных механизмов, а значит с экономической точки зрения является неэффективным⁵.

С экономической точки зрения, решение о совершении преступления ничем не отличается от любого другого типа поведения – решения поменять работу, пойти в кино или совершить покупку. Согласно экономической модели ожидаемой полезности (*expected utility model*), индивид совершит преступление в том случае, если ожидаемая полезность от этого действия превысит полезность от траты времени и иных ресурсов на занятие другой деятельностью. Г. Беккер указывает, что люди становятся преступниками не потому, что они в большей степени мотивированы на совершение преступлений, а потому, что они по-другому оценивают выгоды и убытки от своего поведения⁶. Он также подчеркивает, что выгодность совершения преступления определяется отношением правонарушителя к риску, и не связана напрямую с эффективностью деятельности полиции или с суммами, потраченным из государственного бюджета на борьбу с преступностью⁷. Но государство может использовать понимание этого обстоятельства на то, чтобы создать более эффективные модели противодействия преступности.

В криминологии родоначальниками теории рационального выбора считаются Д. Корниш и Р. Кларк., которые в середине 1980-х гг. опубликовали ряд работ, содержащих основные теоретические положения этого подхода⁸. Отправной точкой теории является положение о том, что любое преступление, даже кажущееся на первый взгляд иррациональным, всегда совершается после предварительного (пусть иногда и мгновенного) обдумывания и принятия решения. Оно всегда направлено на то, чтобы принести выгоду правонарушителю. Эта выгода не всегда является материальной. Часто индивид идет на преступление из соображений престижа, получения морального или сексуального удовлетворения, от скуки или желания получить острые ощущения.

При этом теория рационального выбора утверждает, что в реальной жизни, в отличие от экономических моделей, имитирующих поведение в реальности, рациональность не является абсолютной. Важно подчеркнуть, что даже экономическая модель ожидаемой полезности

не предполагает, что индивид обладает идеальной информацией о всех возможных альтернативах поведения и способен принять именно наилучшее из всех возможных решений. В ее основе лежит предположение о том, что рациональность индивида является ограниченной⁹, но он в состоянии собирать, обрабатывать информацию и принимать на ее основе такие решения, которые максимизируют его выгоду и минимизируют потери¹⁰.

Действительно, индивид не всегда в полной мере осознает все имеющиеся возможности, грозящие опасности, потенциальные последствия, да и не может их осознать ввиду недостатка информации. Результатом этого является принятие спонтанных или эмоциональных решений – вместо детального продумывания всех аспектов потенциального преступления, правонарушитель полагается на имеющийся опыт и импровизирует в непредвиденной ситуации. Таким образом, в случае, когда время на принятие решения ограничено, отсутствует полная информация, и не все ресурсы доступны, процесс принятия решения индивидом будет рациональным, хотя и ограниченно-рациональным.

В настоящее время теория рационального выбора является логическим продолжением теории сдерживания. Точнее, эти два направления работают в русле единой исследовательской парадигмы рационального выбора. Например, в работе Т. Бэйкера и Т. Пикеро анализ факторов, которые удерживают индивида от совершения преступлений дополняется изучением тех обстоятельств, которые находятся на стороне не убытков, а благ, которые можно получить в результате нарушения закона¹¹. В своей работе ученые впервые проводят мета-оценку более чем 40 исследований, посвященных именно этой части уравнения. Под благами, которые нарушитель ожидает получить, совершая преступление, можно понимать психологические блага (ощущение подъема, удовольствия, собственного превосходства), а также материальные. Как продемонстрировало исследование, для преступников, относящихся к группе риска, возможность получения материальных благ была менее существенным фактором, чем для других типов преступников.

Теория рационального выбора рассматривает не только вопрос о выгодах и издержках преступного поведения. В работе С. Анвар и Т. Лугрэна изучается влияние имеющегося опыта совершения преступлений на решимость продолжить преступную деятельность. Используя Байесовскую модель научения¹², ученые показывают, как люди «обновляют» свое восприятие

риска совершения преступления с течением времени¹³. В том случае, если индивида уже задерживали в прошлом за совершение преступления, он склонен оценивать вероятность будущего ареста на 6,3 процента выше, чем новичок. А еще более опытные преступники, напротив, менее восприимчивы к фактам задержания в прошлом. Другие исследователи обращали внимание на то, что восприятие риска зависит и еще от ряда иных ситуативных факторов (наличие камер видеонаблюдения или присутствие полицейских), соответственно, под влиянием этих факторов индивиды также будут обновлять свои представления¹⁴. Индивид попадает в ситуацию совершения преступления, обладая определенным восприятием рисков, но это восприятие будет меняться в зависимости от факторов окружающей среды¹⁵. Оценка роли этих факторов в процессе принятия решений является перспективным направлением развития криминологической теории сдерживания.

Д. Нэгин, Р. Солоу и С. Лам создают интегративную теорию сдерживания (НСЛ-теория)¹⁶, объединяющую подходы классической теории сдерживания, криминологии окружающей среды, теории полицейской деятельности. Эта модель принимает во внимание как убытки, так и выгоду от совершения преступления, и может использоваться для совершенствования полицейской деятельности, осуществляемой на основе анализа «горячих точек», случайного патрулирования и проблемно-ориентированного подхода к полицейской деятельности. Они указывают, что полицию следуют чаще привлекать к превентивной деятельности в качестве «часовых», которые препятствовали бы формированию преступного намерения посягнуть на определенную цель. НСЛ-теория объясняет, почему превенция является эффективнее реакции (задержания преступника). Раскрываемость преступлений, по их мнению, не является показателем, который указывал бы на успешность полицейской деятельности. Поскольку аресты не обладают существенным общепревентивным эффектом, этот эффект мог бы обеспечиваться именно за счет физического присутствия полицейских в «горячих точках», т.е. тех местах, где возможность совершения преступлений наиболее высока.

Дж. Пикет и С. Роше высказали сомнения в верности этой теории и предложили альтернативное объяснение¹⁷. Они предлагают рассматривать индивида как реальное существо, а не как идеального экономического агента. Для такого человека сдерживающим эффектом обладала бы, например, достоверная информация

о степени вероятности ареста, на основании которой он бы обновлял свои субъективные представления о рисках¹⁸. То есть эффективными должны быть не символические превентивные меры, а информирование потенциальных правонарушителей и «подталкивание» их в сторону законопослушного поведения¹⁹. В настоящий момент криминологии провели еще не так много исследований, основанных на идеях поведенческой экономики, но эта область представляется одним из наиболее перспективных направлений в рамках теорий сдерживания и р

а Теория сдерживания и поведенческая экономика. Теория сдерживания в последние 10-15 лет существенно усложнилась и все активнее пользуется достижениями бихевиоральной (поведенческой) экономики, в частности, идеями теории перспектив (prospect theory) Д. Канемана и А. Тверски, разработанной для анализа поведения человека в условиях риска и принесшей авторам Нобелевскую премию²¹. Согласно базовым положениям этой теории, люди, во-первых, тяжелее воспринимают потери, чем радуются от сравнимых выигрышей, во-вторых, имеет значение не конечный выигрыш или потеря, а их относительная ценность, в-третьих, в случае, когда вероятность события крайне низка, люди склонны недооценивать риски, что может приводить к высоко-рискованному поведению, а в случае, когда вероятность высока, люди склонны преувеличивать риск и воздерживаться от соответствующего поведения. Новый виток развития теории сдерживания показывает, какое значение эта теория имеет для такого рискованного поведения, как преступное. Рассмотрим подробнее результаты ряда эмпирических исследований последних двух десятилетий.

В ряде работ Д. Нэгина и Г. Погарски теория сдерживания концептуально усложняется и интегрирует идеи теории перспектив. В исследовании 2001 г., впервые была протестирована трехкомпонентная модель сдерживания с помощью наказания (оценивалось восприятие его суровости, неотвратимости, а также быстроты). В ходе исследования студентам было предложено оценить гипотетический сценарий, описывающий такое правонарушение, как вождение в нетрезвом виде²². Исследователи варьировали виды формальных санкций и быстроту их наступления; также оценивался эффект неформальных санкций и восприятие вероятности задержания полицией. Выводы исследования в целом подтверждали предположения теории сдерживания – студентов удерживала неизбежность наказания, но не суровость или быстрота

его применения. А наибольшим эффектом обладали неформальные санкции. Другим интересным выводом этого исследования было то, что ученые обнаружили, вопреки предположениям экономистов, что для определенного числа респондентов эффект дисконтирования применительно к формальным санкциям является обратным – то есть последствия санкций, наступающих позже, воспринимаются людьми как более негативные, чем санкций немедленных.

Подтверждение более весомого эффекта неотвратимости наказания в сравнении с суровостью было получено в работе этих же авторов в 2003 г.²³. Проведенный эксперимент позволил оценить значение индивидуальных характеристик респондентов и ситуативных факторов для сдерживания и подтвердил, что чаще жульничают на экзаменах те студенты, которые импульсивны, не обладают хорошими способностями решать проблемы, приписывают все достижения своим способностям, а неудачи – плохо сложившимся обстоятельствам, и которые склонны к иным формам девиантного поведения.

Используя данные из национального опроса о здоровье несовершеннолетних Д. Нэгин и Г. Погарски делают вывод о том, что сдерживание работает неодинаково для разных типов преступлений и разных типов правонарушителей²⁴. Импульсивные мужчины, т.е. те, кто не задумывается о будущем при принятии решения о совершении преступления, менее подвержены влиянию угрозы санкций при совершении насильственных преступлений. Те же мужчины, которые недооценивают отдаленные последствия санкций, и вообще любые события, которые произойдут в будущем, не боятся совершать имущественные преступления, а их импульсивность играет чуть меньшую роль. Ситуация с женщинами-правонарушительницами сложнее. Эффект импульсивности был найден только для одного типа преступлений. А недооценка отдаленных последствий имела значение для трех типов преступлений, как имущественных, так и насильственных.

Используя данные двух опросов граждан, Т. Лугран, Р. Патерностер, Г. Погарски и Р. Пикеро проверили, предпочитают ли люди определенность, воздерживаются ли они от принятия решений в том случае, если результат поведения совершенно невозможно предсказать, при принятии решений о совершении преступлений²⁵. Выяснилось, что студенты предпочитали воздерживаться от совершения поступка, убытки и выгоды от которого не были в достаточной степени определенными. Это может

означать, что более неопределенное наказание в лучшей степени удерживает от совершения преступлений. Данные второго опроса указали на еще более интересные зависимости между неопределенностью и поведением. Выяснилось, что, когда люди воспринимают вероятность наказания как низкую, они склонны воздерживаться от рисков. Однако если вероятность высока, то люди готовы рисковать, но только в том случае, если им не вполне понятно, какое наказание их может ждать. То есть в ряде случаев индивиды предпочитают неопределенность определенности.

В работе этих же авторов 2012 г. была выявлена функциональная форма зависимости между восприятием риска и правонарушениями. Выяснилось, что сдерживающая функция наказания активируется лишь в том случае, когда степень восприятия риска достигает определенного порогового значения и не превышает его (вероятность задержания должна быть в промежутке между 0,3 и 0,4²⁶). При этом более высокая оценка риска связана с усилением сдерживающего эффекта. То есть даже при незначительном изменении оценки вероятности задержания правонарушители, которые считают, что вероятность задержания очень высока, будут все в большей степени склонны принимать решение об отказе от совершения преступления.

Используя иную исследовательскую методологию, С. Бушвэй и Э. Оуэнс доказали, что в том случае, если судьи при назначении наказания не соблюдают рекомендации, предложенные законодателем, а назначают более короткие сроки лишения свободы, то это способствует увеличению уровня рецидива²⁷. Этот вывод также соответствует положениям теории перспектив: если осужденному назначается наказание ниже того, на которое он рассчитывал, то это может способствовать увеличению его преступной активности в будущем.

Теория сдерживания и теория самоконтроля. Другим современным направлением в теории сдерживания является попытка ее интеграции и с более традиционными криминологическими теориями, которые связывают преступное поведение и устойчивые черты характера индивида. Одной из таких теорий является теория самоконтроля М. Готтфредсона и Т. Хирши²⁸. Так, еще в 1993 г. Д. Нэгин и Р. Патерностер обнаружили, что преступное поведение объясняется переменными, которые используются обеими теориями²⁹. Позднее А. Пикеро и С. Тиббетс оценивали влияние самоконтроля и ситуативных факторов (восприятия рисков со-

вершения преступления) на решимость совершить преступление³⁰ и пришли к выводу, что низкий самоконтроль снижает значение рациональных оценок вероятности ареста. Теория ситуативных действий П.-О. Викстрема³¹, интегрирующая теорию рационального выбора и теории о факторах, детерминирующих склонность к совершению преступлений, напротив, предсказывает, что низкий уровень самоконтроля увеличивает сдерживающий эффект наказания³². Эмпирическая проверка этого теоретического положения в России³³, а также в 3

т Интеграция теории сдерживания и теории самоконтроля также осуществлялась с помощью привлечения идей из области поведенческой экономики, а именно теории о двух системах мышления³⁵. В популярной форме эта теория изложена в книге Нобелевского лауреата Д. Канемана «Думай медленно... Решай быстро³⁶». Он предположил, что поведение человека определяется не одной, а двумя системами мышления. Первая заставляет нас действовать интуитивно, быстро, автоматически, практически без участия сознания. Она является реактивной и используется при необходимости принять быстрое решение «здесь и сейчас», часто основывается на привычках и социальных ожиданиях. Подчинить эту систему доле удастся не всегда. Суждения формируются на основе ярлыков, которые называются эвристикой. А вторая система мышления позволяет тщательно обдумывать свое поведение, взвешивать различные альтернативы. Эти системы действуют одновременно, но их влияние на итоговое решение зависит от индивидуальных различий, ситуативных факторов и желаемых результатов³⁷. Применительно к преступному поведению эта теория позволяет понять, почему индивиды совершают преступления в том случае, если выгода от его совершения крайне мала, а вот последствия могут быть крайне не-

б п Наличие двух систем мышления позволяет объединить в одной объяснительной модели как идею о рациональности, так и такой детерминирующий преступное поведение фактор, как импульсивность, присущую тем, кто не обладает самоконтролем³⁹. Исследователи пришли к выводу, что высокий уровень когнитивных способностей, связанных с работой второй (медленной) системы мышления, в некоторой степени влияет на решимость совершить преступление. В изначальной версии теории М. Готтфредсона и Т. Хирши уровень импульсивности был одним из шести факторов, свиде-

34

д
о
л
г
о

тельствующих о наличии или отсутствии самоконтроля. Ч. Мамаек и ее коллеги в своем исследовании продемонстрировали, что импульсивность и самоконтроль - это две разные переменные. При этом импульсивность является характеристикой быстрой системы мышления, а самоконтроль - медленной. Соответственно, наименее склонны совершать правонарушения те, кто не импульсивен и обладает самоконтролем, но даже высокий уровень самоконтроля в сочетании с высокой импульсивностью не спо-

Заключение. Следует отметить, что современные интегративные модели бросают тень на саму основополагающую идею теории сдерживания о рациональности индивида. Чем более тщательными и сложными становятся эмпирические исследования, тем менее разумным предстает индивид. Это заставляет некоторых исследователей призывать к отказу от теоретической модели рационального индивида в пользу изучения чисто ситуативных элементов механизма преступления⁴¹. Заметим, что такой безразличный взгляд на место правонарушителя в системе ситуационного предупреждения преступлений резонирует с таким же его образом в пенитенциарной системе. Он объект, к которому применяются определенные управленческие стратегии - будь то превентивное наказание, превентивные принудительные мера или наблюдение с помощью видеокамер. При этом криминологи указывают даже, что восприятие индивида как рационального мешает эффектив-

но Тем не менее в последние годы интегративная теория принятия решений (а именно так наиболее правильно было бы называть современные подходы, основанные на теории сдерживания) набирает все большую популярность, и в издательстве Оксфордского университета в 2017 г. выходит даже отдельное Руководство по изучению того, как правонарушитель принимает решение о совершении преступления⁴³. Т. Шугрэн и коллеги публикуют работу, в которой доказывают, что теория рационального выбора является общей теорией преступности, т.е. такой интегративной теорией, которая обладает объяснительным потенциалом в отношении любых типов преступного поведения⁴⁴. Мы видим, что эта теория позволяет объяснять мелкие правонарушения, тяжкие насильственные преступления, имущественные и должностные преступления, беловоротничковую и организованную преступность, киберпреступления. Теория принятия решений не рассматривает индивида как исключительно экономического рационального агента, а интегрирует положения и

других психологических и криминологических теорий о личностных особенностях правонарушителя.

На статус всеобъемлющей теории ранее претендовала теория самоконтроля, но, по всей видимости, в настоящее время идеи о рациональном выборе в большей степени соответствует потребностям практики предупреждения преступности. Теория принятия решений объясняет преступное поведение с помощью указания на «управляемые» факторы - повышение вероятности задержания, скорости реагирования на совершение преступления, символическое или реальное увеличение числа полицейских на улицах, патрулирование «горячих точек». Одновременно с этим теория определенно указывает на те параметры личности правонарушителя, которые приводят к совершению преступлений. Импульсивность, недостаток когнитивных способностей - это те факторы, которые тоже поддаются воздействию и относительно легко диагностируются для определения степени риска индивида. Несмотря на то, что мета-исследования демонстрируют в целом достаточно низкий предсказательный потенциал теорий рационального выбора в сравнении с другими криминологическими теориями, именно полезность для современной практики контроля над преступностью и объясняет такую популярность теорий рационального выбора.

Теория сдерживания предлагает предупреждать преступления не только с помощью реального усиления правоохранительной деятельности. Государство может использовать большой арсенал символических средств, которые демонстрировали бы правонарушителю, что совершать преступление невыгодно, поскольку риск быть задержанным довольно высок. Как указывают Дж. Пиккетт и его коллеги, страх может быть мощным сдерживающим ситуативным фактором, но также он влияет и на формирование предрасположенности совершить преступление⁴⁵. Более того, уровень испытываемого страха является более значимым фактором, нежели самоконтроль или опыт⁴⁶. Ученым еще предстоит выяснить, как именно следует «пугать» правонарушителей, чтобы удержать их от совершения преступлений, каких именно индивидов можно удержать от причинения вреда с помощью воздействия на их когнитивные способности и эмоции. Однако совершенно очевидно, что современные стратегии предупреждения преступлений будут и дальше строиться с учетом достижений интегративной теории сдерживания.

- ¹ Подробнее о различиях этих подходов см.: Nagin D. S., Paternoster R. Enduring individual differences and rational choice theories of crime // *Law and Society Review*. 1993. Vol. 27. No. 3. P. 467-496.
- ² Латов Ю.В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // *Истоки*. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 228-270.
- ³ Paternoster R., Bachman R. Perceptual deterrence theory // *The Oxford handbook of criminological theory*. / Ed. by Cullen F. T., Wilcox P. – Oxford University Press, 2015. P. 19.
- ⁴ Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach // *Journal of Political Economy*. – 1968. – Vol. 76. – №. 2. – P. 170.
- ⁵ Posner R. A. An economic theory of the criminal law // *Columbia law review*. – 1985. – Vol. 85. – №. 6. – P. 1200.
- ⁶ Becker G.S. P. 176.
- ⁷ Ibid. P. 179.
- ⁸ Clarke R. V., Cornish D. B. Modeling offenders' decisions: A framework for research and policy // *Crime and justice*. – 1985. – Vol. 6. – P. 147-185; Cornish D. B., Clarke R. V. (ed.). *Reasoning Criminal-Rational Choice Perspectives on Offending*. – Springer-Verlag, 1986.
- ⁹ Подробнее о концепции ограниченной рациональности см.: Simon H. A. Theories of bounded rationality // *Decision and organization*. 1972. Vol. 1. №. 1. P. 161-176.
- ¹⁰ Paternoster R., Bachman R. Op. cit. P. 19.
- ¹¹ Baker T., Piquero A. R. Assessing the perceived benefits—criminal offending relationship // *Journal of Criminal Justice*. 2010. Vol. 38. №. 5. P. 981-987.
- ¹² Байесовская модель научения основывается на теории вероятности Т. Байеса; она объясняет, каким образом индивиды меняют свои субъективные представления о действительности на основе полученного нового знания.
- ¹³ Anwar S., Loughran T. A. Testing a Bayesian learning theory of deterrence among serious juvenile offenders // *Criminology*. 2011. Vol. 49. №. 3. P. 667-698.
- ¹⁴ Pogarsky G., Roche S. P., Pickett J. T. Heuristics and biases, rational choice, and sanction perceptions // *Criminology*. 2017. Vol. 55. №. 1. P. 85-111.
- ¹⁵ Ibid. P. 102.
- ¹⁶ Nagin D. S., Solow R. M., Lum C. Deterrence, criminal opportunities, and police // *Criminology*. 2015. Vol. 53. №. 1. P. 74-100.
- ¹⁷ Pickett J. T., Roche S. P. Arrested development // *Criminology & Public Policy*. 2016. Vol. 15. №. 3. P. 727-751.
- ¹⁸ Pickett J. T., Loughran T. A., Bushway S. Consequences of legal risk communication for sanction perception updating and white-collar criminality // *Journal of Experimental Criminology*. 2016. Vol. 12. №. 1. P. 75-104.
- ¹⁹ О теории «подталкивания» см.: Sunstein C. R., Thaler R. H. Libertarian paternalism is not an oxymoron // *The University of Chicago Law Review*. – 2003. – Vol. 70 (4). P. 1159-1202; Thaler R., Sunstein C. *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. – New Haven: Yale University Press, 2008. 293 p. В русском переводе см.: Талер Р., Санстейн К. *Nudge. Архитектура выбора*. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2017. 240 с.
- ²⁰ См., например: Pickett J. T., Roche S. P., Pogarsky G. Toward a bifurcated theory of emotional deterrence // *Criminology*. 2018. Vol. 56. №. 1. P. 27-58.
- ²¹ Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. №. 2. P. 263-292; Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty // *Journal of Risk and uncertainty*. 1992. Vol. 5. №. 4. P. 297-323.
- ²² Nagin D. S., Pogarsky G. Integrating celerity, impulsivity, and extralegal sanction threats into a model of general deterrence: Theory and evidence // *Criminology*. 2001. Vol. 39. №. 4. P. 865-892.
- ²³ Nagin D. S., Pogarsky G. An experimental investigation of deterrence: Cheating, self-serving bias, and impulsivity // *Criminology*. 2003. Vol. 41. №. 1. P. 167-194.
- ²⁴ Nagin D. S., Pogarsky G. Time and punishment: Delayed consequences and criminal behavior // *Journal of Quantitative Criminology*. 2004. Vol. 20. №. 4. P. 295-317.
- ²⁵ Loughran T. A., Pogarsky G., Piquero A. R., Paternoster R. On ambiguity in perceptions of risk: implications for criminal decision making and deterrence // *Criminology*. 2011. Vol. 49. №. 4. P. 1029-1061.
- ²⁶ Loughran, T. A., Pogarsky, G., Piquero, A. R., & Paternoster, R. (2012). Re-examining the functional form of the certainty effect in deterrence theory // *Justice Quarterly*. 2012. Vol. 29. №. 5. P. 712-741.
- ²⁷ Bushway S. D., Owens E. G. Framing punishment: Incarceration, recommended sentences, and recidivism // *The Journal of Law and Economics*. 2013. Vol. 56. №. 2. P. 301-331.
- ²⁸ Gottfredson M. R., Hirschi T. *A general theory of crime*. – Stanford: Stanford University Press, 1990. 297 p.
- ²⁹ Nagin D. S., Paternoster R. Enduring individual differences and rational choice theories of crime // *Law and Society Review*. 1993. Vol. 27, No. 3. P. 467-496.

³⁰ Piquero A., Tibbetts S. Specifying the direct and indirect effects of low self-control and situational factors in offenders' decision making: Toward a more complete model of rational offending // *Justice quarterly*. – 1996. – Vol. 13. – №. 3. – P. 481-510.

³¹ Подробнее об этой теории см.: Wikström P. O. H. Crime as alternative: Towards a cross-level situational action theory of crime causation // *Beyond empiricism: Institutions and intentions in the study of crime*. / Edited by J. McCord. Transaction, 2004. P. 1-37; Wikström P. O. H. Why crime happens: A situational action theory // *Analytical sociology: actions and networks*. / Edited by G. Manzo. John Wiley & Sons, 2014. 448 p. Chapter 3. 74-94.

³² Wikström P. O. H., Treiber K. The role of self-control in crime causation: Beyond Gottfredson and Hirschi's general theory of crime // *European Journal of criminology*. 2007. Vol. 4. №. 2. P. 237-264.

³³ Tittle C. R., Botchkovar E. V. Self-control, criminal motivation and deterrence: An investigation using Russian respondents // *Criminology*. 2005. Vol. 43. №. 2. P. 307-354.

³⁴ Hirtenlehner H., Pauwels L. J. R., Mesko G. Is the effect of perceived deterrence on juvenile offending contingent on the level of self-control? Results from three countries // *British Journal of Criminology*. 2013. Vol. 54. №. 1. P. 128-150.

³⁵ Kahneman D. A perspective on judgment and choice: mapping bounded rationality // *American psychologist*. 2003. Vol. 58. №. 9. P. 697.

³⁶ Kahneman D. Thinking, fast and slow. – Macmillan, 2011. На русском языке см.: Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М., 2017. 710 с.

³⁷ Mukherjee K. A dual system model of preferences under risk // *Psychological review*. 2010. Vol. 117. №. 1. P. 243.

³⁸ Van Gelder J. L., de Vries R. E. Rational misbehavior? Evaluating an integrated dual-process model of criminal decision making // *Journal of Quantitative Criminology*. 2014. Vol. 30. №. 1. P. 1-27.

³⁹ Mamayek C., Loughran T., Paternoster R. Reason taking the reins from impulsivity: The promise of dual-systems thinking for criminology // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2015. Vol. 31. №. 4. P. 426-448.

⁴⁰ Ibid. P. 442.

⁴¹ Tilley N., Wortley R. Does situational crime prevention require a rational offender? // *The Future of Rational Choice for Crime Prevention*. / Edited by Reynald D., Leclerc B. Routledge, 2017. P. 8-29.

⁴² Ibid.

⁴³ Bernasco W., Elffers H., Van Gelder J. L. (ed.). *The Oxford Handbook of Offender Decision Making*. Oxford University Press, 2017. 760 p.

⁴⁴ Loughran T. A., Paternoster, R., Chalfin, A., Wilson, T. Can rational choice be considered a general theory of crime? Evidence from individual-level panel data // *Criminology*. 2016. Vol. 54. №. 1. P. 86-112.

⁴⁵ Pickett J. T., Roche S. P., Pogarsky G. Toward a bifurcated theory of emotional deterrence // *Criminology*. 2018. Vol. 56. №. 1. P. 27-58.

⁴⁶ Ibid. P. 27.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УЧЕТА ПРИВИЛЕГИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВА

*Огородникова Н.В.,
профессор кафедры уголовного
права и криминологии Кубанского
государственного университета (г. Краснодар),
кандидат юридических наук, доцент*

Ключевые слова: виды убийства при смягчающих обстоятельствах, убийство матерью новорожденного ребенка (детоубийство); убийство в состоянии аффекта; убийство при превышении пределов необходимой обороны; убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; эвтаназия.

Аннотация: В статье содержится компаративистский анализ привилегированных видов убийств в странах ближнего и дальнего зарубежья. На базе этого анализа выявляются сходные и отличительные признаки законодательных формулировок названных преступлений и для более успешного выполнения предупредительной функции уголовного закона предлагаются пути оптимизации описания соответствующих уголовно-правовых запретов; на примере эвтаназии рассматриваются перспективы расширения числа привилегированных признаков.

Keywords: the forms of justifiable homicide; filicide; killing in the heat of passion; killing in the heat of necessary defense; euthanasia.

The summary: The article is concerned with comparative analysis of homicide preferred signs in the different countries. On the base of these analysis were determined analogous and differential attribute of legislation constructions foregoing crimes and for above successful crime prevention function of criminal legislation offered different enhancement course line of appropriate proscriptions, and in terms of euthanasia were examined expanding the number of preferred signs.

В числе задач, поставленных перед Уголовным кодексом, называется предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ). Решить данную задачу посредством лишь криминализации и пенализации различных проявлений девиантного поведения невозможно, для этого требуется комплекс мер, но нельзя и умалять роль уголовного закона. В частности, его превентивная роль не в последнюю очередь зависит от качества законотворческой деятельности, как в плане определения, какие деяния достигли того максимального уровня общественной опасности, чтобы приобрести статус преступных, так и в плане описания уголовно-правового запрета.

С этой позиции достаточно востребовано обращение к зарубежным аналогам, что позволит учесть апробированный положительный опыт противодействия преступности в целом и

определенным категориям преступлений в частности. Того требует современная тенденция государств к объединению, унификации правовых систем и, по словам Рене Давида, простое сосуществование в мировом сообществе. Потребность в гармонизации и унификации уголовного законодательства объясняется и нарастающими в мире глобализационными процессами. Прагматичной целью знакомства с законодательством других государств является более глубокое познание законодательства собственной страны, понимание его ценностей и приоритетов, тенденций и перспектив развития.

В контексте вышеизложенного актуальным представляется компаративистский анализ привилегированных норм, которые, как правило, занимают более чем скромную нишу в числе специальных норм (менее 1%) и потому

уже нуждаются в изучении. Чаще других привилегированными в УК стран СНГ и Балтии выступают нормы об убийствах и причинении вреда здоровью. Повышенный интерес именно к этой группе стран объясняется тем, что, во-первых, более полувека наши государства развивались в одном правовом пространстве, что не могло не наложить отпечатка на формирование общего «правового менталитета» и единой или достаточно сходной законодательной техники. Во-вторых, подавляющее большинство анализируемых уголовных законов были приняты после вступления в силу УК РФ 1996 г., что позволило законодателям рассматриваемых стран учесть как позитивные положения, так и первый опыт ошибок и просчетов российского законодателя.

В отечественном законодательстве практически все привилегированные нормы сосредоточены в гл. 16 УК «Преступления против жизни и здоровья». В ст. 106-108 УК описаны четыре вида привилегированных убийств: матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК), совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК), совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК) и совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК). Содержание санкций за эти преступления свидетельствует о пониженной степени общественной опасности названных деяний по сравнению с основным составом убийства (ч. 1 ст. 105 УК), а их сопоставление позволяет определить внутреннее соотношение образующих их признаков, «иерархию привилегированности», так сказать. Наиболее «извинительным» законодатель признает убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Наименее привилегированным на фоне остальных остается убийство матерью новорожденного ребенка, по крайней мере, в первоначальной редакции, когда санкция была представлена всего одним видом наказания – лишением свободы. Изменения, внесенные в УК РФ 27 декабря 2009 г. (Федеральный закон № 377-ФЗ), посвященные ограничению свободы, в разной степени повлияли на уровень наказуемости. В одном случае дополнение санкций норм Особенной части УК этим видом наказаний или изменение их сроков стало иллюстрацией пенализации, в другом – напротив, примером депенализации. В частности, в составе детоубийства произошло существенное снижение порога наказуемости. Санкция приобрела иной статус – альтернативной, что, безусловно, привело к снижению уго-

ловно-правовой охраны такой наиболее социально уязвимой категории граждан как новорожденные дети. Конструкция санкции приобрела более устойчивый характер после 7 декабря 2011 г. (Федеральный закон № 420-ФЗ), когда принудительные работы дополнили число альтернативных наказаний. Следует заметить, что депенализационный характер коррекций УК затронул санкции и ст. 107-108 УК.

Те же 4 вида убийств, что и в России, называют привилегированными уголовные законы 9-ти стран СНГ и Балтии из рассмотренных 13-ти (Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Таджикистана, Узбекистана, Украины).

На один вид меньше в УК Эстонии: убийство матерью своего новорожденного ребенка, убийство, совершенное в состоянии душевного волнения и убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Всего два убийства – совершенное в состоянии сильного душевного волнения и новорожденного ребенка – относят к числу привилегированных УК Литвы.

Убийство, совершенное в состоянии аффекта, и детоубийство признаются привилегированными и в УК Республики Молдова. «Эксклюзивность» на общем фоне данному перечню придает третий вид – лишение жизни по желанию лица (эвтаназия).

Наименее привилегированный, по мнению большинства зарубежных законодателей, состав убийства матерью новорожденного ребенка с разной степенью полноты представлен в рассматриваемых уголовных кодексах. Наибольшее число разновидностей этого убийства предусматривается в УК Армении, Кыргызстана республики и России, меньше – в УК Казахстана и Таджикистана. В остальных – только один вариант: во время родов или непосредственно после них. Причём УК Беларуси и Латвии и этот вариант связывают с вызванным родами психическим и физиологическим состоянием матери, тем самым, еще больше сокращая сферу применения нормы. Следовательно, с учетом санкций следует признать, что строже наказывают матерей, убивших новорожденных детей, именно в тех странах, где уже круг оснований для вменения состава убийства матерью новорожденного ребенка. Более того, в УК Азербайджана кроме этого временного фактора (во время или сразу же после родов) подчеркивается, что ответственность может наступить лишь в случае умышленного убийства матерью *своего* (выделено нами – Н.О.) новорожденного ребенка.

Отечественный законодатель на фоне других стран ближнего зарубежья выглядит достаточно лояльным по отношению к субъектам преступлений, предусмотренных ст. 106, 108 УК, а за убийство, совершенное в состоянии аффекта, и вовсе установлено самое мягкое наказание. Подобный подход российского законодателя вряд ли отвечает концепции уголовно-правовой политики, возводящей принцип справедливости в ранг основополагающих.

Если расширить географию, включив в орбиту исследования уголовные законы стран и так называемого дальнего зарубежья, то следует констатировать наличие совпадающих привилегированных посягательств на жизнь в десятках государств, в частности, такого самостоятельного вида умышленного причинения смерти другому человеку как детоубийство.

По образующим обязательным элементам конструкции детоубийства все анализируемые страны можно разделить на несколько групп.

Первая группа включает страны, уголовные законы которых в юридическую конструкцию детоубийства (помимо особых субъектов и потерпевшего) включают только временные рамки деяния (как правило, роды или период сразу после них); при этом особое состояние женской психики или организма презюмируется. К таким странам относятся, в частности, Австрия, Аргентина, Бельгия, Венгрия, Гондурас, Норвегия, Перу.

В УК следующей крупной группы стран (Австралии, Федерации Боснии и Герцеговины, Бразилии, Греции, Дании, Канады, Македонии, Нигерии и др.) юридическая конструкция детоубийства предусматривает обязательное сочетание двух элементов: период времени и болезненное состояние матери, связанное с родами.

Существуют и другие, менее распространенные варианты юридической конструкции детоубийства: а) сочетание времени с мотивом или психотравмирующей ситуацией (Исландия, Республика Корея); б) сочетание времени с психотравмирующей ситуацией или болезненным состоянием (Дания, Исландия, Швеция); в) сочетание времени с психотравмирующей ситуацией (Италия); г) сочетание времени и мотива (Боливия, Куба, Нидерланды, Филиппины, Эквадор).

В то же время все перечисленные оценочные признаки («временные рамки», «психотравмирующая ситуация», «болезненное состояние», «мотив») в законе и уголовно-правовой доктрине рассматриваемых стран имеет далеко не одинаковое содержание¹.

Несмотря на признание в подавляющем большинстве стран мира детоубийства привилегированным составом убийства, максимальные размеры наказания за данное деяние существенно варьируются: от 2 лет в УК Албании до 10 и выше в Республике Корея, Тонга, Алжире.

Подводя итог, следует отметить, что в государствах, выделяющих в уголовном законе состав убийства матерью новорожденного ребенка в качестве привилегированного, при общей схожести многих позиций наблюдается несколько разный подход к законодательной регламентации тех признаков, которые существенно снижают степень общественной опасности содеянного и способствуют нахождению более оптимальной формы его легального описания.

В то же время, следует обратить внимание на отсутствие такого привилегированного вида убийства в Аргентине, Испании, Китае, Франции, Японии, полное исключение § 217 в УК ФРГ, резкое сокращение сферы применения ст. 149 УК Польши, что служит поводом для дальнейшего размышления о динамике законодательных взглядов на правовую природу таких убийств, на ценность охраняемого законом объекта и адекватную защиту его уголовно-правовыми средствами.

Однако, учитывая, что анализируемый состав преступления по-прежнему сохраняется в действующем УК РФ, следует отметить, что его описание нуждается в реконструкции, в том числе с учетом зарубежного опыта. В частности, заслуживает пристального внимания выделение в зарубежном уголовном законодательстве следующих извинительных обстоятельств совершения матерью убийства новорожденного ребенка:

а) заведомое для виновной неизлечимое уродство новорожденного ребенка (ст. 152 УК Республики Сан-Марино) (при условии более четкого описания этих признаков);

б) особое состояние роженицы, вызванное родами, как обоснованность признания временного периода убийства привилегированным фактором (ч. 1 § 238 УК Дании, ст. 149 УК Польши, ст. 116 УК Швейцарии, гл. 3, ст. 3 УК Швеции);

в) момент формирования умысла на убийство (ст. 290-291 УК Голландии).

Кроме того, представляется целесообразным тот опыт дифференциации ответственности на более и менее извинительные обстоятельства, который имеется в норме об аффектированном убийстве, распространить и на другие привилегированные нормы. Прежде всего,

это относится к составу детоубийства по причине обилия оценочных категорий, представляющих три разновидности его совершения, которые трудно признать равноценными по степени общественной опасности. Так, если существующие признаки детоубийства рассредоточить в разных частях статьи 106 УК по возрастанию степени общественной опасности, то, на наш взгляд, наиболее привилегирующим следовало бы признать состояние так называемой уменьшенной (ограниченной) вменяемости, затем – сложившиеся условия психотравмирующей ситуации. Что касается третьего признака – времени совершения преступления, он более двух других нуждается в законодательных поправках, а в настоящее время выступает наименее привилегирующим видом детоубийства. Соответственно каждому виду этого преступления необходима самостоятельная санкция с адекватным содеянному наказанием.

Следует отметить, что проведенный анализ УК стран ближнего зарубежья позволил выявить не только различия, но в немалой степени сходные позиции в описании и оценке привилегированных преступлений против жизни. Прослеживается общий подход к конструированию санкций. Вместе с тем, последние зачастую устанавливаются произвольно, их построение не имеет глубокого научного обоснования. Поэтому требуются консолидированные усилия, направленные на поиск оптимальной модели не только законодательного описания этих преступлений, но и системы санкций за их совершение. Если говорить о детоубийстве, то в мире накоплен достаточно богатый опыт правового регулирования ответственности за это деяние. Способы конструирования данного состава преступления в законодательстве стран дальнего зарубежья различны, что обусловлено как историческими традициями, так и особенностями современного состояния преступности в этих странах. Несомненное значение в связи с этим имеют всестороннее изучение, глубокая научная проработка и объективная оценка опыта функционирования уголовно-правовых систем. Учет российским законодателем иностранного опыта в обозначенной сфере может способствовать оптимальному разрешению целого комплекса проблем, имеющихся в отечественной уголовно-правовой теории и практике.

В заключение с прогностической точки зрения следовало бы отметить и такой вид лишения жизни как убийство из сострадания, по просьбе потерпевшего, обычно именуемый термином «эвтаназия», что в переводе с греческого означает «добрая, хорошая смерть»². Споры о

статусе этого поведения носят перманентный характер, а окончательная единая и единообразная позиция относительно этого явления не только в России, но и в мировом сообществе еще не сформирована. Отношение к этому деянию в мировой практике поливариантно: от полного непризнания в качестве дифференцирующего (смягчающего в данном случае) ответственности признака до легализации этого способа умышленного причинения смерти. Согласно ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод никто не может быть намеренно лишен жизни, иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого судом предусмотрено такое наказание. Приведенное положение первыми нарушили законодатели Голландии и Бельгии, легализовав эвтаназию, тем самым, увеличив число ограниченный права на жизнь³; более чем в 20-ти государствах признали её привилегированным убийством; в остальных странах она рассматривается на общих основаниях и учитывается лишь на стадии назначения наказания. Наше государство относится к последней группе, хотя исторический опыт показывает, что Россия прошла все три стадии отношения к этой проблеме, только несколько в иной последовательности. Первым актом, отражавшим позицию государства по данному вопросу, было Уголовное уложение 1903 г. По мнению законодателя того времени, рассматриваемый вид убийства – по настоянию убитого или из сострадания к нему – следовало относить к преступлениям, заслуживающим менее строгой ответственности. Советский законодатель не остался в стороне от решения этой проблемы и проявил еще большую лояльность. Первый советский кодекс РСФСР 1922 г. в примечании к ст. 143 УК предусматривал освобождение от наказания в случае убийства по настоянию убитого из чувства сострадания. Однако через полгода названное примечание утратило силу, и согласие потерпевшего рассматривалось лишь в рамках теории уголовного права как обстоятельство, которое при определенных условиях могло исключать уголовную ответственность. Вернулись к этому вопросу спустя несколько десятилетий: при разработке первого постсоветского кодекса предпринимались попытки придать эвтаназии статус привилегирующего признака. Законодателю был предложен проект нормы «Лишение жизни по волеизъявлению потерпевшего» следующего содержания: «лишение жизни из сострадания к потерпевшему в связи с тяжелой неизлечимой болезнью и (или) непере-

носимыми физическими страданиями при условии его добровольного на то волеизъявления» с наказанием в виде ареста на срок до трех лет. Однако опасность возможности использования данного положения в преступных целях и учет опыта первого УК РСФСР, который оказался негативным, а потому непродолжительным, возобладали при решении данного вопроса, и совершение эвтаназии в России квалифицируется (при отсутствии квалифицирующих признаков) по ч. 1 ст. 105 УК как простое убийство. В то же время в мировой практике стабильна позиция о допустимости эвтаназии. Однако разрешение вопроса *pro et contra* выходит за рамки обсуждения только юридическим сообществом, поскольку эвтаназия как нравственная

этическая категория затрагивает, прежде всего, сферы философии, социологии, канонических устоев, и только потом возможно «подключение» таких наук как медицина, биоэтика, геронтология, концептуальное направление которых состоит, согласно рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы от 25 июня 1999 г. (№ 14/8), не в легализации эвтаназии, а в развитии паллиативной помощи, устранении боли и всесторонней поддержке пациентов, членов их семей и других лиц, которые осуществляют уход за терминальными больными и умирающими.

¹ Шулепов Н.А. Международно-правовые основания и способы криминализации посягательств на жизнь человека в зарубежных странах // Международное публичное и частное право, 2006, № 3.

² Английский философ XVI в. Фр. Бэкон, которому приписывают введение этого термина в научный оборот, указывал, что обязанность врача состоит не только в том, чтобы восстановить здоро-

вье, но и в том, чтобы облегчить страдания и мучение и в том случае, если уже нет ни единой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной

³ более чем в 40 государствах законодательно разрешена пассивная эвтаназия (в Австрии, Испании, Германии, Колумбии, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Японии) Подробнее см.: Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006.

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ НАКАЗУЕМОСТИ

Грузинская Е.И.,

*Доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Филиала Кубанского государственного университета
в г. Новороссийске,
кандидат юридических наук, доцент*

Ключевые слова: преступление, наказание, санкция, противодействие преступлениям.

Аннотация: В представленной статье анализируется уголовно-правовая политика государства в отношении установления наказуемости, предпринимается попытка обосновать влияние вида и размера наказания на эффективность противодействия преступлениям; подвергается анализу интерпретационные акты Верховного Суда РФ.

Keywords: crime, punishment, sanction, counteraction to crimes.

The summary: The article analyzes the criminal law policy of the state in relation to the establishment of punishability, attempts to justify the impact of the type and amount of punishment on the effectiveness of combating crimes; the article analyzes and interprets the acts of the Supreme court of the Russian Federation.

Согласно положениям Уголовного кодекса РФ, любое наказание преследует три цели – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Средством их достижения служат ограничения, накладываемые на виновное лицо. Вид и размер последних, в свою очередь, должны быть соразмерными нанесенному охраняемым общественным отношениям вреду, а также учитывать особенности личности лица, нарушавшего закон. Таким образом, правильно избранный вид наказания, верно определенный размер будет иметь тот превентивный потенциал, который и требуется от данного уголовно-правового института. Определяющую роль, здесь, безусловно, имеет судебное усмотрение, имеющее объективные и субъективные пределы. *Объективные пределы* судебного усмотрения выражаются в законах окружающей действительности, реальное существование которых не вызывает сомнений. К указанным пределам можно отнести пределы судебного усмотрения: закрепленные в нормах права, формально-определенных и объективно существующих; законы логики, существование

которых является бесспорным. Судья при вынесении решения на основе усмотрения не может нарушить законы логики, действовать вопреки им. В данном случае указанные законы выступают своеобразным пределом его деятельности.

Субъективные пределы судебного усмотрения имеют более сложную природу, поскольку связаны с внутренним миром конкретного правоприменителя, с его восприятием действительности. Они зависят от внутренних свойств личности конкретного правоприменителя. На этом основании в рамках субъективных пределов судебного усмотрения можно обозначить пределы усмотрения суда, вытекающие из оценки таких категорий как нравственность, справедливость, добросовестность, целесообразность, разумность. В сознании разных людей данные категории имеют неодинаковые значения, порой существенно различающиеся¹.

Своеобразным плацдармом служит санкция уголовно-правовой нормы. Особенной частью УК РФ и положения Раздела III «Наказание» Общей части УК РФ.

В настоящее время большое внимание со стороны законодателя уделяется вопросу конструирования новых составов преступлений. Так, только одним Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 99-ФЗ было внесено две новых нормы в УК РФ². Вместе с тем, как показал анализ новелл, к вопросу конструирования санкций законодатель подходит поверхностно и, как иногда кажется, хаотично. Если в пояснительных записках содержится мотивировка криминализации того или иного деяния, раскрывается его общественная опасность, то аргументация содержания карательного элемента нормы отсутствует. Представляется, что содержательное наполнение санкции, как и диспозиции, должно отвечать не только законам логики, но и основываться на криминологических и статистических показателях, быть адекватным возможностям уголовно-исполнительной системы. Следует отметить, что при достаточной степени теоретической разработанности института назначения наказания, отсутствуют и научные концепции, связанные с обоснованием наказуемости деяния тем или иным видом и сроком наказания.

Анализ законотворческой деятельности выявил некоторые проблемы, института определения наказания.

Законодателю необходимо прийти к единой позиции относительно установления – не установления нижних границ наказаний в санкциях норм и интервала между ее крайними значениями. Подобная формулировка «лишение свободы на срок *от* пятнадцати *до* двадцати лет (*курсив* и прим. Е.Г. – указана и верхняя и нижняя границы; разница между ними составляет пять лет) со штрафом в размере *до* одного миллиона рублей (*курсив* и прим. Е.Г. – указана только верхняя граница; разница – 995 тыс. руб.)» либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного *до* пяти лет (*курсив* и прим. Е.Г. указана только верхняя и максимальная граница; разница – примерно 258 недельных заработков) либо без такового и с ограничением свободы на срок *от* одного года *до* двух лет (прим. авт. – указана нижняя и максимальная верхняя границы, разница – один год)», при излишнем субъективизме судьи ставит превентивный потенциал санкции под сомнение.

Как известно, система наказаний УК РФ строится по принципу «от менее строгого к более строгому», так называемая «лестница уголовных наказаний». Соответственно и в санкции виды наказания располагаются по «нарастающей». И чем более одинаковое расстояние

«между ступеньками», тем более обоснованным является выбор конкретного наказания. Для примера рассмотрим санкцию ч. 3 ст. 200⁵ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего. члена комиссии по осуществлению закупок»: «штраф в размере от трехсот до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до сорокократной суммы подкупа или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового». Как видим, в распоряжении суда имеется лишь нижняя ступень – штраф и верхняя – лишение свободы. Подобные «шаги между лестничными пролетами» вряд ли являются положительной характеристикой института наказания.

В связи с вопросами, возникающими у судов при применении положений части 6 статьи 15 УК РФ, и в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм уголовного и уголовно-процессуального законов, регламентирующих основания и порядок изменения категории преступления на менее тяжкую, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» дал разъяснения о применении части 6 ст. 15 УК РФ относительно вопроса изменения категории преступления на менее тяжкую.

Согласно положениям указанной нормы с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления средней тяжести, осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение тяжкого преступления, осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение особо тяжкого преступления, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы.

Таким образом наличие одного или нескольких отягчающих наказание обстоятель-

ств, указанных в частях 1 и 1¹ ст. 63 УК РФ, исключает возможность изменения категории преступления на менее тяжкую.

При этом, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве признака состава преступления, в том числе квалифицированного состава преступления, то такое обстоятельство по смыслу части 2 статьи 63 УК РФ не препятствует применению судом положений части 6 статьи 15 УК РФ. Например, разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (пункт "а" части 2 статьи 162 УК РФ) само по себе не является препятствием для рассмотрения судом вопроса об изменении категории такого преступления на менее тяжкую.

Таким образом, если обстоятельство закреплено в перечне ст. 63 УК РФ, но не является криминообразующим признаком состава преступления, то оно не влияет на юридическую оценку деяния, и отражаясь только на наказании блокирует применения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Так, например, лицо признано виновным в совершении грабежа в составе группы лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ), являющегося преступлением средней тяжести. Так как совершение преступления в соучастии является квалифицированным признаком, то оно не должно учитываться как обстоятельство, отягчающее наказание на основании ч. 2 ст. 63 УК РФ. Исходя из этого, суд, принимая во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности, делает вывод о наличии оснований для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ. Резолютивная часть обвинительного приговора в случае применения части 6 статьи 15 УК РФ должна, в частности, содержать решение об изменении категории преступления (преступлений) на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления.

Таким образом, получается, что лицо, совершая квалифицированное преступление в составе группы лиц по предварительному сговору при наличии всех условий, может рассчитывать на улучшение своего правового положения, при

изменение категории преступления со средней тяжести на небольшую, в частности: на назначение вида исправительного учреждения (статья 58 УК РФ); назначение наказания по совокупности преступлений (статья 69 УК РФ); назначение условного осуждения (пункт "б" части 1 статьи 73 УК РФ); отмену или сохранение условного осуждения (части 4, 5 статьи 74 УК РФ); возможность освобождения от отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием (статья 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (статья 76 УК РФ), истечением срока давности уголовного преследования или исполнения обвинительного приговора суда (статьи 78, 83, 94 УК РФ), изменением обстановки (статья 80.1 УК РФ) или вследствие акта об амнистии (статья 84 УК РФ), применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (статья 92 УК РФ); исчисление срока наказания, после фактического отбытия которого возможны применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (статьи 79, 93 УК РФ) или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (статья 80 УК РФ); исчисление срока погашения судимости (статьи 86, 95 УК РФ).

При этом, если лицо совершает, например, грабеж в составе группы лиц, указание на которую отсутствует в квалифицированных составах, то, согласно положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29³ содеянное в таком случае следует квалифицировать по ч. 1 ст. 161 УК РФ.

Постановляя приговор, суд при наличии к тому оснований, предусмотренных частью первой статьи 35 УК РФ, вправе признать совершение преступления в составе группы лиц без предварительного сговора обстоятельством, отягчающим наказание, со ссылкой на пункт «в» части первой статьи 63 УК РФ, тем самым исключая возможность применения ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Получается, что лицо совершившее менее общественно опасное деяние находится в более худшем положении, чем лицо, в чьих действиях содержится квалифицированный состав преступления.

Аналогичная ситуация имеет место, например, при совершении преступления в соучастии, предусмотренного ст. 127¹ «Торговля людьми», ст. 162 «Разбой», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»,

Исходя из выше изложенного, осмелимся предположить, что для повышения эффективности противодействия преступности не менее

пристальное внимание, чем к криминообразующим признакам составов преступлений. Особенной части УК РФ, необходимо уделять ви-

дам и размерам наказания за конкретное преступление. Причем обоснование наказуемости конкретного деяния должно основываться, в том числе и на теоретическом базисе.

¹ Кузнецов А.П. Судебное усмотрение: этимология понятия, пределы // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3(16). С. 142.

² Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.04.2018 [Электронный ресурс]

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ВО ФРАНЦИИ

Куфлева В. Н.,

*доцент кафедры уголовного права и
криминологии Кубанского государственного университета,
(г. Краснодар) кандидат юридических наук*

Ключевые слова: организованная преступность, преступное сообщество, преступная организация, соучастие, Франция.

Аннотация: В статье проведен анализ уголовного законодательства Франции об организованных формах преступной деятельности. По итогам исследования делается вывод о том, что в уголовном законодательстве Французской республики предусмотрены самостоятельные нормы, посвященные противодействию организованным формам преступной деятельности, в частности преступным сообществам и преступным организациям как террористического, так и общеуголовного характера.

Keywords: organized crime, criminal community, criminal organization, complicity, France.

The summary: The article analyzes the criminal legislation of France on organized forms of criminal activity. According to the results of the study, it is concluded that the criminal legislation of the French Republic provides for independent norms on counteracting organized forms of criminal activity, in particular criminal associations and criminal organizations of both a terrorist and an ordinary character.

В последнее время в связи с влиянием глобальных процессов на общественную безопасность и участвовавшими случаями совершения резонансных преступлений на территории Французской республики особое внимание обращает на себя опыт национального законодателя в сфере противодействия организованным формам преступной деятельности, особенно их транснациональным разновидностям.

Для Франции как страны континентальной системы права характерно принятие кодифицированных и систематизированных актов. Таким образом, говоря о противодействии организованной преступности в этой стране, следует изучить нормативные акты, регулирующие борьбу с преступными сообществами (преступными организациями).

Французская уголовно-правовая доктрина и действующий УК Франции 1992 г. содержат ряд норм, регламентирующих борьбу с организованной преступностью, при этом они исходят из акцессорной теории соучастия, что, давая определения соучастия раскрывают только виды соучастников.

Базовой нормой криминализации организованной преступности является раздел пятый УК Франции «Об участии в организации злоумышленников», состоящий из четырех статей (450-1 – 450-4). Кроме того, в некоторые законы включены положения о преступных сообществах. К ним можно отнести Закон о борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность 1986 г., Закон о борьбе с преступной деятельностью 1986 г., а также ряд других.

Ответственность за соучастие в общеуголовных преступлениях в форме преступного сообщества предусмотрена ст. 450-1 УК Франции, согласно которой организацию злоумышленников образует любая сформированная группировка или любое заключенное соглашение, имеющее целью подготовку одного или нескольких преступлений или одного или нескольких проступков... если такая подготовка выразилась в одном или нескольких объективных действиях. Этой же статьей предусмотрена и ответственность за участие в организации

злоумышленников, которая является прототипом нормы действовавшей в предыдущем УК Франции 1810 г.

Особенностью ст. 450-1 УК Франции является то, что ответственность за участие в таком объединении наступает вне зависимости от рода деяний для которых оно создано, будь то террористические или общеуголовные преступления, при этом максимальный срок лишения свободы составляет 10 лет.

Вместе с тем, в силу ст. 450-2 УК Франции, предусмотрено условие освобождения от наказания лица, принявшего участие в таком объединении (группе) или сговоре: «любое лицо, принявшее участие в группировке или соглашении, определенных статьей 450-1, освобождаются от наказания, если оно до начала каких-либо действий, связанных с уголовным преследованием, раскрыло группировку или соглашение компетентному органу власти и позволило установить других участников».

Наравне с вышесказанным следует констатировать, что французское уголовное законодательство важной отличительной особенностью законодательной регламентации ответственности организованных сообществ и преступные группировки, является то, что действия организатора не наказываются более строго.

Однако кодекс предусматривает и другие специальные нормы, предусматривающие ответственность за участие в террористических актах (ст. 421-1 – 422-5).

Особенностью рассматриваемого состава в УК Франции является уголовная ответственность юридических лиц согласно ст. 450-4. Положение ст. 121-2 УК предусматривает, что юридические лица, за исключением государства, несут уголовную ответственность. К уголовной ответственности может привлекаться юридическое лицо, являющееся официальной структурой (коммерческим обществом, ассоциацией, политическим объединением и т.п.), созданное для совершения террористической деятельности, хотя внешне оно может заниматься какой-либо коммерческой деятельностью. Террористическая деятельность может также совершаться под прикрытием юридического лица каким-нибудь его служащим. Такая же ответственность для юридических лиц предусмотрена и в случае участия служащего в преступных объединениях, не созданных для совершения террористических актов¹.

Таким образом, следует вывод, что для привлечения юридического лица к уголовной ответственности необходимо, чтобы преступ-

ление было совершено его руководящими органами или представителями, которые официально и законно представляют юридическое лицо либо являются уполномоченными законом или уставом лицами (законными представителями).

Уголовная ответственность юридического лица возникает также, когда в преступных целях используется помощь, предоставленная юридическим лицом. Такой помощью может быть: предоставление денежных средств, документов, товаров, материалов, использование помещения, деловой репутации, предоставление своего офиса, названия и т.д.

Кодекс предусматривает достаточно жесткие санкции как для физических, так и для юридических лиц за такие преступления. Участие в таких объединениях карается десятью годами лишения свободы и рядом дополнительных наказаний: временное лишение политических, гражданских и семейных прав, запрет занимать государственные должности или выполнять профессиональную или общественную деятельность и др.

К виновному в названных преступлениях юридическому лицу применяются такие же наказания, что и за совершение им общеуголовного преступления. Самым строгим наказанием является ликвидация юридического лица, поскольку она рассматривается как эквивалент смертной казни для физического лица. Поэтому ликвидация, как правило, применяется только в исключительных случаях: «Когда юридическое лицо было создано, или отклонилось от своей деятельности с тем, чтобы совершить инкриминируемый ему террористический акт»².

Также следует подчеркнуть, что субъективная сторона преступления по ст. 450-1 УК Франции предусматривает цель создания организации злоумышленников: подготовка одного или нескольких преступлений или проступков.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что во Франции существует комплексная программа борьбы с организованной преступностью. Систематизированное уголовное законодательство, состоящее не только из УК Франции, но и множества других законодательных актов, охватывает все возможные сферы деятельности преступных объединений, что позволяет достигать наиболее эффективных результатов.

Резюмируя положения об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) следует отметить, что во Франции борьба с преступностью является достаточно эффективной. Законодатель

широко используют оценочные признаки и высокие санкции, тем самым обнаруживая большое доверие к судейскому корпусу. Вместе с

тем, диспозиции соответствующих норм описаны разнообразно и подробно, что облегчает работу правоприменителя.

¹ *Меньших А.А.* Уголовная ответственность за участие в преступных сообществах по законодательству Франции // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 128.

² Там же. С. 126.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ «СОПУТСТВУЮЩИХ» ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ И УК РФ

Князькина А.К.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
(г. Краснодар), кандидат юридических наук

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, «сопутствующие» террористические преступления, финансирование терроризма, международные договоры.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы криминализации на международном уровне преступлений, способствующих осуществлению террористической деятельности, и их имплементации в УК РФ.

Keywords: Terrorism, Terrorist Activity, "Related" Terrorist Crimes, Financing of Terrorism, International Treaties.

The summary: The Questions of Criminalization in the International Treaties of Crimes, that contribute Terrorist Activities, and their Implementation into the Russian Criminal Code are considered in the article.

«Ядром» преступного проявления терроризма является осуществление террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Однако помимо этого, условно назовём «центрального» деяния, уголовное законодательство предусматривает ряд иных преступлений, носящих субсидиарный (дополнительный, вспомогательный или производный от него) характер, которые имеют своей целью в том или ином виде оказать содействие лицам, в конечном итоге совершающим террористический акт. Именно этот круг деяний и предлагается именовать «сопутствующими» террористическими преступлениями.

На сегодняшний день ряд международных договоров расширяет понятие террористических преступлений, включая в них посягательства, хотя напрямую не являющиеся террористическими, но представляющие значительную опасность и создающие возможность для совершения различных террористических акций.

Так, ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г.¹ криминализировала публичное *подстрекательство к совершению террористического*

преступления, т.е. распространение или иное представление какого-либо обращения к обществу в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений. Хотя преступление и именуется «публичным подстрекательством», по существу, речь идет о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности.

Согласно ст. 177³ Модельного УК², уголовно наказуемыми деяниями являются *публичные призывы* к осуществлению террористической деятельности или *публичное оправдание* терроризма.

УК РФ также предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма в ст. 205². Следует иметь в виду, что рассматриваемая норма 29 декабря 2017 г. была дополнена указанием на пропаганду терроризма, под которой предлагается понимать деятельность по распространению материалов и (или) информации,

направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности³.

Сопоставив названным положения, можно прийти к выводу о полной имплементации проанализированных положений в УК РФ.

В ст. 6 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма провозглашается преступность *вербовки террористов*, что означает привлечение другого лица к совершению или участию в совершении террористических преступлений или к присоединению к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений.

Аналогичное деяние предусмотрено ст. 177¹ Модельного УК, где установлена преступность склонения, вербовки или *иного вовлечения* лица в совершение преступления террористического характера, а также *вооружения, обучения* лица либо *иного содействия* в совершении указанного преступления.

Статья 205¹ УК РФ также предусматривает преступление, именуемое содействием террористической деятельности, понимаемое, в том числе, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного террористического преступления.

При этом уже упомянутым Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. норма ст. 205¹ УК РФ претерпела существенные изменения: если в прежней редакции в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ ответственность не дифференцировалась в зависимости от того, к какому именно террористическому или сопряженному с ним преступлению осуществляется склонение, вербовка или иное вовлечение лица, то теперь законодатель посчитал необходимым разделить по этому основанию составы преступлений. Получается, что меньшей степенью общественной опасности обладают склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205², ч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1–3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ (наказание в виде лишения свободы за их совершение предусмотрено на срок от 5 до 15 лет). В то же время склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205³, 205⁴, 205⁵, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а также вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а

равно финансирование терроризма, с точки зрения законодателя, обладают высочайшей степенью общественной опасности, поскольку санкция за их совершение значительно строже, вплоть до пожизненного лишения свободы.

Однако склонение, вербовка или иное вовлечение лица в их совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения акта международного терроризма предусмотрена отдельной нормой – ч. 2 ст. 361 УК РФ.

Таким образом, можно отметить, что существование подобных норм свидетельствует о полном выполнении Россией своих обязательств в рассматриваемом аспекте. В то же время вопрос о целесообразности разделения названных действий в различных нормах УК РФ относится к числу дискуссионных.

В то же время *финансирование терроризма*, как способ содействия террористической деятельности, требует более пристального внимания ввиду самостоятельной его криминализации на международном уровне. Так, в целях воспрепятствовать и противодействовать финансированию террористов и террористических организаций, независимо от того, осуществляется такое финансирование прямо или косвенно через организации, которые также преследуют или утверждают, что преследуют, благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконные поставки оружия, незаконный оборот наркотиков и вымогательство, включая использование лиц в целях финансирования террористической деятельности, были заключены Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.⁴ и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г.⁵

Согласно ст. 2 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, объективную сторону этого посягательства образуют совершаемые любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставление или сбор средств (при этом «средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облига-

ции, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими) с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения террористического преступления, т.е. преступления, предусмотренного в одном из договоров, перечисленных в приложении к Конвенции, либо любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Интересно, что Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. в ст. 1 определяет финансирование терроризма как действия, указанные в ст. 2 Международной конвенции по борьбе с финансированием терроризма от 09 декабря 1999 г., т.е. содержит прямую отсылку к нормам рассматриваемой конвенции.

На основании изложенного можно сделать вывод, в Конвенциях содержится исчерпывающий перечень возможных объектов финансирования. Главным является одно – направленность соответствующих средств на финансирование терроризма в самых его разнообразных проявлениях.

Рассматриваемое преступление имеет более формализованный характер в ст. 177² Модельного УК, где криминализировано финансирование преступлений террористического характера или террористической организации, то есть предоставление прямо или косвенно средств или их сбор, а равно предоставление финансовых или иных соответствующих услуг либо льгот в целях использования их, полностью или частично.

Финансирование терроризма с субъективной стороны характеризуется прямым умыслом. Кроме того, в Конвенциях при определении финансирования терроризма можно проследить определённую иерархию целей, где ближайшей целью выступает финансирование, осуществляемое в целях совершения террористического преступления; промежуточной целью – что это самое террористическое преступление имеет цель причинить смерть какому-либо гражданскому лицу или любому другому

лицу, не принимающему активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение; и глобальной – запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Под финансированием терроризма, в соответствии с примечанием 1 к ст. ст. 205¹ УК РФ, понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

В целом, следует признать, что установление в УК РФ ответственности за финансирование терроризма соответствует требованиям международного права, хотя в УК РФ финансирование терроризма рассматривается как частный случай содействия террористической деятельности, предусмотренный ч. 1¹ ст. 205¹ и ч. 2 ст. 361 УК РФ.

Статьей 7 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма запрещена *подготовка террористов*, т.е. инструктирование по вопросам изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, или ядовитых или вредных веществ, или по вопросам других конкретных методов или приемов в целях совершения или содействия совершению террористического преступления, когда заведомо известно, что переданные навыки предназначены для использования в этих целях.

Аналогичные деяния запрещены ч. 4 ст. 205¹ УК РФ, где предусмотрена ответственность за организацию совершения террористических преступлений, что наряду с другими действиями может включать и организацию обучения.

22 октября 2015 г. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма дополнилась Протоколом⁶, который еще больше расширил перечень «сопутствующих» преступлений за счет криминализации: 1) участия в ассоциации или группе с целью совершения террори-

стических актов (ст. 2); 2) подготовки террористов (ст. 3); 3) пересечения границы в террористических целях (ст. 4); 4) финансирования поездки за границу с целью терроризма (ст. 5); 5) организации или иного содействия выезжающим за границу с целью терроризма (ст. 6).

Участие в ассоциации или группе с целью совершения террористических актов означает участие в деятельности какой-либо ассоциации или группы в целях совершения или содействия совершению одного или нескольких террористических преступлений.

В УК РФ содержатся две статьи, предусматривающие ответственность за данное деяние, – ст. 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем» и ст. 205⁵ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». Таким образом, даже до появления названного протокола Россия предусмотрела в своём уголовном законодательстве ответственность за соответствующие преступные объединения.

Подготовка террористов понимается как обучение, в том числе получение знаний и практических навыков от другого лица по вопросам изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, ядовитых или вредных веществ или в других конкретных методов или техник, для целей осуществления или содействия совершению террористического преступления.

Преступность прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, что предполагает ответственность лица, получающего соответствующие знания, умения и навыки, установлена в ст. 205³ УК РФ.

Пересечение границы в террористических целях представляет собой пересечение границы государства, которое не является для лица государством его гражданства или места жительства, и осуществляется в целях совершения, содействия или участия в террористическом преступлении или предоставлении или получении террористической подготовки.

Финансирование пересечения границы с целью терроризма означает предоставление или сбор любыми методами, прямо или косвенно, денежных средств для осуществления

пересечения границы в террористических целях (как это определено в ст. 4 Протокола) с заведомым осознанием того, что эти средства полностью или частично предназначены именно для финансирования пересечения границы в террористических целях.

Организация или иное содействие выезжающим за границу с целью терроризма – это любые организации или иное содействие любому лицу в пересечении границы в террористических целях (как это определено в ст. 4 Протокола) с заведомым осознанием того, что такие организации или иное содействие осуществляются именно в террористических целях.

Следует отметить, что в УК РФ отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность за деяния, связанные с миграцией в террористических целях, но это не свидетельствует о пренебрежении Россией своими международными обязательствами: поскольку Россия подписала, но пока ещё не ратифицировала Дополнительный протокол, его положения формально не являются обязательными для РФ, и нет жёсткой необходимости включать соответствующие положения в действующее законодательство.

Проведённый обзор международных актов и российского уголовного законодательства позволил прийти к выводу, что на международном уровне предусмотрен обширный арсенал нормативных средств борьбы с различными проявлениями терроризма и преступлениями, носящими «вспомогательный» характер. Однако ни одно международно-правовое средство борьбы с тем или иным преступлением не будет эффективным, пока на законодательном уровне конкретного государства не будут приняты специальные уголовно-правовые нормы, имплементирующие положения соответствующих международных актов в национальное законодательство. Россия в целом следует современным международным тенденциям, но в то же время на международном уровне существует ряд «сопутствующих» террористических преступлений, пока что не криминализированных в УК РФ.

¹ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2393.

² Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. (в

ред. от 27 ноября 2015 г.) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10. Приложение; СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс

Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (Часть I). Ст. 29.

⁴ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1059.

⁵ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. № 8. Ст. 1091.

⁶ Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 22 октября 2015 г. Россия подписала протокол 5 июля 2017 г., но не ратифицировала его [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/217> (дата обращения: 16.04.2018).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

*Дикаева М.С.,
старший преподаватель кафедры
уголовного права
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
кандидат юридических наук*

Ключевые слова: наказание; лишение свободы; меры пресечения; заключение под стражу.

Аннотация: Современная политика России в сфере назначения уголовных наказаний отличается репрессивным уклоном. Это обусловлено, помимо прочего, тем, что практика применения меры пресечения в виде заключения под стражу во многом определяет дальнейший выбор судом наказания в виде лишения свободы.

Keywords: punishment; imprisonment; preventive measures; pre-trial detention.

The summary: The current policy of Russia in the field of the imposition of criminal punishment has a repressive bias. This is due, inter alia, to the fact that the practice of applying a preventive measure in the form of pre-trial detention in many ways determines the further choice by the court of punishment in the form of imprisonment.

Анализ современной практики назначения наказания показывает, что из 13 видов наказания, предусмотренных УК РФ, более чем в 60 % случаев за преступления назначается лишение свободы. При общей направленности политики государства на увеличение сроков лишения свободы, применение пожизненного лишения свободы, сохранение в УК РФ смертной казни поддерживается психологический настрой общества на сохранение сложившейся многовековой традиции воспринимать в качестве наказания только лишение свободы. Это подтверждается и результатами опроса, показавшего, что более 60 % респондентов считают, что уголовное наказание - это именно лишение свободы, а другие виды наказания, особенно штраф, воспринимаются как откуп. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые ученые¹.

Представляется, что позиция жесткой реакции на преступление у правоприменителя формируется уже на стадии выбора им меры пресечения. Заключение под стражу является наиболее распространенной в судебной прак-

тике мерой пресечения: в 2015 г. она была применена к 140 457 чел., в то время как домашний арест - к 4 676 чел., а залог - к 189 чел. (т.е. те меры пресечения, которые избираются только судом). В 2016 г. - 123 296, 6 101 и 164 соответственно. А в 2017 г. - 126 383, 7 350 и 169².

Представляется, что на судебную практику назначения уголовного наказания, помимо прочих факторов, может влиять уголовно-процессуальная политика государства и практика применения мер пресечения. К такому выводу позволяет прийти сравнительный анализ количества лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, и количества лиц, которым назначено наказание в виде лишения свободы. Из таблицы видно, что сокращение с 2010 по 2012 гг. применения заключения под стражу на 10,6 % (со 148 689 до 132 923 чел.) коррелируется с уменьшением назначения наказания в виде реального лишения свободы на 22,4 % (с 265 840 до 206 254). Однако в 2013 г. наблюдается рост по обоим показателям (на 0,3 % и 1,5 % соответственно), что также позволяет утверждать об определенной зависимости между указанными данными.

Одинакова динамика по интересующим показателям и в 2015 г.: увеличение назначения наказания в виде лишения свободы и возрастание

применения заключения под стражу. Аналогична связь между выбором меры пресечения и назначением лишения свободы и в 2016 г.: происходит уменьшение обоих показателей.

Таблица

Данные о корреляционной зависимости практики применения меры пресечения в виде содержания под стражей и назначения наказания в виде лишения свободы (условно/реально)³

Год	Мера пресечения в виде заключения под стражу	Наказание в виде лишения свободы		Условное лишение свободы		Лишение свободы (реальное и условное)	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
2010	148 689	265 840	31,6	307 206	36,5	573 046	68,1
2011	135 850	227 050	29,1	282 227	36,2	509 277	65,3
2012	132 923	206 254	28,0	221 908	30,2	428 162	58,2
2013	133 311	209 448	28,7	201 538	27,6	410 986	56,3
2014	132 741	209 709	29,4	197 859	27,8	407 568	57,2
2015	140 457	211 170	33,0	170 657	26,6	381 827	59,6
2016	123 296	206 134	27,8	185 095	25	391 229	52,8

Вопрос о перспективах назначения определенного вида наказания встает задолго до вынесения судом обвинительного приговора, а именно на стадии производства по уголовному делу. Применение к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу во многом предопределяет дальнейший выбор судом наказания в пользу лишения свободы. Выявленная корреляция между применением меры пресечения в виде содержания под стражей и назначением наказания в виде реального лишения свободы позволяет утверждать, что политика в сфере применения альтернативных лишению свободы наказаний ставится в зависимость, в том числе, и от уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения.

Опрос адвокатов показывает, что по отдельным преступлениям или по отдельным лицам, совершившим преступление, например, в отношении сотрудников органов внутренних дел, такая зависимость почти стопроцентная.

При этом доля удовлетворенных судом ходатайств о применении меры пресечения в

виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей очень высока. Структура удовлетворенных ходатайств в отношении лиц, совершивших преступления разной степени тяжести, выглядит следующим образом: по особо тяжким преступлениям – удовлетворено 96,4%; по тяжким преступлениям – удовлетворено 91,2%; по преступлениям средней тяжести – удовлетворено 89,2 %; по преступлениям небольшой тяжести – удовлетворено 85,3%⁴. В 2015 г. рассмотрено 229 787 ходатайств о продлении срока содержания под стражей (ч. 3 ст. 109 УПК РФ), 98,7 % от рассмотренных по существу ходатайств удовлетворено⁵. В 2016 г. рассмотрено 230 276, а удовлетворено 225 311 (97,8 %) таких ходатайств. В 2017 г. - 215 145 и 210 117 (97,7 %) соответственно.

В связи с этим видится необходимым вести целенаправленную работу по уменьшению репрессивности всех этапов отправления правосудия, которая проявляется как в частом назначении меры пресечения в виде заключения под стражу, вследствие чего увеличивается

и количество лиц, приговоренных к лишению свободы, так и в обвинительном уклоне судопроизводства, о чем свидетельствует доля оправданных лиц - 0,2 % ⁶. Такая статистика не может быть объяснена высоким профессионализмом работников следственных и правоохранительных органов, не способных допустить ошибку. К примеру, средний уровень оправдательных приговоров в европейских странах с развитой системой уголовного правосудия составляет 8 % ⁷.

Представляется, что приоритетной должна быть государственная уголовная политика, ориентированная на существенное сокращение как сроков лишения свободы, так и случаев назначения данного вида наказания. Этому поспособствует, в том числе, и изменение практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу, в чем уже давно назрела необходимость.

Необходимо изменение психологического настроения населения, в том числе и правоприменителей, к лишению свободы (в качестве наказания).
¹Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006.; Скобликов П.А. Мелкие кражи – крупные заблуждения: концептуальный анализ депутата и его анализ // Закон. 2015. № 12. С. 113-120.

² Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2017 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

³ На основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2015 г.

стве наказания и меры пресечения) как единственному (основному) средству воздействия на преступное поведение. Пример в этом должно подавать именно государство, которому при выработке стратегии противодействия преступности надлежит ориентироваться на достижения науки, а не на мнение общественных масс. Как представляется, именно ориентир на восприятие массами жестокости привел в Средневековье к практике ужесточения и совершенствования способов пыток и умерщвления. Гуманизм общественных нравов (смягчение нравов) возможен при бережном отношении государства к своему населению, в том числе и к тем, кто совершил преступления и осужден за них. Строгость уголовных наказаний, большие сроки лишения свободы никак не могут обеспечить достижение целей уголовного наказания. Это не только не облагораживает население, но и крайне негативно сказывается на самом подозреваемом/ обвиняемом/ осужденном и на членах его семьи как за время, так и после отбытия наказания.

Форма № 1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>.

⁵ Там же.

⁶ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2017 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477>

⁷ Langendonck G.van. Less is more in debate about prison population // NRC. URL: <http://vorige.nrc.nl/article2259194.ece>.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Полтавец В.В.,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
кандидат юридических наук*

Ключевые слова: осужденный, вид наказания, обязательные работы, исправительные работы, исправление, предупреждение преступлений.

Аннотация: В статье исследованы проблемы воспитательной работы с осужденными к обязательным и исправительным работам. Актуальность изучения поставленной проблематики подтверждается выводами, сделанными на основе анализа статистических данных о судимости в РФ за 2014-2017 гг., задач уголовно-исполнительной политики, а также положений международно-правовых актов, регламентирующих порядок исполнения наказаний, не связанных с тюремным заключением. Автором очерчен круг и обязанности субъектов, принимающих участие в проведении воспитательной работы с осужденными, сформулированы ее основные направления и способы осуществления. На основании проведенного исследования сделан вывод о необходимости законодательного оформления порядка осуществления воспитательной работы с осужденными и материального стимулирования принимающих участие в этом процессе лиц.

Keywords: convict, type of punishment, compulsory work, correctional labor, correction, prevention of crimes.

The summary: The article explores the problems of educational work with convicts for compulsory and correctional labor. The urgency of studying the problems posed is confirmed by the conclusions drawn on the basis of the analysis of the statistical data on criminal records in the Russian Federation for 2014-2017, the tasks of the criminal executive policy, as well as the provisions of international legal acts regulating the execution of sentences not related to imprisonment. The author outlines the circle and responsibilities of the subjects involved in the conduct of educational work with convicts, formulated its main directions and methods of implementation. On the basis of the study, a conclusion was drawn on the need to legislate the procedure for the implementation of educational work with convicts and the material incentives for those taking part in this process.

Реформирование уголовно-исполнительной системы обуславливает необходимость разработки и внедрения принципиально новых подходов к проведению воспитательной работы с осужденными. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» основными задачами по совершенствованию и развитию уголовно-исполнительной системы являются расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, и разработка

форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания¹.

Анализ судебной практики свидетельствует о стабильном увеличении количества осужденных к обязательным и исправительным работам. Так, в 2014 г. к обязательным работам осуждено 22 211 человек, к исправительным работам – 6 580 человек, в 2015 году к обязательным работам – 74 047 человек, к исправительным работам – 60 794 человек, в 2016 году к обязательным работам – 141 092 человека, к исправительным работам – 51 689 человек, в

2017 году к обязательным работам – 128 279 человек, к исправительным работам – 54 753 человека². При этом, также наблюдается рост количества несовершеннолетних, осужденных к указанным видам наказаний. Так, в 2015 году обязательные работы применялись к 3829 несовершеннолетним, исправительные работы – к 286 несовершеннолетним, в 2016 году обязательные работы – к 5580 несовершеннолетним, исправительные – к 327 несовершеннолетним, 2017 году обязательные работы – к 4 900 несовершеннолетним, а исправительные – к 314 несовершеннолетним³.

Безусловно, представленная практика применения наказания соответствует основным задачам проводимой уголовной и уголовно-исполнительной политики на современном этапе, а также обусловлена необходимостью интеграции России в международно-правовом поле. В связи с чем порядок применения наказаний, связанных с трудовой деятельностью осужденных, выступающих альтернативой лишению свободы, требует пристального внимания. Прежде всего это относится к организации, последовательности и формам проведения воспитательной работы с осужденными, поскольку от ее эффективности зависит исправление последних и предупреждение совершения ими новых преступлений.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации предопределила потребность в усовершенствовании воспитательной работы с осужденными. Реализация указанной задачи предполагается посредством придания большей социальной направленности работе уголовно-исполнительных инспекций, а также привлечение органов местного самоуправления, занятости населения, образования, здравоохранения, общественности, реабилитационных центров и иных организаций к процессу социальной адаптации и исправлению осужденных. Кроме этого, Концепцией предусмотрен широкий спектр иных действий, направленных на повышение эффективности проведения воспитательной работы с осужденными к обязательным и исправительным работам. Однако, анализ положений УИК РФ и, в частности, главы 4 УИК РФ «Исполнение наказания в виде обязательных работ» позволяет констатировать отсутствие законодательной регламентации порядка проведения такой работы с осужденными. Применительно к исправительным работам в ч. 3 ст. 39 УИК РФ лишь называется орган, осуществляющий воспитательную работу. До настоящего времени в УИК РФ не конкретизированы порядок, основные направления воспитательного воздействия

на осужденных и особенности взаимодействия уголовно-исполнительной инспекции с администрацией организации, где трудится последний. В Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Министерства Юстиции РФ от 20 мая 2009 года № 142⁴ этому вопросу также не уделено должного внимания. Изложенное свидетельствует о необходимости законодательной регламентации порядка проведения воспитательной работы с осужденными к обязательным и исправительным работам.

Проведение указанной работы необходимо возлагать не только на уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства осужденного. В ее осуществлении целесообразно участие администрации учреждения, где трудится осужденный, а также органов самоуправления, общественных и религиозных организаций и объединений граждан. Четкое распределение обязанностей всех субъектов, оказывающих воспитательное воздействие на осужденного, в УИК РФ будет способствовать их точному исполнению.

Основная часть воспитательной работы, безусловно, должна осуществляться уголовно-исполнительной инспекцией и заключаться не только в профилактической беседе с осужденным, а также и в проведении иных мероприятий, например, по профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании. Важное значение в этом процессе имеют тренинговые занятия, направленные на формирование у осужденного законопослушного поведения и повышения уровня его ресоциализации, помощь в разрешении конфликтных ситуаций в семье, на работе, в дальнейшем трудоустройстве и получении образования, правовое просвещение и оказание юридической помощи осужденным, физическое и культурное воспитание. По месту работы с осужденным могут проводиться профилактические беседы, курсы повышения уровня профессиональной подготовки, а также оказываться помощь в трудовом устройстве после отбывания наказания.

Участие общественных организаций и объединений граждан в воспитательном процессе осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией, сложно переоценить, поскольку оно является одним из важнейших факторов укрепления связей между осужденным, его семьей и обществом⁵. Именно поэтому следует возродить ранее успешно применяемый институт общественных инспекторов и общественных комиссий, формирующихся на предприятиях, организациях, где трудятся осужденные к

указанным видам наказаний, а также законодательно урегулировать деятельность общественных советов, создаваемых при органах местного самоуправления. Формализация порядка взаимодействия уголовно-исполнительной инспекции и общественных объединений в совокупности со стимулированием деятельности последних окажет положительный эффект на порядок проведения воспитательной работы с осужденным и, в целом, на их исправление.

Воспитательная работа с осужденным должна быть организована с учетом его личности, пола, возраста, характера, темперамента, менталитета, трудовых навыков, образования, состояния здоровья, особенностей совершенного деяния и криминального опыта. Применительно к несовершеннолетним следует также учитывать возрастные и психологические особенности личности осужденного. Определенной спецификой обладает воспитательная работа с осужденными женщинами. Как четко подмечает В.Н. Чорный «при ее организации и проведении необходимо учитывать особенности склада характера и психики женщин, возраст, а также то, что интересы большинства

связаны с социальной ролью, выполняемой в семье, коллективе и обществе»⁶.

Основными направлениями проводимой работы могут выступать нравственное, правовое, физическое, санитарно-гигиеническое, религиозное, трудовое и иное воспитание осужденных, способствующее исправлению последних и предупреждение совершения ими преступлений. Методы в этом случае могут быть использованы разнообразные: групповые, индивидуальные, тренинги, ориентированные на спецконтингент, различающиеся в зависимости от возраста и других характеристик личности осужденного. Особого внимания заслуживает воспитательная работа с осужденными несовершеннолетними и женщинами в силу их половых и возрастных индивидуально-личностных особенностей.

Подытоживая изложенное, следует подчеркнуть особую значимость воспитательного воздействия на осужденных к обязательным и исправительным работам, что обуславливает необходимость законодательного оформления порядка его исполнения в УИК РФ.

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² № 10.1 Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания / Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за 2014-2017 года. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 20.04.2018 г.)

³ № 12 Отчет об осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за 2015-2017 года. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 20.04.2018 г.)

⁴ Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: утвержденная приказом Министрства Юстиции РФ от 20 мая 2009 года № 142 (с изм. и допол. на 22.08.2014г.) // [Электронный ресурс] // <http://docs.cntd.ru/document/902163467> (дата обращения: 20.04.2018 г.).

⁵ Непосредственно в п. 17.1 Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) от 14 декабря 1990 года раскрывается значение участия общественных организаций в реализации воспитательной работы с правонарушителями, в отношении которых приняты меры, не связанные с тюремным заключением. (Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) от 14 декабря 1990 года (Приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 30.03.2018)

⁶ Чорный В.Н. Особенности реализации основных средств исправления осужденных при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества / Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.) : в 4 т. Рязань, 2013. Т. 3. С. 11 [Электронный ресурс] // URL: http://www.apu.fsin.su/territory/Apu/forum2013/materialy/22112012/sbornik_t3.pdf

СООТНОШЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ И ПРИЗНАКА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Асланян Р.Г.,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета (г. Краснодар)
Кандидат юридических наук*

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, экономически значимая информация, сведения, состав преступления, специальный субъект преступления.

Аннотация: В статье освещаются вопросы, связанные с уголовно-правовыми отношениями, возникающими при совершении преступлений в сфере экономической деятельности, в которых информация, будет средством совершения, влияет на качественные характеристики субъекта преступления. В контексте этого формируются выводы об оптимизации теории и практики уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности.

Keywords: crimes in the sphere of economic activity, economically significant information, information, crime, special subject of the crime.

The summary: The article deals with the issues related to the criminal law relations arising in connection with the Commission of crimes in the sphere of economic activity, in which the information acting as a means of committing a crime affects the quality characteristics of the subject of the crime. Conclusions are made about the optimization of the theory and practice of criminal law counteraction to crimes in the sphere of economic activity.

Анализ взаимосвязи признаков субъекта преступления и информации как средства совершения преступлений в сфере экономической деятельности показывает, что специфика информации, связанная с порядком доступа к ней, предполагает для ряда составов преступлений в сфере экономической деятельности появление дополнительного признака, связанного с возможностью конкретного лица использовать информацию в качестве средства совершения преступления. Рассмотрим взаимосвязь признаков субъекта преступления и информации как средства ее совершения, в зависимости от деления информации на: экономически значимую и не имеющую экономического значения.

Например, в составе регистрации незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ) законодатель прямо указывает на признаки специального субъекта преступления – деяние может быть совершено только должностным лицом с использованием своего служебного положения. Подобное ограничение связано со спецификой

информации как средства совершения рассматриваемого преступления. Виновное лицо, чтобы иметь возможность исказить сведения государственного кадастра недвижимости, должно иметь доступ к такому кадастру, а следовательно, обладать специальными признаками субъекта.

Следующим составом преступления, в котором информация, не имеющая экономического значения, выступает средством совершения преступления, является совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193¹ УК РФ), а именно путем представления документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода, при этом к рассматриваемому составу преступления законодатель не делает указания на признаки специального субъекта преступления. Та-

ким образом, потенциально представить ложные сведения может любое лицо, намеревающееся совершить валютную операцию. Следовательно, в рассматриваемом составе преступления информация как средство его совершения не определяет дополнительные признаки, характерные для специального субъекта преступления.

Информация, не имеющая экономического значения, выступает средством совершения преступления также в двух составах налоговых преступлений: уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ).

Законодатель здесь не делает указания на какие-либо дополнительные признаки субъекта. Однако специфика информации, включаемой в налоговую декларацию и иные документы и носящей недостоверный характер, предполагает, что такие действия может совершить лишь лицо, обязанное уплатить конкретный налог, поскольку информация касается финансовой документации конкретного лица. Таким образом, содержание ложных сведений, выступающих средством совершения преступлений, предусмотренных ст. 198 и ст. 199 УК РФ, предполагает наличие дополнительного признака субъекта, связанного с обязанностью виновного лица уплатить налог.

Перейдем к рассмотрению составов преступлений, в которых в качестве средства их совершения выступает экономически значимая информация.

В составе преступления, предусмотренном ч. 1 ст. 170¹ УК РФ, законодатель не делает специального указания на признаки субъекта преступления, так как представить в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные данные, может совершить фактически любое лицо. Хотя в ч. 2 ст. 170¹ УК РФ установлена уголовная ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг, к системе депозитарного учета. Таким образом, специфика информации, включенной в систему депозитарного учета, предполагает, что негативное воздействие на объект может осуществить лишь лицо, не имеющее законного доступа к ней. Следовательно, она влияет на характеристику субъекта преступления как специального.

Экономически значимая информация выступает средством совершения преступления также в составе преступления, предусмотренном ст. 185³ УК РФ, – манипулирование рынком. Законодатель не сделал специальных указаний относительно признаков субъекта преступления. Следует заметить, что потенциально деяние, связанное с распространением через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет), заведомо ложных сведений может совершить любое лицо. Следовательно, ограничить круг лиц, совершающих данное преступление, исходя из специфики информации, не представляется возможным.

Следующий состав преступления, относящийся к рассматриваемому вопросу, – это злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ). В данном составе законодатель также не сделал указания на признаки специального субъекта преступления. В теории уголовного права вопрос о субъекте злоупотребления при эмиссии ценных бумаг исследовал В.И. Тюнин, который отмечает, что «он зависит от характера совершаемых злоупотреблений. При внесении в проспект эмиссии ценных бумаг недостоверной информации субъектом является физическое лицо, которое готовило проспект эмиссии. Сложность определения субъекта преступления состоит в том, что в большинстве случаев законодательство предусматривает, что утверждение решения о выпуске ценных бумаг осуществляет коллегиальный орган управления. Проспект эмиссии утверждается также коллегиальным органом. При этом решение и проспект эмиссии подписываются руководителем эмитента, поэтому его и следует считать субъектом преступления. Если они подписаны также главным бухгалтером и если он был осведомлен о недостоверности сведений, то его также следует считать субъектом преступления. Когда проспект эмиссии разрабатывался главным бухгалтером по заданию руководителя организации, то возможно рассматривать руководителя как организатора преступления, однако последующие действия – подписание документов выпуска – позволяют считать его исполнителем преступления. Отчет об итогах выпуска утверждает коллегиальный орган, а подписывает руководитель и главный бухгалтер. Значит, они являются субъектами преступления»¹.

Более широко к пониманию субъекта подходит Н.А. Вербицкая, которая отмечает, что субъектом злоупотребления в форме внесения заведомо недостоверной информации в

проспект ценных бумаг может выступать не только любой работник эмитента, которому поручена подготовка проспекта, но и работник финансового консультанта, а также лицо, составляющее проект проспекта ценных бумаг по гражданско-правовому договору, заключенному с эмитентом.

Субъектом размещения ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, может быть руководитель организации-эмитента, независимый брокер, а также работники организаций-профессиональных участников рынка ценных бумаг: финансового консультанта, брокера, дилера, депозитария. Две последние категории могут совершить преступление только совместно с руководителем эмитента².

На наш взгляд, вторая позиция более предпочтительна ввиду того, что ключевое значение в данном аспекте имеет доступ к проспекту ценных бумаг.

Исходя из вышеизложенного, очевиден вывод о том, что совершение рассматриваемого деяния невозможно лицом, не имеющим доступа к проспекту эмиссии ценных бумаг. Таким образом, уголовную ответственность может нести только то лицо, у которого есть полномочия по внесению информации в проспект ценных бумаг. Следовательно, качества информации, связанные с порядком ее внесения, определяют дополнительную характеристику

субъекта злоупотребления при эмиссии ценных бумаг. Думается, во избежание двойственного понимания уточнение относительно субъекта преступления следует внести в диспозицию рассматриваемой уголовно-правовой нормы и указать, что деяние может быть совершено лишь «лицом, имеющим полномочия по внесению информации в проспект ценных бумаг».

Продолжая наше исследование, рассмотрим состав преступления, предусмотренный ст. 179 УК РФ, – принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения. В данном преступлении в качестве средства его совершения может выступать как экономически значимая информация, так и информация, не имеющая экономического значения. Законодатель здесь не сделал указаний относительно признаков субъекта преступления. Думается, что доступ к сведениям, которые могут причинить существенный вред и использовать их с целью принуждения другого лица к заключению сделки или отказу от ее совершения потенциально может любое лицо. В этой связи для данного состава преступления нельзя говорить о наличии каких-либо дополнительных признаков, характеризующих субъекта.

Таким образом, информация с необходимостью предполагает наличие дополнительных характеристик у субъекта преступления: либо наличие у лица доступа к ней (а равно отсутствие такового), либо наличие обязанности по предоставлению определенной информации.

¹ Тюнин В.И. Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг // Российская юстиция. – 2003. – № 3.

² Вербицкая Н.А. Злоупотребления при эмиссии корпоративных ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 10.

Содержание

<i>Коняхин В.П.</i> Кафедра уголовного права и криминологии КубГУ: современный период развития (2013-2018 гг.)	2
<i>Коняхин В.П., Петровский А.В., Куфлева В.Н.</i> Предупреждение преступлений: зарубежный опыт и региональный аспект	9
<i>Милюков С.Ф.</i> Тупиковые пути российской уголовно-правовой политики и возможные выходы из них	16
<i>Налла М. К., Гуринская А.Л.</i> Страх перед преступностью и стратегия профилактики преступлений: значение опыта предшествующей виктимизации, взаимодействия с полицией и доверия к ней	21
<i>Дикаев С.У.</i> Криминологические проблемы реализации права народа на самоопределение: региональные аспекты	29
<i>Бойко А.И.</i> Криминологический портрет территории как матрица для управления правоохранительной деятельностью	33
<i>Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М.</i> Неопределенность преступления	39
<i>Козаченко И.Я.</i> Мироззренческие модели уголовного права	46
<i>Лопашенко Н.А.</i> Пленум Верховного суда РФ о понимании признака устойчивости организованной группы	50
<i>Образжиев К.В.</i> Дополнительное уголовное законодательство: зарубежный опыт и перспективы его внедрения в российское уголовное право	54
<i>Кибальник А.Г.</i> Первое решение международного остаточного механизма для уголовных трибуналов по делу Воислава Шешеля	58
<i>Петровский А.В., Прохорова М.Л.</i> Региональное криминологическое законодательство и мониторинг в сфере профилактики правонарушений	61
<i>Гуринская А.Л.</i> Наказание как превентивный инструмент: обзор интегративных подходов криминологической теории сдерживания	69
<i>Огородникова Н.В.</i> Уголовно-правовой запрет как инструмент предупреждения преступлений: отечественный и зарубежный опыт учета привелигирующих признаков убийства	77
<i>Грузинская Е.И.</i> К вопросу о противодействии преступлениям через призму их наказуемости	82
<i>Куфлева В.Н.</i> Уголовно-правовые аспекты противодействия организованной преступности во Франции	86
<i>Князькина А.К.</i> Криминализация «сопутствующих» террористических преступлений в международных актах и УК РФ	89
<i>Дикаева М.С.</i> Криминологический анализ региональной судебной практики назначения уголовного наказания в виде лишения свободы	94
<i>Полтавец В.В.</i> Воспитательная работа с осужденными без изоляции от общества как основное средство предупреждения преступлений	97
<i>Асланян Р.Г.</i> Соотношение информации как средства совершения и признака субъекта преступлений в сфере экономической деятельности	100